

ISSN 2524-0285

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Б
Гуманитарные
науки

4/2025

Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета.
Серия Б: Гуманитарные науки»

Ответственный редактор – д-р филос. наук, проф. Н.Н. Емельянова.

Заместитель ответственного редактора – д-р пед. наук, доц. Д.А. Чернышев.

Ответственный секретарь – канд. ист. наук, доц. В.В. Разумный.

Члены редколлегии: д-р ист. наук, доц. **В.Л. Агапов**, д-р ист. наук, проф. **А.В. Бредихин**, д-р филос. наук, доц. **В.В. Волошин**, д-р ист. наук, проф. **А.А. Выборнов** (Самарский государственный социально-педагогический университет), д-р филос. наук, проф. **Г.В. Гребеньков** (Донецкая государственная музыкальная академия им. С.С. Прокофьева), д-р пед. наук, проф. **А.И. Дзундза**, д-р пед. наук, проф. **Е.Г. Евсеева**, д-р ист. наук, проф. **Г.П. Ерхов**, д-р филос. наук, проф. **Е.А. Капичина** (Луганская государственная академия культуры и искусств им. М. Матусовского), д-р ист. наук, проф. **А.В. Кияшко** (Южный Федеральный университет), д-р ист. наук, доц. **А.В. Колесник**, д-р пед. наук, проф. **М.Г. Коляда**, д-р ист. наук, проф. **Е.Ф. Кринко** (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований, Южный научный центр РАН), д-р ист. наук, доц. **Д.С. Крысенко** (Луганский государственный аграрный университет им. К.Е. Ворошилова), д-р ист. наук, доц. **А.И. Минаев** (Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина), д-р филос. наук, проф. **Д.Е. Муза**, д-р ист. наук, проф. **Г.Р. Наумова** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р филос. наук, доц. **Т.Э. Рагозина** (Донецкий национальный технический университет), д-р пед. наук, проф. **Е.И. Скафа**, д-р пед. наук, проф. **О.Ф. Турянская** (Луганский государственный педагогический университет), д-р ист. наук, доц. **Л.Г. Шепко**.

Editorial Board of the journal “Bulletin of Donetsk National University.
Series B: Humanities”

Editor-in-Chief – Doctor of Philosophy, Prof. N.N. Yemelianova.

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Pedagogy, Docent D.A. Chernyshev.

Executive Secretary – Candidate of History, Docent V.V. Razumnyi.

Members of the Editorial Board: Doctor of History, Docent **V.L. Agapov**, Doctor of History, Prof. **A.V. Bredikhin**, Doctor of Philosophy, Docent **V.V. Voloshin**, Doctor of History, Prof. **A.A. Vybornov** (Samara State Socio-Pedagogical University), Doctor of Philosophy, Prof. **G.V. Grebenkov** (Donetsk state Prokofiev musical academy), Doctor of Pedagogy, Prof. **A.I. Dzundza**, Doctor of Pedagogy, Prof. **Ye.G. Yevseeva**, Doctor of History, Prof. **G.P. Yerkhov**, Doctor of Philosophy, Prof. **E.A. Kapichina** (Lugansk State Academy of Culture and Arts), Doctor of History, Prof. **A.V. Kiyashko** (Southern Federal University), Doctor of History, Docent **A.V. Kolesnick**, Doctor of Pedagogy, Prof. **M.G. Kolyada**, Doctor of History, Prof. **Ye.F. Krinko** (Institute for Socio-Economic and Humanities Research, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences), Doctor of History, Docent **D.S. Krysenko** (Luhansk Voroshilov State Agricultural University), Doctor of History, Docent **A.I. Minaev** (Ryazan State University), Doctor of Philosophy, Prof. **D.Ye. Muza**, Doctor of History, Prof. **G.R. Naumova** (Lomonosov Moscow State University), Doctor of Pedagogy, Doctor of Philosophy, Docent **T.E. Ragozina** (Donetsk National Technical University), Prof. **Ye.I. Skafa**, Doctor of Pedagogy, Prof. **O.F. Turyanskaya** (Luhansk State Pedagogical University), Doctor of History, Docent **L.G. Shepko**.

Адрес редакции: ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк, ДНР, РФ.

Тел: +7(856) 302-92-33

E-mail: razumnyi.vitalii@yandex.ru

URL: <http://donnu.ru/vestnikB>

С 01.10.2024 г. научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК РФ) по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

- 5.6.1. Отечественная история (исторические науки),
- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки),
- 5.6.3. Археология (исторические науки),
- 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки),
- 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки),
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки).

*Печатается по решению Учёного совета ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет».
Протокол № 16 от 29.12.2025 г.*

**Вестник
Донецкого
национального
университета**

Серия Б. Гуманитарные науки

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

№ 4/2025

СОДЕРЖАНИЕ

История

<i>Абуков С.Н.</i> Семейные конфликты Рюриковичей в свете происхождения князей от разных матерей (кон. X – перв. пол. XIII вв.)	5
<i>Бредихин А.В., Деркач Е.С.</i> Взаимодействие Аргентины и Советского Союза в межвоенный период (1920–1930-е гг.)	14
<i>Гречихин К.А.</i> Внутренняя политика Саддама Хусейна по отношению к курдам: анализ зарубежной историографии	21
<i>Джумагулова А.Т.</i> Деклассирование традиционной аристократии и формирование новой элиты: к проблеме социальной мобильности ногайцев Северного Кавказа в XIX – начале XX веков	27
<i>Ешпанов В.С.</i> Деятельность тыловых эвакогоспиталей в годы Великой Отечественной войны (на примере Актюбинской области)	34
<i>Разумный В.В., Ковалёв В.А.</i> Политика морского запрета и ее отражение на внешней торговле ранней Цин (середина XVII в. – начало XVIII вв.)	40
<i>Скопылатова В.И.</i> Лоялистские организации в Северной Ирландии и их роль в эскалации конфликта	48

Философия

<i>Елхова О.И.</i> Алгоритмы как архонты метаверса: онтотехническая власть и границы субъектности	57
<i>Камарали А.В.</i> Информационная культура: грани взаимодействия смыслов	66
<i>Клименко А.Б.</i> Идентичность жителей Донбасса: онтологический аспект	73
<i>Лустин Ю.М.</i> Человек и гражданское общество в парадигме диалектико-типологического взаимодействия: концептуальный конструкт	80

<i>Максименко Е.Г., Руденко С.В., Киселёва И.В., Майстепанова Д.Р.</i>	
Психодинамическая реконструкция мотивов, философии и экзистенциальных смыслов человека в психологической помощи при кризисных состояниях	88
<i>Шатохина Н.П. Динамика развития свободы в традиционном обществе</i>	100

Педагогика

<i>Данько Ю.В., Шеремета Е.И. Возможности ресурса Voyant Tools в обучении грамматике английского языка</i>	106
<i>Дробышев Е.Ю. Результативность применения различных форм организации учебно-исследовательской деятельности во внеурочное время: сравнительный анализ</i>	112
<i>Дзундза А.И., Моисеенко И.И., Моисеенко И.А., Цапов В.А. Анализ динаминости интеллектуально-познавательной сферы как важной характеристики личности будущего учителя</i>	121
<i>Сычева К.В. Оценка знаний учащихся о социальной защите в контексте реформирования среднего образования</i>	129
Правила для авторов	140

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

Series B. Humanities

No 4/2025

CONTENTS

History

<i>Abukov S.N.</i> Family conflicts of the Rurikids in the light of the origin of the princes from different mothers (late X-th – early XIII-th centuries)	5
<i>Bredikhin A.V., Derkach E.S.</i> Interaction between Argentina and the Soviet Union during the interwar period (1920–1930s)	14
<i>Grechikhin K.A.</i> Saddam Hussein's domestic policy towards the Kurds in foreign historiography	21
<i>Dzhumagulova A.T.</i> Declassing of the traditional aristocracy and the formation of a new elite: on the problem of social mobility of the Nogais in the North Caucasus in the XIX-th – early XX-th centuries	27
<i>Yeshpanov V.S.</i> Activities of rear evachospitals during the Great Patriotic War (on the example of the Aktyubinsk region)	34
<i>Razumnyi V.V., Kovalev V.A.</i> The policy of the Sea Ban and its impact on the foreign trade of the early Qing dynasty (mid XVII-th century – early XVIII-th century)	40
<i>Skopylatova V.I.</i> Loyalist organizations in Northern Ireland and their role in the escalation of the conflict	48

Philosophy

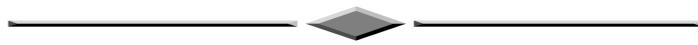
<i>Elkhova O.I.</i> Algorithms as archons of the metaverse: ontotechnical power and the limits of subjectivity	57
<i>Kamarali A.V.</i> Information culture: the boundaries of interaction between meanings	66
<i>Klimenko A.B.</i> Identify of Donbass residents: ontological aspect	73
<i>Lustin Yu.M.</i> Human and civil society in the paradigm of dialectical-typological interaction: conceptual construct	80

<i>Maksimenko E.G., Rudenko S.V., Kiseleva I.V., Maistepanova D.R.</i> Psychodynamic reconstruction of human motives, philosophy, and existential meanings in psychological care during crisis states	88
<i>Shatokhina N.P.</i> The dynamics of freedom in traditional society	100

Pedagogy

<i>Danko Yu.V., Sheremeta E.I.</i> Possibilities of the Voyant Tools resource in teaching English grammar	106
<i>Drobyshev E.Yu.</i> Effectiveness of using various forms of organizing educational and research activities in extra-curricular time: comparative analysis	112
<i>Dzundza A.I., Moiseyenko I.A., Moiseyenko I.I., Tsapov V.A.</i> Analysis of the dynamics of the intellectual-cognitive sphere as an important characteristic of the personality of a future teacher	121
<i>Sicheva K.V.</i> Assessment of students' knowledge about social protection in the context of secondary education reform	129
Guidelines for authors	140

ИСТОРИЯ

УДК 94 (367): 929.5 «12/13»

DOI: 10.5281/zenodo.18330687

EDN: QQGBUI

СЕМЕЙНЫЕ КОНФЛИКТЫ РЮРИКОВИЧЕЙ В СВЕТЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ КНЯЗЕЙ ОТ РАЗНЫХ МАТЕРЕЙ (КОН. X – ПЕРВ. ПОЛ. XIII ВВ.)

© 2025 *С.Н. Абуков*

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

Статья посвящена изучению такого фактора в межкняжеских отношениях Рюриковичей, как антагонизм между линиями князей, происходящих от разных матерей. Данная тема не получила комплексного исследования в научной литературе. Автор проанализировал известные и гипотетические примеры такой ситуации в династии древнерусских князей в XI – пер. пол. XIII вв., и сделал вывод о важности данного обстоятельства при оценке княжеских конфликтов, борьбы за власть и владения. Разное происхождение князей было способно усугублять конфликты не только между братьями, но и отражаться на их потомстве. В то же время такой фактор нельзя абсолютизировать, так как он мог быть задействован в конкретных ситуациях.

Ключевые слова: Рюриковичи, Русь, князь, сын, мать, семья, происхождение, конфликт.

В мировой истории, начиная от первых династий, известно немало случаев семейных конфликтов, основанных на противостоянии сыновей правителя, рожденных от разных матерей. Часто речь идет о вопросе наследования власти, что сопровождалось заговорами, интригами и трагедиями. Матери старались сделать все, чтобы продвинуть на трон своих отпрысков. Вероятно, подобная конфликтность на разных социальных уровнях глубоко заложена в самой природе человека. Изобилует примерами борьбы за власть или владения между детьми от разных браков и история средневековой Европы. В данной статье предпринята попытка показать эти процессы на отечественном материале, а именно на примерах отношений между сыновьями древнерусских князей от разных женщин и влиянием этого фактора на конфликты Рюриковичей. Важно представить, как данный фактор отразился на отношениях между братьями, рожденными от разных союзов отца, рассмотрев эту проблему в более широком семейном контексте по линиям: братья, мачехи-пасынки, дяди-племянники. Это лишний пример того, как конкретные генеалогические задачи позволяют лучше понять межкняжеские отношения Рюриковичей и общие события русской истории.

Таким образом, нашей целью является исследование фактора влияния происхождения князей от разных женщин (в браке или вне брака) на отношения в семьях Рюриковичей и в последующем. Безусловно, подобное родство не являются априори конфликтным, как ничто не мешало полнородным братьям воевать друг с другом, тем интереснее выявить подобные примеры. Итак, насколько же подобное имело место на Руси?

Надо сказать, что комплексно проблема не получила изучения. Обычно специалисты, особенно в области генеалогии, касались изучения княжеских браков Рюриковичей и потомства от них, не акцентируя внимание на данном обстоятельстве

как имевшим значение. Обычно в фундаментальных работах, ученые ограничивались отдельными замечаниями о межкняжеских отношениях древнерусских князей (В.Н. Татищев [1], Н.М. Карамзин [2], С.М. Соловьев [3], М.П. Погодин [4]) не делая далеко идущих выводов. В специализированных работах, посвященных запутанным вопросам иностранных браков Рюриковичей, ряд исследователей сделал ценные конкретные выводы (В.Л. Янин [5], А.В. Назаренко [6], В.А. Кучкин [7], Е.В. Пчелов [8], Н.А. Баумгартен [9], О.М. Рапов [10], Д. Донской [11], Л.В. Войтович [12], Д.Домбровский [13]. Весьма плодотворно, далеко за рамками заявленной антропонимики, изучают проблему браков Рюриковичей, особенно полно на материалах домонгольской Руси, А.Ф. Литвина и Ф.Б. Успенский [14]. В настоящее время можно констатировать интерес к теме со стороны российских ученых. Из перечисленных авторов, как представляется, наиболее четко проблему поставил В.А. Кучкин, упомянув несколько подобных примеров: «...имела место борьба князей одного отца и разных матерей, сочетавшихся церковным браком» [7, с. 74].

В начале необходимо оговориться, что наши источники, и в первую очередь летописи, оставляют мало места для женщин в силу своей андроцентричности, поэтому так много спорных мнений о княжеских браках и происхождении Рюриковичей по женской линии. В результате исследователь находится в затруднении, так как не всегда может однозначно сказать, кто именно является материами князей, и действительно ли речь идет о сыновьях от разных браков. Более того, как увидим ниже, не всегда вообще можно говорить о детях от церковного брака. В связи с этим, в некоторых случаях, при отсутствии данных источников, имеет место элемент гипотетичности, основанный на косвенных признаках.

Практически с начала разветвления династии Рюриковичей в X в. мы видим факты борьбы между братьями, рожденными от разных женщин. Так как конфликты сыновей Святослава Игоревича и Владимира Святославича уже были предметом нашего рассмотрения, то отметил только несколько акцентов [15, с. 41-43]. Мы знаем летописные слова полоцкой княжны Рогнеды, противопоставившей «робочича» Владимира Ярополку, мать которого было иного высокого происхождения [16, стб. 299]. Очевидно, что оскорбительные оценки статуса матери Владимира Святославича Малушки и негатив вокруг происхождения его самого придавал конфлиktу дополнительное ожесточение, что видно по убийству отца и братьев Рогнеды, за которым стоял дядя Владимира по матери Добрыня, как и акт публичного насилия над полоцкой княжной. Это конфлиkt двух разных линий родства по женской линии [14, с. 338, прим. 8]. Трудно не согласиться с К.А. Богдановым, который считал, что разные матери и родня сыграли на руку отчуждению и подогреванию конфронтации между сыновьями Святослава [17, с. 111]. В дальнейшем Владимир хладнокровно умертил единокровного брата Ярополка, подослав к нему убийц (980 г.). Это сильно контрастирует с тем, как Ярополк оплакивал ранее своего, как видно, родного брата Олега, погибшего в ходе усобицы в Овручe в результате интриг и мести Свенельда [16, стб. 75, 78].

Развернувшаяся после смерти Владимира Святославича борьба за власть стала примером очередного семейного конфликта между сыновьями правителя от разных женщин. Л.В. Войтович отмечает, что дети от разных жен Владимира «плохо контактировали» [12, с. 248]. Здесь мы наблюдаем разобщенность, когда каждый из многочисленных Владимировичей действует сам за себя. Обращает на себя внимание особое положение в семье Святополка, рожденного от монахини-гречанки. Святополк, родной или, скорее, приемный сын Владимира (сын брата Ярополка) не имел

полнородных братьев. С Владимировичами он расправлялся скоро и жестоко. Нет сомнения, что такая же участь ждала и Ярослава в случае проигрыша. Отметим, что при совпадении некоторых деталей из «Саги об Эймунде», где ключевым является имя Бурицлав, едва ли следует перекладывать вину за убийство Бориса на Ярослава Мудрого [8, с. 84-86]. Свою ненависть Святополк перенес на свою мачеху и сестер, захваченных в Киеве польским князем Болеславом I [18, с. 178]. Поступок Болеслава, выступающего полным хозяином положения в Киеве, с сестрой Ярослава Предславой только усиливает неуважительное отношение к семье Владимира [14, с. 345] и [8, с. 84-86].

Восприятие конфликтного потенциала такого неполнородного родства отмечено летописцем, который приводит слова завещания Ярослава Мудрого, видевшего причину в братоубийстве в рождении сыновей у Владимира от разных жен, и выражившего уверенность, что в случае с его собственными сыновьями такого не может произойти («се азъ ѿхожю свѣта сего снѣ мои . имѣйте в собѣ любовь . понеже вѣ есте братѣ единогоѡ и мѣре . да аще будете в любви межу собою») [16, стб. 161]. Таким образом, данное обстоятельство было очевидно в XI в.

В связи с этим возникает некоторое недоумение историков из-за поднимающейся в источниках темы антагонизма между потомками Ярослава Мудрого и его брата полоцкого князя Изяслава, хотя оба князя по летописи рождены от Рогнеды. Сюжет акцентирован в статье Лаврентьевской летописи 1128 г. [16, стб. 299]. Об этом же говорится и в «Слове о полку Игореве» [19, с. 390]. Даже в антронимическом плане полоцкие князья диссонируют с Ярославичами, включая имя отца Рогнеды Рогволода, исключеного из именослова потомков Ярослава Мудрого. Тут, вероятно, перед нами пример ложного представления о разном происхождении матерей, призванном объяснить вражду между двумя линиями древнерусских князей. Изяслав и его потомки, правя в Полоцкой земле, стали как бы единственными продолжателями прежней династии.

Любопытно также, что из источников почти исчезли упоминания о старшем сыне Ярослава Мудрого от первого брака Илье. Учитывались по старшинству только сыновья Ярослава от Ингигерды [16, стб. 179]. Ничего не известно и о первой жене князя. Причину такой «забывчивости» можно объяснить все тем же фактором детей от разных браков. Малолетний Илья выпал числа Рюриковичей и вокруг его существования и судьбы возникла сегодня целая дискуссия [20, с. 221-223].

Как известно, трое старших сыновей Ярослава Мудрого после многолетнего триумвирата рассорились, и Святослав со Всеволодом изгнали Изяслава из Киева, не посмотрев ни на общее происхождение, ни на слова отца. Впрочем, Ярославичи избегали кровавых эксцессов, как поколение их отцов и дедов. В 1077 г. Всеволод Ярославич после смерти Святослава уступил вернувшемуся Изяславу старший стол [16, стб. 199].

Обратимся к семьям этих трех Ярославичей. Мы точно знаем о двух браках Всеволода Ярославича и его детях от обеих жен, благодаря летописным сообщениям [16, стб. 220]. Сын Всеволода Владимир Мономах демонстрирует привязанность к младшему единокровному брату Ростиславу и уважение к мачехе [21, стб. 237-238]. Можно сказать, что это такая идеалистическая картинка взаимоотношений в княжеской семье.

Два брака было у Святослава Ярославича [6, с. 185]. Обращает на себя внимание знаменитое изображение семьи Святослава Ярославича в «Изборнике» 1073 г., созданном по заказу княжеской четы. Что же здесь видим: Святослава, его вторую супругу с маленьким сыном Ярославом, четверых стоящих сыновей от первого брака

на заднем плане, имена которых читаются над ними: Глеб, Олег, Давыд, Роман. Но, вернее, мы видим только трех старших сыновей. Лицо четвертого, как видно, Давыда, полностью скрыто фигурой мачехи (выглядывает только его шапка). При этом все фигуры предстоят перед Спасителем, но лицо одного из Святославичей таким изобразительным способом отвращено от Бога [22, л. 1об].

Было ли это сознательной попыткой со стороны заказчика скрыть от глаз нелюбимого сына или пасынка, или это просто ничего не значащая деталь изображения? Сам «Изборник», как отмечают специалисты, переписан с болгарского оригинала, прославляя имя заказчика Святослава Ярославича [23, с. 194]. Видимо, каждому персонажу семьи Святослава уделено далеко не случайное место. Очевидно одно: композиционно «семейный портрет» решен в пользу княгини и ее маленького сына, занявших наиболее почетные места впереди, а старшие Святославичи составили только фон. Эта вторая жена киевского князя – немка Ода [6, с. 182]. Любопытно, что в знаменитом «Любецком синодике» поминания черниговских князей указана только одна жена Святослава Ярославича некая «Киликия» [24, с. 24]. Очень вероятно, что это первая супруга князя – мать старших Святославичей, продолживших династию черниговских князей, что объясняет ее включение в помянник. «Киликия» синодика – это Цецилия, а значит жена Святослава была католичкой. А.В. Назаренко предложил ее венгерское происхождение [6, с. 192 прим. 58]. Понятно, почему там нет матери Ярослава Святославича, потомство которого правила только в Муромо-Рязанском княжестве. Вероятно, что за заказом этой миниатюры стоит жена Святослава, у которой были конфликты с пасынками, уже достаточно взрослыми княжичами, как видно на миниатюре.

О дальнейших конфликтах в потомстве Святослава Ярославича, связанных с разным происхождением матерей, мы скажем ниже.

Историки разошлись во мнении о числе браков Изяслава Ярославича, еще одного сына Ярослава Мудрого, принимая его жену Гертруду-Олисаву то за одно лицо, то за два. Не удивительно, что исследователи предположили, а затем писали о двух браках Изяслава [11, с. 25–26; 8, с. 92]. В.Л. Янин убедительно доказал, что речь идет об одной супружке князя [5, с. 148]. Единственno, не совсем понятно определение Ярополка как единственного сына княгини в «Трирской псалтыри». А.В. Назаренко нашел этому объяснение во внебрачном рождении Святополка [25, с. 570]. Вопрос остается довольно спорным, но можно отметить некоторую отчужденность между братьями Святополком и Ярополком. Пока второй боролся со своими противниками на Волыни, первый спокойно княжил в Новгороде и не поддерживал брата, вскоре убитого [16, стб. 205-206]. Более того, в дальнейшем, мы видим преследование Святополком сына брата Ярослава Ярополчика [16, стб. 275-276].

В поколении внуков Ярослава Мудрого мы имеем среди русских князей три ведущие фигуры: Святополка Изяславича, Владимира Всеволодовича Мономаха и Олега Святославича, которые были женаты более одного раза и имели детей от разных женщин. К сожалению, источники ничего не говорят об отношениях между сыновьями Святополка, у которого было два или три брака [12, с. 355]. Его старший сын Мстислав был рожден от наложницы, что само по себе редкое, и потому весьма ценное указание летописи [16, стб. 270]. Не видно какой-либо ущербности этого Святополчика в его статусе владетельного князя. Важно подчеркнуть следующее обстоятельство, подмеченное еще М.П. Погодиным и, вероятно, восходящее к скандинавским предкам Рюриковичей, а именно, внебрачные сыновья сохраняли те же права, как и законные [4, с. 421]. Само по себе летописное упоминание факта происхождения Мстислава

любопытно, как и негативный образ этого князя, созданный в Киево-Печерском патерике, где он предстает корыстным и жестоким человеком, наказанным Богом [26, с. 78-79]. Мы не можем проследить, как дальше сложилась бы судьба Мстислава Святополича как владельца и преемника отца, так как он был убит случайной стрелой во время обороны Владимира Волынского [16, стб. 272]. В.Н. Татищев где-то нашел или додумал, что и второй сын Святополка Ярослав также якобы появился на свет вне брака, но это только предположение [1, с. 119]. Младшие и поздние дети киевского князя Брячислав и Изяслав Святополчи на момент смерти отца оставались малолетними, и друг за другом рано ушли из жизни, поэтому ничего нельзя сказать о семейных делах Святополка.

Говоря о Владимире Мономахе, невозможно обойти тему его браков. Их количество остается спорным. Еще Н.М. Карамзин определил, что их было три [5, с. 284, прим. 240]. В связи с этим любопытно, от кого рождены его дети. В.Т. Пашуто и И.М. Ивакин считали, что все дети рождены от одного брака и их мать Гита Уэссекская, дочь короля Англии 1066 г. Гарольда II [27, с. 206-207] и [28, с. 135]. Особое указание на смерть матери Юрия в «Поучении» подтолкнуло к мысли считать мать Юрия любовницей, что не было, как отмечалось, чем-то уникальным [9, р. 24].

А.В. Назаренко и В.А. Кучкин в своей полемике показали, что браков у Владимира Всеволодовича было три, а дети рождены в первом и втором из них [25, с. 600-601, 607] и [7, с. 73]. Действительно, третья жена князя умерла летом 1126 г., т. к. под летописной «княгиней Владимировой» трудно в это время увидеть кого-то, кроме вдовы Мономаха, и этот поздний брак уже был бездетным [16, стб. 296]. О том, что у детей Мономаха были разные матери говорит и известный промежуток в 26 лет между рождением его старшего и младшего сыновей, если иметь ввиду ограниченную фертильность женщин. Легко заметить, что старшие сыновья Владимира Мономаха носили славянские имена: Мстислав, Изяслав, Святослав, Ярополк и Вячеслав, а младшие – греческие: Юрий (Георгий), Роман и Андрей. Существование еще одного сына Глеба у В.Н. Татищева, которому доверился О.М. Рапов, кажется весьма сомнительным [10, с. 142]. Если первая жена была англосаксонкой, то вторая, возможно, была гречанкой и связана с семьей Мономаха по матери, которая была близкой родней императора Константина IX, а вовсе не его дочерью [29, с. 4-10]. На вероятные корни этой жены Мономаха указывают и исключительно греческие имена не только сыновей, но и дочерей (Мария, Евфимия и Агафья), а также брак с греческим царевичем и венгерским королем, имевшим византийские политические интересы.

Что касается матери Юрия Долгорукого, смерть которой особенно выделил в своем «Поучении» Мономах, то едва ли она могла быть его любовницей [16, стб. 250]. Во-первых, это противоречит самому христианскому духу поучения и глубокой религиозности Владимира Всеволодовича. Во-вторых, зачем князю было напоминать сыновьям и потомкам о своем грехопадении. Очевидно, что Юрий – первенец второго брака отца, как и считал В.А. Кучкин, что давало князю ряд преимуществ [7, с. 74], но его рождение следует отнести к сер. 90-х гг. XI в., после того как первый брак Мономаха завершился. Здесь мы вновь вынуждены констатировать ошибочность свидетельства В.Н. Татищева о более раннем рождении Юрия, которое долгое время вводило в заблуждение исследователей [1, с. 96]. Действительно, можно заметить некий антагонизм старших и младших Владимировичей, между которыми имелся временной разрыв, приходившийся на сер. 80-х-сер. 90-х гг. XI в. [7, с. 60].

Это различие между сыновьями Мономаха от двух браков передалось и на отношения его внуков Мстиславичей с их младшими дядями. Киевский князь Ярополк

Владимирович, наследовавший Мстиславу в 1132 г., пытался по договоренности со старшим братом, пристроить на княжеские столы его сыновей, но натолкнулся на сопротивление самых младших братьев Юрия и Андрея, двоих оставшихся сыновей от второго брака, которые категорично не согласились с их распределением [21, стб. 294-295]. Юрий и Андрей совместно выступили против распоряжений Ярополка. Также младшие братья поклялись заботиться о детях друг друга [7, с.73, прим.111]. Вообще, в дальнейшем Юрий – главный враг Мстиславичей и старшего из них Изяслава. Тем самым это очевидный конфликт старшего внука от первого брака Владимира Мономаха со старшим сыном от его второго брака. Семейные дрязги ослабили Мономашичей, что отмечали еще историки XIX в. [30, с. 76]. Это привело к захвату Всеволодом Ольговичем Киева в 1139 г. Не последнюю роль сыграло и родство Всеволода с Мстиславичами, приходившегося ему шурьями. Его тесный союз с Мстиславичами шокировал других Ольговичей [21, стб. 313].

Среди самих сыновей Мстислава Великого на особом положении находился самый младший Владимир, рожденный от второго брака киевского князя с новгородской боярыней [21, стб. 286, 294]. Его насмешливый, а может и презрительный матроним «Мачешич» как нельзя лучше характеризует его статус и отношение к нему родни. Само прозвище, как отмечал Д. Домбровский, исходило от окружения старшей линии Мстиславичей или дяди Юрия [13, с. 177]. Скорее, от первых, рожденных от шведской принцессы Христины, так как именно они выступили его главными недоброжелателями. В ходе конфликта от племянника Мстислава Изяславича пострадал не только Владимир Мстиславич, но и его мать, попавшая к Мстиславу в плен в 1156 г. в результате неожиданного нападения на Владимир [21, стб. 484]. В дальнейшем он продолжает преследовать мать Владимира Мстиславича. Заняв Киев в 1167 г., Мстислав Изяславич потребовал от вдовы деда покинуть город, что она и сделала [21, стб. 537]. Очевиден негатив к Мачешичу официозной Киевской летописи, близкой к его племянникам Ростиславичам, которая изображает его человеком бесчестным, недостойным князем [21, стб. 546-547]. Одним из самых богопротивных поступков Владимира стало ограбление и изгнание им вдовы умершего двоюродного брата, дорогобужского князя Владимира Андреевича, которой он поклялся не причинить зла (1169 г.). Действительно, это летописная история подтверждается граффити Софийского собора, где княгиня названа «многопечальной» [31, с. 25-28]. Тем самым мы видим разницу между сыновьями Мстислава от двух браков. Только смерть спасла Мачешича от изгнания с киевского стола в 1171 г.

Не менее интересными в контексте нашей темы выглядят отношения в семье потоков Святослава Ярославича. В 1127 г. Всеволод Ольгович изгнал из Чернигова престарелого дядю Ярослава Святославича, рожденного от второго брака его деда Святослава Ярославича с немецкой принцессой Одой [6, с. 182]. Будучи уже киевским князем, Всеволод Ольгович объявил своим преемником брата Игоря. Двоюродным Владимиру и Изяславу Давыдовичам он явно отдавал предпочтение перед братом Святославом Ольговичем [21, стб. 310-313]. Весьма вероятно, что Всеволод и Святослав имели разных матерей. Как представляется, первой женой князя Олега Святославича была гречанка Феофания Музалон [32, с. 80-88]. Правда, у такой идентификации есть и серьезные противники [33, с. 289-304]. По теме существует отдельная литература, в которой авторы пытаются на основании сфрагистического материала определить матrimoniальные дела основателя династии Ольговичей. Точно известно, что матерью сына Олега Святослава была половчанка. В борьбе со своими противниками Святослав Ольгович опирался на своих половецких дядей по матери [21,

стб. 329]. Похоже, что именно в этом кроется причина отношений между сыновьями Олега Святославича, в результате которых Святослав был обделен старшим братом, а двоюродные братья оказались ближе родного. Но и в следующем поколении уже двоюродные братья Святослав Всеволодович и Олег Святославич враждуют между собой [21, стб. 522-523].

Продолжая обзор семейных конфликтов Рюриковичей, напомним характерный поступок владимирского «самовластца» Андрея Юрьевича Боголюбского, который, помимо других шагов по укреплению своей власти, в 1161 г. изгнал своих братьев Мстислава, Василько и Всеволода с мачехой из своего княжества [21, стб. 520]. Вероятно, что от второго брака были не только эти трое младших Юрьевичей, но и Михалко. Последний также оказался на юге. Впрочем, владимирский князь не пожалел и родных племянников Ростиславичей [21, стб. 520]. Младшие Юрьевичи вынуждены были сами устраивать свою судьбу, так что некоторые из них добрались до византийских владений. Но Андрей почему-то оставил братьев Ярослава и Святослава (последний был тяжело болен) [16, стб. 365-366]. В развернувшейся в 1174–1176 гг. борьбе за наследие убитого заговорщиками Боголюбского младшие дяди Михалко и Всеволод в трудной борьбе победили племянников Ростиславичей, внуков Юрия Долгорукого от первого брака с половецкой княжной [16, стб. 371-379].

К концу XII в. относится еще один пример противостояния на этот раз за наследие галицкого князя Ярослава Владимира Осмомысла между его законным сыном Владимиром и незаконным Олегом, названным по матрониму «Наастасиичем» [21, стб. 657]. Борьба за власть шла при активном участии галицкого боярства, сделавшего все, чтобы устранить Олега от власти, при том, что отец завещал свой стол именно сыну от Наастасии, что ценно для нас для понимания значения сыновей, рожденных вне брака спустя почти 200 лет после принятия христианства. Обращает на себя та жестокость, с которой галичане противники Осмомысла, расправились с Наастасией из рода Чагров [21, стб. 564]. Вообще, история последних галицких Ростиславичей обнажает подробности семейной жизни Рюриковичей с их женами, любовницами, законными и незаконными детьми.

В заключении скажем о трагическом случае, когда сын князя Ярослава Владимира убил свою мачеху Евпраксию. Обстоятельства и причины этой семейной трагедии, которая произошла в немецких владениях в Прибалтике в 1243 г., не известна. Ярослав Владимирович, который проживал в Ливонии, возможно, тогда был еще жив. Как видно, сын князя от первого брака расправился с княгиней. Данный случай является беспрецедентным в отношениях Рюриковичей [13, с. 664-665].

Вероятно, имели место и другие случаи подобных конфликтов в династии Рюриковичей домонгольского периода, но наши источники малоинформативны. В любом случае Русь, как видим, не была в этом плане исключением. В семьях Рюриковичей то скрытно, то явно существовала конфронтация между сыновьями от разных женщин, обусловленная борьбой за власть и владения, что добавляло остроты в межкняжеские конфликты. Формы такого неприятия могли быть разными: от простого исключения из числа родных до убийства. Конфликтная ситуация могла касаться не только сыновей князя от разных женщин, и не обязательно жен, так как внебрачные дети сохраняли свои права, но и проходить по линиям: пасынок-мачеха, дядя-племянник, затрагивать следующие поколения. Матери князей иногда не оставались в стороне, преследуя выгоды своего потомства, но и гнев мог пасть на них от пасынков или их детей. Впрочем, не всегда фактор разных матерей был решающим в межкняжеских конфликтах, но не учитывать его было бы не верным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Татищев В.Н. История Российской. Т.2. – М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1963. – 352 с.
2. Карамзин Н.М. История государства Российского. В 12 т. Т. 2-3. – М.: Наука, 1991. – 832 с.
3. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. В 18 книгах. Кн. 1. – М.: Мысль, 1988. – 797 с.
4. Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции по русской истории: в 7-ми т. Т. 3. Норманский период. – М.: изданы Императорским Московским о-вом истории и древностей российских, 1846. – 448 с.
5. Янин В.Л. Русская княгиня Олисава-Гертруда и ее сын Ярополк // Нумизматика и эпиграфика. – Т. 4. – М., 1963. – С. 142-164.
6. Назаренко А.В. О династических связях сыновей Ярослава Мудрого // Отечественная история. – 1994. – № 4–5. – С. 181-194.
7. Кучкин В.А. Чудо св. Пантелеимона и семейные дела Владимира Мономаха // Россия в Средние века и Новое время. – М., 1999. – С. 50-82.
8. Пчелов Е.В. История династии. – М.: Олма-Пресс, 2003. – 530 с.
9. Baumgarten N. Genealoges et mariages occidentaux des Rurikides Russes du X-e au XIII-e siecle. Orientalia Christiana. № 27. Roma. 1927. – 96 p.
10. Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X-первой половине XIII в. – М.: Издательство Московского университета, 1977. – 264 с.
11. Донской Д.В. Справочник по генеалогии Рюриковичей. Ч. 1. (Середина IX- начало XIV вв.). – Ренн, 1991. – 368 с.
12. Войтович Л.В. Княжа доба: портрети еліти. – Біла церква: Видавець Олександр Пшонківський, 2006. – 784 с.
13. Домбровский Д. Генеалогия Мстиславичей: Первые поколения (до начала XIV в.); пер. и вступ. слово к рус. изд. К. Ю. Ерусалимского и О. А. Остапчук. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. – 880 с.
14. Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. – М.: Индрик, 2006. – 908 с.
15. Абуков С.Н. К вопросу о значении родства по женской линии в наследовании княжеств в домонгольской Руси (кон. X-перв. пол. XIII вв.) // Журнал исторических, политологических и международных исследований.– 2020. – №3-4 (74/75). – С. 69-76.
16. ПСРЛ. Лаврентьевская летопись. Т. 1. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 496 с.
17. Богданов К. А. Викинги и Русь. Завоеватели или союзники? – М.: Язуа, 2013. – 320 с.
18. Титмар Мерзебургский. Хроника. В 8 книгах /Перевод с лат. И.В. Дьяконова. – М.: «Русская панорама», 2009. – 256 с.
19. Слово о полку Игореве: древнерусский текст / подготовка Д. С. Лихачева // Повести Древней Руси XI–XII века. – Л., 1983. – С. 378–394.
20. Абуков С.Н. Илья Ярославич – забытый сын Ярослава Мудрого // Самарский научный вестник. – 2022. – Том 116 № 1. – С. 220-224
21. ПСРЛ. Ипатьевская летопись. Т. 2. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 648 с.
22. Изборник Святослава 1073 года. Факсимильное издание под ред. Л.П. Жуковской. – М.: Книга, 1983. – 360 с.
23. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Выпуск 1. XI - первая половина XIV в. / под ред. Д.С. Лихачева. – Л.: Наука, 1987. – 494 с.
24. Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время: Исслед. Р.Вл. Зотова. – СПб.: Археогр. комис., 1892. – 328, 48 с.
25. Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных и политических связей IX–XII вв. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 784 с.
26. Киеве-Печерский патерик. Сборник. – М.: Образ. 2007. – 90 с.
27. Ивакин И.М. Князь Владимир Мономах и его «Поучение». – М.: Университетская типография 1901. – 326 с.
28. Пащуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. – М.: Наука, 1968. – 472 с.
29. Абуков С.Н. К вопросу о происхождении первой жены Всеvolода Ярославича // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Гуманитарные науки. – 2024. – № 2. – С. 3-12.
30. Соловьев С.М. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. – М.: Астрель, 2003. – 445 с.
31. Высоцкий С.А. Киевские граффити XI-XVII вв. – К.: Наукова думка, 1985. – 207 с.
32. Янин В.Л. Печати Феофано Музалон // Нумизматика и сфрагистика. – Киев, 1965. – Вып. 2. – С. 76-90.

33. Чхайдзе В.Н. Феофано Музалон: Новые находки – старые // Античная древность и средние века. – 2015. – Вып. 43. – С. 289-319.

Поступила в редакцию 25.08.2025 г.

**FAMILY CONFLICTS OF THE RURIKIDS IN THE LIGHT OF THE ORIGIN OF THE PRINCES
FROM DIFFERENT MOTHERS (LATE X-th - EARLY XIII-th CENTURIES)**

S.N. Abukov

The article is devoted to the study of such a factor in inter-princely relations of Rurikovich., As antagonism between the lines of princes descending from different mothers. This topic has not received a comprehensive study in the scientific literature. The author analyzed well-known and hypothetical examples of such a situation in the dynasty of Old Russian princes in the XI- first half of the XIII centuries, and concluded that this circumstance is important in assessing princely conflicts, the struggle for power and possession. The different origin of the princes was able to aggravate conflicts not only between the brothers, but also affect their offspring. At the same time, such a factor cannot be absolutized, since it could be involved in specific situations.

Key words: Rurikids, Rus', prince, son, mother, family, origin, conflict.

Абуков Сергей Навильевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, историографии, источниковедения и методов исторического исследования ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, ДНР, РФ.
E-mail: legusha@list.ru

Abukov Sergei Navil'evich

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Chair of Archeology, Historiography, Source Studies, and Methods of History Studies,
FSBEI HE «Donetsk State University», Donetsk, RF.
E-mail: legusha@list.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ АРГЕНТИНЫ И СОВЕТСКОГО СОЮЗА В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1920–1930-е гг.)

© 2025 A. B. Бредихин, Е. С. Деркач
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

В статье рассматривается проблема возобновления и развития отношений между СССР и Аргентиной в 1920–1930-е гг. Автор стремится дать краткую характеристику торговых связей между двумя странами, а также определить место и роль Аргентины во внешней политике СССР.

Ключевые слова: Аргентина, внешняя политика, Латинская Америка, Советский Союз, торговля.

Несмотря на то, что Южная Америка долгое время оставалась на «задворках» советской внешней политики, в XX в. страны этого региона постепенно занимали все более важное место в дипломатической деятельности Москвы. Политбюро ВКП(б) и Народный комиссариат иностранных дел (НКИД) осознавали потенциал сотрудничества со странами Латинской Америки. Они видели в них потенциальных экономических партнеров, которые могли бы не только помочь Советскому Союзу решить насущные проблемы, такие как, например, обеспечение продовольствием, но и стать потенциальным рынком сбыта для советских товаров.

Изучение взаимодействия между Аргентиной и СССР позволяет не только понять динамику глобальной политики того времени, но и выявить влияние экономических и идеологических факторов на развитие международных отношений, что делает данную тему актуальной для современного анализа.

Цель исследования заключается в анализе направлений и форм сотрудничества между Аргентиной и Советским Союзом в межвоенный период, а также в оценки их последствий для обеих государств.

Источниковая база исследования носит многоплановый, но фрагментарный характер. Можно выделить основные группы источников:

- 1) дипломатические и внешнеполитические документы, представленные в фонде Архива внешней политики РФ (меморандумы; отчеты о контактах с Аргентиной; донесения консулов);
- 2) экономические и торговые данные, представленные, в том числе и документами компании «Южамторг»;
- 3) материалы Коминтерна и партийных организаций (директивы, отчеты, корреспонденция по Латинской Америке; сведения о работе компартии Аргентины, связях с Москвой; периодические издания Коминтерна «Коммунистический Интернационал», «Инпрекор»);
- 4) периодическая печать (советские газеты: «Правда», «Известия», «Международная жизнь», «Мировое хозяйство и мировая политика»; аргентинские газеты «La Prensa», «La Nación», «Crítica»);
- 5) мемуары и частная переписка;
- 6) культурно-научные источники (программы и афиши советских гастрольных коллективов в Аргентине; издания переводов советской литературы на испанский).

Однако, многие материалы по Латинской Америке 1920–1930-х гг. до сих пор засекречены или не каталогизированы, а часть аргентинских источников – на испанском, требует перевода и верификации.

Существует множество научных трудов, посвященных истории развития дипломатических отношений Советского Союза и стран Латинской Америки. Ключевыми вопросами в них являются:

- 1) развитие экономических отношений: торговля, создание компаний (например, «Южамторг»), экспорт и импорт товаров;
- 2) изучение культурных и научных контактов: перевод произведений, гастроли театров, визиты учёных, сотрудничество в области генетики и ботаники;
- 3) политические аспекты: роль Коминтерна, деятельность коммунистических организаций, влияние на левое движение в Аргентине;
- 4) дипломатические отношения: попытки нормализации связей, препятствия со стороны США и других стран.

В зарубежной литературе советско-аргентинские отношения рассматривались как в политическом, так и в экономическом контексте. В некоторых работах, таких как исследование профессора Хайме Сучлицки [1] рассматривается противостояние СССР и США через призму отношений между Москвой и Буэнос-Айресом, а развитие советско-латиноамериканских отношений вписано в контекст рабочего движения и поддержки Москвой латиноамериканских левых сил. Другие ученые, например, Марго Лайт [2] анализируют место и роль Аргентины, как торгового партнера Советского Союза в Южной Америке.

В отечественной историографии вопрос взаимодействия Аргентины и Советского Союза в межвоенный период трансформировался на основе изменения в методологических подходах и доступности источников. Можно выделить три основных периода изучения этой темы в отечественной историографии: 1920–1930-е гг., 1940–1980-е гг. и современный период (с 1990-х гг.).

В первый период (1920–1930-е гг.) Аргентина рассматривалась преимущественно как объект экспансии иностранного капитала, а ее развитие связывали с наличием крупнокапиталистического сельского хозяйства и развитием национальной промышленности. Контакты СССР и Аргентины в этот период были связаны в основном с деятельностью Коминтерна, но его архивы стали доступны исследователям только в 1987 г. Продолжит всестороннее изучение деятельности Коминтерна Л. С. Хейфец [3]. В своих трудах автор подробно анализирует особенности латиноамериканского коммунизма от зарождения первых компартий, нюансы их становления и развития. Основными источниками информации были периодические издания, такие как «Коммунистический Интернационал», «Международная жизнь», «Международное рабочее движение», «Аграрные проблемы», «Мировое хозяйство и мировая политика».

В 1940 – 1980-е гг. механизм взаимодействия двух государств начал рассматриваться в контексте развития международных отношений. Появляются работы, посвящённые изучению взаимоотношений между СССР и Аргентиной. А в 1969 г. выходит в свет периодическое издание «Латинская Америка». Важным событием стало обнародование архивов Коминтерна, что позволило исследователям получить доступ к официальным бумагам, переписке, аналитическим обзорам и другим документам. Среди авторов можно выделить В.П. Казакова [4], который обращается к анализу деятельности Коминтерна в установлении дипломатических отношений между СССР и Аргентиной и отмечает, что развитие советско-латиноамериканских отношений вписано в контекст деятельности рабочего движения в регионе и поддержки Москвой левых сил.

Современный период (с 1990-х гг.) характеризуется новыми подходами к изучению темы, включая анализ культурных и научных связей между странами.

Исследователи обращаются к ранее недоступным источникам, включая архивные материалы и мемуары [5]. Изучаются также научные связи, включая визиты советских ученых в Аргентину и участие аргентинских специалистов в советских проектах.

Таким образом, историография взаимодействия Аргентины и СССР в межвоенный период эволюционировала от ограниченного изучения отдельных аспектов до комплексного анализа политических, экономических и культурных связей, опираясь на расширяющийся круг источников и методологических подходов [6].

В период с 1916 по 1930 гг. Аргентина находилась под властью радикальной партии, и это был один из ключевых этапов в истории развития страны. К тому времени Аргентина достигла максимального развития в рамках модели агроэкспорта, и перед ней встал выбор дальнейшего пути развития. Иполито Иригойен, лидер радикалов, пришедший к власти в разгар войны, несмотря на сильное давление как внутри страны, так и за ее пределами, не позволил Аргентине участвовать в военных действиях. По его глубокому убеждению, мировая война противоречила интересам государства.

После Октябрьской революции 1917 года Аргентина, как и многие другие страны, не признала Советскую Россию. Однако, ее позиция отличалась от стран Антанты [7]. Аргентинская миссия не последовала за другими дипломатами в Вологду и не принимала участие в антисоветских акциях. Посланник Аргентины М. Кампос оставался в Петрограде, откуда в сентябре 1918 г. уехал из России, оставив миссию на попечение гражданина Чили и Франции П. Навельяна. Советская сторона, в свою очередь, неоднократно посыпала своему партнеру в Южной Америке сигналы, демонстрирующие желание поддерживать нормальные и взаимовыгодные отношения. Весной 1919 г. поверенному в делах Аргентины в России было заявлено, «что, хотя его правительство и не признало советскую республику, последняя принимает во внимание политику нейтралитета Аргентины» [8, с. 5].

После отъезда Навельяна из России советско-аргентинские дипломатические контакты прервались. Однако, вскоре возобновились торговые отношения, в которых были заинтересованы обе страны. Причиной стало обострение ситуации в 1921 г., вызвавшее проблемы с реализацией аргентинской сельскохозяйственной продукции и голод в России. 9 сентября 1921 г. нарком иностранных дел РСФСР Г.В. Чicherin направил министру иностранных дел Аргентины О. Пуэйрредону телеграмму, в которой сообщил о возобновлении торговых отношений между двумя государствами и поинтересовался «может ли аргентинское правительство принять торгового агента для закупки хлеба». 13 сентября аргентинское правительство дало согласие на приезд советского торгового агента для закупки хлеба и советское правительство рассматривало это как первый шаг к установлению торговых отношений. Осуществить поездку так и не удалось по неизвестным причинам. Однако, правительство Иригойена все-таки откликнулось на призыв о помощи голодающим. 11 сентября 1922 г. президент Иригойен лично обратился к конгрессу со следующим посланием: «Жестокая судьба постигла Россию. Как известно всем, болезни и нищета уничтожают ее население. Аргентинская республика, движимая всегда благородными и великодушными побуждениями, не может оставаться равнодушной к столь тяжелому положению. Обстоятельства еще более серьезные... Учитывая все вышесказанное, я представляю на ваше рассмотрение проект закона, который позволит предоставить России заем в размере 5 миллионов песо без процентов, который будет погашен, когда это позволит ситуация» [9].

Активно о готовности возобновить дипломатические отношения Советского Союза с Аргентиной, как и с другими странами Южной Америки заговорили в 1924 г.

Нарком иностранных дел СССР Г.В. Чicherin в 1924 г. выразил желание ответить на любые инициативы латиноамериканских государств на основе взаимопонимания и поддержки. Его заявление, опубликованное в газете «Ла-Насьон», вызвало широкий отклик в Аргентине среди политиков и профсоюзов, но правительство страны не ответило на инициативу советской стороны. В июне 1925 г. Чicherin предложил «проводить исследование» и «решить, насколько мы заинтересованы в установлении связей с Аргентиной» [10]. Политбюро одобрило это предложение, и Чicherin поручил полпреду СССР в Германии Н.Н. Крестинскому выяснить этот вопрос у аргентинского посланника. «Пожалуйста, – писал нарком, – уделите серьезное внимание возобновлению отношений с Аргентиной. Инстанция это одобрила» [11]. III Интернационал рассматривал Буэнос-Айрес как ключевой центр левого движения в Латинской Америке. В 1925 г. в стране был создан Южноамериканский секретариат Коминтерна, который стал связующим звеном между руководством «всемирной коммунистической партии» и ее национальными секциями в Латинской Америке. Буэнос-Айрес стал организационным, идеологическим и финансовым центром III Интернационала в Южной Америке. Сюда стекалась информация о состоянии левого движения континента, которая затем передавалась в Москву для обсуждения и принятия решений. Через структуры Южноамериканского секретариата Коминтерна (ЮАСКИ) компартии региона получали финансирование и инструкции из СССР.

Несмотря на непризнание СССР, торговые отношения между двумя странами также были восстановлены. В 1925 г. в Буэнос-Айресе был открыт филиал советского акционерного общества «Амторг», который активно работал над развитием экономических отношений между двумя странами. С.Я. Зингерман, который долгое время жил в эмиграции и хорошо знал страну и язык, был отправлен в Аргентину. Он смог быстро устроиться в Буэнос-Айресе и подготовить почву для начала работы «Амторга». В октябре 1925 г. Зингерман добился разрешения на въезд в страну для группы сотрудников общества во главе с Б.И. Краевским.

Поскольку официальное отделение «Амторга» создать было сложно, было решено организовать фирму от имени Краевского как частного лица. Для этого было создано акционерное общество с ограниченной ответственностью «Южамторг», с капиталом в 1 500 000 песо (около 2 738 000 руб.) [12], которое занималось продажей советских товаров на континенте и заключением контрактов на поставку латиноамериканских товаров в СССР. «Южамторг» имел официальный статус в Аргентине, так как закон об учреждении этой организации был подписан президентом страны Марсело Альвеаром. Из Аргентины экспортировались сырье для кожевенной промышленности, шерсть и дубильные вещества, а импортировались такие товары, как древесина и меха. Следует также отдельно выделить поставки нефти. В соответствии с договором, заключенным в 1930 г., «Южамторг» обязался в течение трех лет поставлять нефтяной государственной компании Аргентины по 250 тыс. тонн нефти ежегодно. Аргентина, в свою очередь, могла увеличить или уменьшить это количество на 100 тыс. тонн. Кроме того, она имела право полностью отказаться от контракта, если бы «национальное производство оказалось достаточным для удовлетворения потребностей страны». В случае же нехватки бензина в стране Аргентина могла продлить контракт. «Южамторг» брал на себя обязательство «использовать все полученные средства для закупок продуктов аргентинского скотоводства, земледелия и национальной промышленности» [13]. Условия соглашения были крайне выгодны для Аргентины, поскольку она расплачивалась за нефть не валютой, а собственной продукцией. Это позволило значительно сократить дефицит торгового баланса,

который в 1930 г. составлял 100 млн. песо, из которых половина приходилась на импорт горючего.

В целом, в Москве в то время положительно оценивали состояние торговли с Аргентиной и видели в этом направлении хорошие перспективы. СССР был для Аргентины новым рынком сбыта, но номенклатура советских товаров в Аргентине была ограничена. Уже тогда начал возникать дисбаланс в товарообороте: Аргентина поставляла в Советский Союз гораздо больше товаров, чем СССР в Аргентину.

Деятельность компании «Южамторг» не оправдала ожиданий, и она просуществовала гораздо меньше запланированного времени (изначально планировалось, что она будет работать 50 лет). 31 июля 1931 г. аргентинская полиция арестовала сотрудников организации. После окончания следствия, полиция передала аргентинскому правительству доклад, в котором против «Южамторга» выдвигались обвинения в распространении коммунистической пропаганды. 20 августа аргентинское правительство лишило «Южамторг» прав юридического лица. Это было связано и с тем, что советско-аргентинская торговля не приносила желаемых результатов и носила эпизодический характер. Из-за идеологических опасений правительство Хуана Д. Перона не спешило укреплять отношения с СССР. Более того, Перон пытался наладить сотрудничество с США, чтобы привлечь инвестиции в углеводородный сектор аргентинской промышленности.

Безусловно, позиция аргентинского правительства в этом вопросе во многом определялась давлением США и Великобритании, которые имели сильное экономическое влияние в стране и занимали резко антисоветскую позицию. В 1926 г. редактор газеты «Критика», посетивший Москву, отметил в беседе с представителями ТАСС, что в общественных кругах Аргентины растет число сторонников восстановления дипломатических и экономических отношений с СССР. Однако этому препятствует негативное влияние Вашингтона, который не признает Советский Союз. Кроме того, следует учитывать нестабильность советской власти в первое десятилетие после революции, разрухи, голод и гражданскую войну. Эти факторы вызывали неуверенность в позиции наших южноамериканских партнёров.

Было положено начало туристическим связям. В 1926 г. в Ленинград на пароходе «Кап-Полонио» прибыло несколько сотен туристов из южноамериканской страны. Среди них были важные политические деятели Аргентины, такие как представитель страны в Лиге Наций и лидеры либеральной партии. Они были приняты в Москве Г. В. Чичериным, который хотел выяснить возможность признания республики советов. В 1928 г. «Южамторг» провел в аргентинской столице первую в Латинской Америке выставку советской экспортной продукции, которую посетило около 100 тысяч человек.

В сентябре 1934 г. Советский Союз сделал новый важный шаг в укреплении и расширении своих отношений с Латинской Америкой на международной арене, вступив в Лигу Наций. Признание Советского Союза Мексикой и Уругваем поставило вопрос о налаживании отношений с СССР на повестку дня политической жизни Аргентины. В сентябре 1935 г. председатель палаты депутатов провинции Буэнос-Айрес, член руководства консервативной партии Аргентины Кайзер, специально приехал в советскую миссию в Монтевидео для встречи с полпредом СССР А. Е. Минкиным. Кайзер предпринял попытку зондирования почвы относительно возможности установления дипломатических отношений с СССР. Минкин справедливо заметил, «что инициатива в этом вопросе должна исходить от той страны, которая не отреагировала на уведомления о приходе к власти нового правительства в России в

1917 г.» [14]. Он напомнил Кайзеру, что в 1925 г. полпред СССР в Риме официально предлагал Аргентине нормализовать дипломатические отношения. Однако Минкин подчеркнул, что в случае такого шага аргентинского правительства «народы СССР будут приветствовать восстановление дружеских отношений с аргентинским народом» [14, с. 516].

Судя по всему, Кайзер действовал не только от своего имени. В ходе беседы он сообщил, что за установление отношений выступает, в частности, министр финансов и министр торговли Аргентины Гроппе. Это в некоторой степени свидетельствовало о том, что прекращение деятельности «Южматорг» в стране и последовавший за этим резкий спад советско-аргентинской торговли негативно сказывались на экономике Аргентины. Спустя месяц, в октябре 1935 г., Минкин писал в Москву, что заведующий коммерческим департаментом МИД Аргентины Антоколец сообщил ему, что аргентинскому послу в Риме Контильо поручено войти с Литвиновым в переговоры. Предполагалось, что таким образом начнутся переговоры о восстановлении отношений. В случае, если Контильо не встретится с Литвиновым, он должен был начать переговоры об этом с полпредом СССР в Италии Штейном. Однако, как сообщил позднее Штейн, Контильо к нему не обращался.

Действия Аргентины в этот период можно объяснить, в первую очередь, противоречивостью и непоследовательностью, свойственными правительствам того времени в вопросе нормализации отношений с СССР. Однако, эти действия также свидетельствовали о том, что Советский Союз стал более влиятельной державой на международной арене, с которой уже нельзя было не принимать во внимание.

В 1930-е гг. также продолжалось развитие культурных и научных связей. В Аргентине с большим успехом прошли гастроли Московского Камерного театра. Были переведены и опубликованы произведения В. Маяковского, М. Шолохова и А. Фадеева. Существенный вклад в изучение региона и развитие советско-аргентинских научных связей внесла поездка в 1932–1933 гг. советского ученого-ботаника, академика Н. И. Вавилова.

Таким образом, исторические факты, касающиеся взаимодействия между Аргентиной и Советским Союзом, позволяют сделать вывод о том, что в межвоенный период данные отношения характеризовались опосредованным характером. Коммуникация между Москвой и левыми движениями осуществлялась через структуры Коминтерна и его дочерние организации. Торгово-экономические связи были наложены посредством специально учрежденного общества «Южматорг», которое не имело непосредственной связи с деятельностью III Интернационала. В аргентинском обществе шли дискуссии, а местные политические и экономические элиты занимали определенную позицию, что препятствовало установлению политических отношений, несмотря на желание советского руководства восстановить официальные связи с Буэнос-Айресом. Однако, несмотря на ограниченное количество прямых дипломатических контактов, взаимодействие между двумя странами продолжало развиваться. В 1930-е гг. связи Советского Союза с Аргентиной стали более многогранными, охватывая широкий спектр вопросов и проблем, по сравнению с предыдущим десятилетием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Suchlicki J. Soviet Policy in Latin America: Implications for the United States. *Journal of Interamerican Studies and World Affairs*. Miami. – 1997. – Vol. 29, №1. – P. 25–46.
2. Light M. Soviet Policy in the Third World. *International Affairs*. – Oxford, 1991. – Vol. 67, № 2. – P. 263–280.

3. Хейфец В. Л. Латиноамериканские левые на пути к Народному фронту в 30-е годы XX в / Л. С. Хейфец // Латинская Америка. – 2015. – № 5.– С. 57–75.
4. Хейфец Л. С. Латинская Америка во внешней политике СССР в 1920-1930-е годы (по материалам протоколов заседаний Политбюро ЦК ВКП(б)) / Л. С. Хейфец, А. С. Андреев // Новейшая история России. – 2017. – № 4 (21). – С. 56–68.
5. Казаков В.П. Радикалы и советско-аргентинские отношения (по материалам отечественных архивов) // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. – 2009. – №4. – С. 41–53.
6. Басов Д. С. СССР и Аргентина в межвоенное время в отечественной историографии / Д. С. Басов // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2025. – №1 (45). – С. 78–82.
7. СССР – Аргентина: 30 лет дипломатических отношений: [Сборник статей] / АН СССР, Ин-т Латин. Америки; [Отв. ред. канд. ист. наук А. И. Сизоненко]. – Москва: ИЛА, 1976. – 80 с.
8. Бурляй Я. А. Великая русская революция и Латинская Америка / Я. А. Бурляй // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2017. – №2 (786). – С. 116–123.
9. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). – Ф. 158 (-та В.М. Молотова). – Оп. 1. – П. 1. – Д. 2. – Л. 97.
10. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). – Ф. 04 (-та В.М. Молотова). – Оп. 5. – П. 43. – Д. 585. – Л. 12.
11. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). – Ф. 04 (-та В.М. Молотова). – Оп. 5. – П. 43. – Д. 585. – Л. 16.
12. Печат. по газ. «Известия» М 1 (3235), 1 января 1928 г.
13. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 413. – Оп. 13. – Д. 57. – Л. 26.
14. Документы внешней политики СССР, т. XVIII, 1974. – 515 с.

Поступила в редакцию 29.08.2025 г.

INTERACTION BETWEEN ARGENTINA AND THE SOVIET UNION DURING THE INTERWAR PERIOD (1920–1930s)

A.V. Bredikhin, E.S. Derkach

The article examines the problem of the resumption and development of relations between the USSR and Argentina in the 1920s and 1930s. The author seeks to give a brief description of trade relations between the two countries, as well as to determine the place and role of Argentina in the foreign policy of the USSR.

Key words: Argentina, foreign policy, Latin America, Soviet Union, trade.

Бредихин Андрей Владимирович

Доктор исторических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
г. Донецк, ДНР, РФ.

E-mail: kf.vsemir.zav@mail.ru

Bredikhin Andrey Vladimirovich

Doctor of historical sciences, Professor,
FSBEI HE «Donetsk State University»,
Donetsk, DPR, RF.

E-mail: kf.vsemir.zav@mail.ru

Деркач Екатерина Сергеевна

Аспирант кафедры всемирной истории
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
г. Донецк, ДНР, РФ.
E-mail: derkatch.ecaterina@yandex.ru

Derkach Ekaterina Sergeevna

Postgraduate student of the Department of World History, FSBEI HE «Donetsk State University»,
Donetsk, DPR, RF.
E-mail: derkatch.ecaterina@yandex.ru

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА САДДАМА ХУСЕЙНА ПО ОТНОШЕНИЮ К КУРДАМ: АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

© 2025 *К.А. Гречихин*

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

В данной статье анализируются зарубежные исследования, посвященные взаимоотношениям Ирака периода правления Саддама Хусейна (1979–2003 гг.) и Иракского Курдистана. Основной акцент сделан на анализе британской и американской историографии, но также рассматриваются работы представителей других стран. Автор старается изучить наиболее информативные и качественные труды, опубликованные с 1980-х годов до сегодняшних дней. В выводах определяются особенности рассматриваемых работ и сведение их по группам для дальнейшего использования в разработках исследования посвященного истории Ирака.

Ключевые слова: историография, курдоведение, Ирак, Саддам Хусейн, «Анфаль».

В современной научной среде все больше разрастается интерес к изучению стран Ближнего Востока. Что касается Ирака, то помимо исследований гуманитарного направления, западными учеными в последней четверти XX века – начале XXI века данная страна стала приоритетным объектом для изучения по геополитическим и стратегическим причинам. Ирак периода Саддама Хусейна вызывает интерес у многих зарубежных востоковедов и политтехнологов.

За все время правления Саддама у центральных властей были непростые отношения с курдскими провинциями на севере страны. Ряд зарубежных исследователей подкрепляют позицию США и Великобритании по смене режима Саддама в Ираке военным путем, в том числе апеллируя к репрессивным мерам режима, направленным против курдов (Канан Макия [4], Фуад Аджами [24], Пол Берман [25]).

В 1990-е годы Ирак оказался в жестком антагонизме с США и Великобританией, следствием чего появилось значительное число работ, среди которых следует выделить наиболее качественные и достойные внимания, для создания наработок в современных исследованиях, посвященных истории Ирака в эпоху правления Саддама Хусейна.

На наш взгляд, актуальной является попытка изучить проблему взаимоотношений Иракского Курдистана и центральных властей в Ираке периода правления Саддама Хусейна в зарубежной историографии. В свободном и ограниченном доступе огромный массив информации о истории саддамовского Ирака представлен учеными из западных стран. Поэтому сегодня важно рассмотреть основные работы по заявленной проблематике, для выявления наиболее объективных и качественных трудов, которые можно применять в дальнейших разработках.

Цель данной работы – проанализировать работы историков зарубежных стран, изучавших вопросы и аспекты взаимоотношений Ирака и Иракского Курдистана в 1979–2003 гг., а также определить наиболее объективные труды среди широкого спектра исследований по данной теме.

В тесной связи с целью автор видит следующие задачи:

1) выделить группы исследований по данной теме, опубликованные до 2003 года и после вторжения США в Ирак;

2) проанализировать отобранные работы и выделить их сильные и слабые стороны;

3) определить особенности трудов английских, американских и других историков, специализирующихся на данной проблематике.

Следует подчеркнуть, что автор руководствуется принципом объективности и стремится определить общие тенденции и выявить очевидные противоречия в зарубежной историографии.

На наш взгляд, в западной историографии по изучаемой проблеме особое место занимают работы, опубликованные до событий 2003 года.

Для рассмотрения предпосылок конфликтных ситуаций с курдами, предшествовавших восхождению Саддама Хусейна на пост президента, отметим работу Батату Ханна «Старые социальные классы и революционные движения Ирака» [1]. Ему был предоставлен доступ к архивам служб безопасности за различные периоды иракской истории вплоть до 1970-х годов. Ханна подходит в своем исследовании с марксистских позиций рассматривая помимо коммунистической партии также партии курдов и их программы. В целом данная работа палестинского историка считается одним из фундаментальных трудов по истории Ирака в новейшее время.

Упомянутый в ранее опубликованной автором статье [2] Чарльз Трипп и его «История Ирака» [3], также достойны внимания. Данный историк и политолог является ведущим специалистом по Ближнему Востоку в Великобритании на данный момент. В его работе, посвященной Ираку, отдельно выделяются места для прояснения сложных взаимоотношений Багдада и Мосула, анализируется межпартийная борьба Демократической партии Курдистана (ДПК) и Патриотического союза Курдистана (ПСК). На каждое десятилетие дается отдельный взгляд на конфронтации и договоренности сторон.

Помимо этого «История Ирака» содержит всесторонний анализ политической, социальной и экономической истории Ирака, включая правление Саддама Хусейна, и работа может послужить основой для первичного анализа, целого ряда проблем.

Также в свободном доступе можно среди часто просматриваемых работ найти «Республику страха: политика современного Ирака» [4] Макии Канана. Автор перебрался из Ирака в США еще в 1967 году и стал на твердые позиции критики режима Саддама Хусейна. Данную работу неоднозначная и требует тщательного анализа. Макия олицетворяет одиозную иракскую оппозицию эпохи Саддама Хусейна и его работы пропитаны проамериканским настроением и источниковая база в них сомнительна. Однако для сопоставления анализа мер, принятых Саддамом против курдов в конце 1980-х годов, можно упомянуть данную работу.

Отметим ряд исследований отставного профессора Военного колледжа армии США, Стивена Пелльтера. В работе «Ирак и международная нефтяная система: почему Америка начала войну в Персидском заливе» [5] автор акцентирует внимание, что для дестабилизации Ирака и получения контроля над нефтяными ресурсами, США сфокусировались на необходимости настроить Северные провинции, которые обрели автономию, против центральных властей Ирака. В последствии данная часть стратегии и была реализована. В второй половине 1990-х – начале 2000-х Курдский автономный район получал больше «западных инвестиций» превращаясь в плацдарм для вторжения в Ирак.

Очередное военное исследование «Извлеченные уроки: ирано-иракская война» [6], представляет интерес для нас в разрезе подавлений восстаний и проводимой Республиканской гвардией Саддама операции «аль-Анфаль» против курдов. С.

Пеллерье отмечает, что беспрецедентные меры, принятые против населения своей страны, расширили окно инструментов, которые могут применять авторитарные режимы в современном мире.

Из недавних работ автора выделим «Нефть и курдский вопрос: как демократии вступают в войну в эпоху позднего капитализма» [7] В ней С. Пеллерье критикует общепринятую версию ирано-иракской войны и связанной с ней анфальской кампании. Автор выделяет, что публицисты использовали миф о курдском холокoste в качестве оправдания для объявления США войны Ираку.

Из критиков политики США в отношении Ирака в 1990-е гг. можно выделить Джейффа Саймонса. В своей книге «Ирак: от Шумера до Саддама» [8] автор дает обзор истории Ирака с древнейших времен до правления Саддама Хусейна, затрагивая важные аспекты внутренней политики, в том числе и взаимоотношений с курдами. Саймонс один из немногих в Великобритании кто сразу стал на позицию критики введенных США санкций против Ирака.

Пара авторов Питер Слаглett и Марион Фарук-Слаглett, опубликовали фундаментальное исследование «Ирак с 1958 года: от революции к диктатуре» [9]. В нем подробно описывается политическая история Ирака после революции 1958 года, уделяя значительное внимание правлению партии Баас и Саддама Хусейна. По части курдского вопроса, авторы заключают, что с учетом амбиций Саддама Хусейна с начала 1980-х годов, у курдов, без внешней помощи, было очень мало шансов на удачное восстание и обретение независимости.

Подводя промежуточные итоги, по данной части исследования, важно отметить, что рассмотренные работы являются передовыми и проверенными временем, за исключением разве что работ Макии Канана. Уже погружаясь в данную часть зарубежной историографии, можно определить для дальнейшего исследования основные задачи и аспекты проблематики ирако-курдских взаимоотношений в период правления Саддама Хусейна.

Отдельным блоком мы выделим исследования опубликованные после вторжения США и союзников в Ирак.

Из трудов охватывающих широкий спектр вопросов выделим две работы «Современная история Ирака» [10] Фиби Марра, а также «Будущее Курдистана в Ираке» [11] Брендана О'Лири, Джона Макгэрри и Халеда Салиха. Работа М. Фиби – это обновленное и дополненное издание, посвященное правлению Саддама Хусейна и последующим событиям. А в работе Брендана О'Лири основное внимание уделяется курдскому региону, и освещается политика Саддама Хусейна в отношении курдов и ее последствия.

Британский курдовед Дэвид МакДоэлл в своей «Современной истории курдов» [12] анализирует развитие курдов в последней четверти XX века – начале XXI века. Эта работа британского историка регулярно цитируется многими историками-курдоведами. Данная монография одно из лучших исторических исследований в ближневосточной британской историографии.

Голландский антрополог Мартин ван Брюинессен опубликовал работу «Курды: национализм и политика на Ближнем Востоке» [13]. В ней автор проводит исторический анализ курдского национализма и его взаимоотношений с иракскими властями, включая период правления Саддама Хусейна. Весьма важная работа по данной проблематике в виду ее глубокого анализа этнических противоречий в регионе.

Американский исследователь Дэвид Романо в работе «Курдское националистическое движение: возможности, мобилизация и идентичность» [14]

рассматривает курдское националистическое движение в своей эволюции, в том числе его развитие в период репрессий Саддама Хусейна. Ученик Ч. Триппа, Д. Романо продолжает традицию английской историографической школы и разбивает проблематику, посвященную курдам, на ряд частей связанных с различными сферами жизни народа.

Упомянем также статьи Тодда С. Милли «Курдские восстания в Ираке, 1961–1991» [15], Ханны Дюлак и Кристофера М. Мейсона «Кампания в Анфале: зверства иракского режима против курдов» [16]. В данных работах осуществляется анализ геноцида в Анфале, а также конфликтов между курдами и режимом Саддама Хусейна.

В отдельную группу допустимо включить исследования посвященные операции «Анфаль» в Южном Курдистане. Исходя из позиций западной историографии геноцид курдов, подтверждается со стороны трех наиболее авторитетных источников: докладов «Human Right Watch» [17], труда курдоведа Майкла Гюнтера «Курды: современная история» [18], и книги Майкла Келли «Призраки Халабджи: Саддам Хусейн и геноцид курдов» [19].

Упомянутый ранее ирландский политолог Брендан О'Лири назвал Гюнтера «основателем курдских политических исследований в Соединенных Штатах» [20]. При составлении анализа Гюнтер работал непосредственно с ведущими курдскими и другими ближневосточными политическими лидерами.

Работы этого американского исследователя требуют тщательного анализа. В его работах часто присутствует субъективные оценки исторических событий. Например, по другому вопросу, связанному с геноцидом армян в 1915 году, мы в корне не можем согласиться с его мнением, поскольку Майкл Гюнтер считает, что армяне сами были виноваты в «провоцировании» турков. Однако труд «Курды: современная история» мы можем выделить как наиболее непредвзятый в богатой библиографии автора.

На фоне Майкла Гюнтера большой вес принимает работа другого американского курдоведа Майкла Келли упомянутая нами ранее. В ней рассматриваются все события в Северном Ираке до 2003 года и судебные процессы над Саддамом Хусейном и его приближенными. В конце работы приводятся рассекреченные документы, связанные с финансированием США Ирака в годы войны с Ираном, а также реакции правительства США на применение химического оружия в данной войне, что также будет для нас полезным в расширении источников базы темы.

Лидером в группе наблюдателей «Human Right Watch» стал Хилтерман Йуст, сыскавший известность своими выступлениями в конце 1980-х – начале 1990-х годов на конференциях ООН, посвященным правам человека и геноциду курдов в Ираке. Его работа «Кампания «Анфаль» 1988 года в Иракском Курдистане, Массовое насилие и сопротивление» [21] представляет для нас наибольший интерес. Автор действительно постарался при составлении данной, небольшой, но информативной статьи. Она содержит в себе ссылки на множество других источников. Их поиск может открыть более полную картину на происходящее в отдельных эпизодах тех ужасных событий, в особенности интервью с очевидцами и жертвами кампании «Анфаль».

По части анализа юридической стороны вопроса, связанного с кампанией «Анфаль» важно упомянуть работу Арье Найера «Военные преступления. Геноцид. Террор. Борьба за правосудие» [22].

Отдельный интерес представляет работа турецкого исследователя Эртугрула Кёсе «Политика Турции в Северном Ираке в эпоху после войны в Персидском заливе 1991–1998 гг.» [23]. В ней выпускник Ближневосточного технического университета Анкары, анализирует взаимоотношения между курдскими партиями в 1990-е годы.

Акцент Э. Кёсе делает на рассмотрении кризиса беженцев в Северном Ираке и операции «Обеспечение комфорта». Также всесторонне рассматриваются интернационализация курдского вопроса, политика Турции и региональных стран по отношению к курдскому вопросу, курдские политические партии в Северном Ираке, конфликт ДПК-ПСК и отношения Турции с лидерами курдских политических партий.

Подводя итоги, стоит отметить, что работы западных историков составляют большой объем в общей массе мировых исследований, посвященных истории Ирака в последней четверти XX – начале XXI. В нашей работе мы сфокусировались на рассмотрении крупных трудов, возможно упустив часть влиятельных статей, либо других публикаций по тематике. Тем не менее, можно заключить, что британская школа курдоведов и специалистов по Ираку является ведущей, а американские исследования набирают обороты с момента вторжения США в Ирак в 2003 году. Не менее интересными являются труды исследователей из других стран включая ближневосточных авторов. Перспективы изучения данной тематики через призму исследований зарубежных авторов достаточно велика, так как после 2003 года все больше расширяется источниковая база, в том числе публикуются материалы из госархива Ирака.

Отдельно мы затронули исследования посвященные операции «Анфаль» и геноциду курдского населения Ирака. Рассмотренные работы демонстрируют различную степень аналитической глубины. Некоторые из них лишь подтверждают и систематизируют существующие знания, в то время как другие предлагают новые данные, ранее не документированные оценки действий сторон конфликта. Несмотря на широту заявленной проблематики, рассмотренные материалы могут быть использованы для дальнейших разработок в разрезе темы внутренней политики Саддама Хусейна по отношению к курдам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Batatu, Hanna. The Old Social Classes and the Revolutionary Movements of Iraq. – Princeton University Press, 1978. – 1334 p.
2. Разумный В.В., Гречихин К.А. Изучение социально-экономического развития Ирака в период 1979-2003 гг. в западной историографии // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2022. – №2 (81). – С. 25-31.
3. Charles R.H. Tripp. A history of Iraq / Cambridge, UK; – New York: Cambridge University Press. 2000. – 356 p. – URL: <https://archive.org/details/historyiraq00trip>
4. Makiya, Kanan (Samir al-Khalil). Republic of Fear: The Politics of Modern Iraq. – University of California Press, 1989, updated edition 1998. – 323 p.
5. Stephen C. Pelletière. Iraq and the International Oil System: Why America Went to War in the Gulf / Maisonneuve Press – June 1, 2004. – 250 p.
6. Stephen C. Pelletière. Lessons Learned: The Iran-Iraq War / Diane Pub Co – January 1, 1991. – 119 p.
7. Stephen C. Pelletière. Oil and the Kurdish Question: How Democracies Go to War in the Era of Late Capitalism / Lexington Books – May 19, 2016. – 146 p.
8. Simons, Geoff. Iraq: From Shumer to Saddam / Palgrave Macmillan, 1994. – 468 p.
9. Sluglett, Peter, and Marion Farouk-Sluglett. Iraq Since 1958: From Revolution to Dictatorship / I.B. Tauris, 1987, revised edition 2001. – 420 p.
10. Marr, Phebe. The Modern History of Iraq. – Westview Press, 2012. – 3-rd edition. – 420 p.
11. O'Leary, Brendan, John McGarry, and Khaled Salih. The Future of Kurdistan in Iraq / University of Pennsylvania Press, 2005. – 392 p.
12. David McDowall. A Modern history of the Kurds / Reprinted in 2007 by I. B. Tauris & Co Ltd, 6 Salem Road, London W2 4BU 175 Fifth Avenue, New York NY. – 484 p.
13. van Bruinessen, Martin. The Kurds: Nationalism and Politics in the Middle East / Zed Books, 2017. – 386 p.
14. Romano, David. The Kurdish Nationalist Movement: Opportunity, Mobilization and Identity. – Cambridge University Press, 2006. – 272 p.

15. Todd S. Milli. The Kurdish uprisings in Iraq, 1961-1991 // Military Review, 2003. – P.19-29.
16. Hannah Dulac, Christopher M. Mason, Rita Vetti. The Anfal campaign: the atrocities of the Iraqi regime against the Kurds. // Journal of Strategic Studies, 2004. – P.34-41.
17. Black George. Genocide in Iraq: The Anfal Campaign Against the Kurds // Human Rights Watch, 1993. – 337 p.
18. Gunter, Michael M. The Kurds: A Modern History / Markus Wiener Publishers, 2016. – 236 p.
19. Kelly, Michael J. Ghosts of Halabja: Saddam Hussein and the Kurdish genocide / Michael J. Kelly; foreword by Ra'íd Juhi al Saedi / Greenwood Publishing Group Westport, CT. 2008. – 196 p.
20. O'Leary, Brendan. The Kurds, the Four Wolves, and the Great Powers // The Journal of Politics. – Vol. 80, No 1. – 2017. – P. 353–366.
21. Hiltermann Joost. The 1988 Anfal Campaign in Iraqi Kurdistan, Mass Violence & Résistance / 3 February, 2008. – URL: <https://www.sciencespo.fr/mass-violence-war-massacreresistance/en/document/1988-anfal-campaign-iraqi-kurdistan.html>
22. Найер А. Военные преступления. Геноцид. Террор. Борьба за правосудие / Пер. с англ. – М.: Юристъ, 2000. – 368 с.
23. Köse E. Turkey's policy in Northern Iraq in the post-Gulf War era 1991-1998 / The Middle East Technical University, 1999. – 141 p.
24. Fouad Ajami. The Dream Palace of the Arabs: A Generation's Odysse. – Washington, D.C.: Vintage Books, 1999. –344 p.
25. Paul Berman. Terror and liberalism. – New York: W.W. Norton, 2003. – 230 p.

Поступила в редакцию: 13.10.2025 г.

SADDAM HUSSEIN'S DOMESTIC POLICY TOWARDS THE KURDS: ANALYZE OF FOREIGN HISTORIOGRAPHY

K. A. Grechikhin

This article analyzes foreign studies on the relationship between Iraq during the reign of Saddam Hussein (1979-2003) and Iraqi Kurdistan. The main focus is on the analysis of British and American historiography, but the work of representatives of other countries is also considered. The author tries to study the most informative and high-quality works published from the 1980s to the present day. The conclusions identify the features of the works under consideration and group them into groups for further use in the development of research on the history of Iraq.

Key words: historiography, Kurdish studies, Iraq, Saddam Hussein, «Anfal».

Гречихин Кирилл Александрович
Аспирант кафедры всемирной истории
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет», Донецк, РФ.
E-mail: grechikhin.kir@mail.ru

Grechikhin Kirill Alexandrovich
Postgraduate student of the Department of World
History,
FSBEI HE «Donetsk State University», Donetsk, RF.
E-mail: grechikhin.kir@mail.ru

**ДЕКЛАССИРОВАНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ АРИСТОКРАТИИ И
ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ЭЛИТЫ: К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ
МОБИЛЬНОСТИ НОГАЙЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ**

© 2025 *A.T. Джумагулова*
ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

Статья посвящена исследованию трансформации социальной структуры ногайцев Северного Кавказа в XIX – начале XX веков. Анализируется процесс деклассирования традиционной аристократии (султанов и мурз) и формирования новой элиты, основанной на экономическом факторе. Выявлены причины, обусловившие социальную трансформацию: интеграция в административную систему Российской империи, приведшая к передаче управленических функций институту российских приставов; системный кризис экстенсивного кочевого скотоводства, вызвавший тотальное обнищание знати; целенаправленная политика имперских властей по унификации социального пространства. Научная новизна работы заключается в комплексном изучении механизмов социальной мобильности и смены элит в условиях модернизации традиционных обществ в процессе интеграции в состав Российской империи и особенности трансформации их социальных структур в имперский период.

Ключевые слова: ногайцы, социальная стратификация, деклассирование, имперская модернизация, Северный Кавказ, сословная структура, социальная мобильность, кочевые общества.

Введение. Актуальность изучения трансформационных процессов в социальной структуре народов Российской империи в XIX – начале XX в. обусловлена необходимостью глубокого осмыслиения интеграционных механизмов, обусловивших формирование единого социокультурного и экономического пространства государства. В рамках рассматриваемой проблематики значительный научный интерес представляет анализ эволюции традиционных обществ кочевых и полукочевых народов, которые подверглись значительной модернизации под влиянием имперской административной политики. Среди них особое место занимают ногайцы Северного Кавказа, социальная организация которых, уходящая корнями в золотоордынскую эпоху, вступила в период интенсивной трансформации после вхождения в состав России.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ причин, механизмов и последствий деклассирования традиционной ногайской аристократии (султанов и мурз) и формирования новой элиты на основе экономического фактора в XIX – начале XX века.

Хронологические рамки исследования охватывают XIX – начало XX вв. Данный период ознаменован кардинальными переменами в жизни ногайских обществ: от сохранения элементов традиционного уклада в начале столетия до глубокой социально-экономической трансформации и нивелирования значения сословных привилегий к его концу.

Теоретико-методологическую основу исследования составили принципы историзма и научной объективности. В работе применялись специальные исторические методы: проблемно-хронологический (для выявления этапов трансформации), сравнительно-исторический (для анализа специфики процессов у разных групп ногайцев), социально-структурный анализ (для изучения изменений в стратификации). Междисциплинарный подход, основанный на методах социологии и экономики,

позволил проанализировать феномены социальной мобильности и имущественной дифференциации

Основная часть. Инкорпорация ногайских обществ в административную систему Российской империи повлекла за собой формализацию правового статуса традиционной знати. В рамках имперской сословной политики султаны были признаны высшим дворянским сословием ногайцев и приравнены в родовых правах к княжескому достоинству в российской аристократической иерархии, в то время как мурзам был закреплен статус дворянства [4, с. 49]. Данная мера законодательно зафиксировала сложившуюся социальную стратификацию, исторические корни которой документально подтверждаются: еще в 1608 г. ногайские мурзы приняли правовой акт, устанавливавший властные прерогативы князей над мурзами, а последних – над улусным населением [2, с. 167]. Согласно источникам, ногайские султаны мигрировали на Кавказ из Крыма и интегрировались в местные сообщества в качестве «почетных гостей», пользуясь особым статусом преимущественно среди ногайцев [15, с. 50]. А.П. Берже идентифицирует пять основных султанских родов: Келембетовский (Мансуровы), Карамурзинский, Кипчаковский (Мамакаевы, Абуловы), Наврузовский (Каплановы) и Мангитовский [5, с. 503]. Несмотря на высокий статус, численность султанов была незначительной, а их экономическое положение часто оказывалось неустойчивым ввиду отсутствия достаточной податной базы [16].

Роль султанов в общественно-политической жизни варьировалась в зависимости от региона: так, у кубанских ногайцев их влияние было существенно выше, чем у групп, кочевавших в бассейне реки Кумы. В частности, в регионах Кубани и Урупа султаны играли ключевую роль в осуществлении власти [16].

К середине XIX века наблюдается значительная трансформация статуса султанов в социальной структуре ногайских обществ. Архивные материалы свидетельствуют о постепенном отстранении их от традиционных властных полномочий и кардинальном изменении характера социальных взаимоотношений [16]. Показательным в данном контексте является инцидент 1857 года, связанный с массовым бегством рядовых кочевников из аула султана Сагат-Гирея, спровоцированным злоупотреблениями с его стороны. Подавление волнений было осуществлено регулярными воинскими подразделениями по распоряжению командующего Усть-Лабинским участком [14, с. 10]. Аналогичные социальные протесты против власти султанов фиксировались в касаевских и наймановских аулах на Кубани. В подобных ситуациях имперская администрация демонстрировала тактику формальной поддержки традиционной знати, принуждая население к подчинению и исполнению податных обязательств [1, с. 775-778]. К середине XIX века положение ногайских султанов претерпело системные изменения, обусловленные комплексом факторов: ростом социального недовольства, целенаправленной политикой администрации по ограничению их власти при сохранении внешнего покровительства, а также созданием альтернативных институтов управления.

Значительную роль в социальной иерархии ногайцев продолжали играть мурзы – представители знати, исторически осуществлявшие управление племенами и родами. После интеграции в состав Российской империи мурзы сохранили элитный статус, занимая ключевые административные должности (старшин, табунных голов и пр.). Как отмечал Н.Ф. Дубровин, их генеалогия возводилась к Эдигею, основателю Ногайской орды [12, с. 263]. Статистические данные 1827 года свидетельствуют о значительном количестве мурз в различных ногайских обществах: 22 – в Карапогай-Едишкульском приставстве, 34 – среди Ачикулак-Джембойлуковском, по 24 – в Калаус-Джембойлуковском и Калаусо-Саблинском приставствах [6].

Имперские власти проводили системную работу по документированию и легитимации сложившихся социальных отношений. Сбор сведений о повинностях и податях, которые рядовые ногайцы несли в пользу мурз, иллюстрирует стратегию формального невмешательства при сохранении детального контроля над внутренними процессами в ногайских обществах. Важно отметить, что ногайская аристократия обладала значительными привилегиями, включая освобождение от участия в системе общих повинностей [1, с. 775] и [15, Т. 2, с. 151-153]. Мурзы пользовались правом экстерриториальности в судебной сфере – их дела не подлежали рассмотрению ни общественными, ни духовными судами. Они были освобождены от телесных наказаний за правонарушения, а вопросы их правовой ответственности решались исключительно на закрытых советах представителей мурзинских родов [6].

Источники XIX века фиксируют существенную трансформацию взаимоотношений между привилегированными слоями и рядовым населением, выделяя два различных периода: до и после вхождения в состав Российской империи. Ключевым фактором ослабления влияния традиционной знати стало ее экономическое оскудение [9]. Кризис экстенсивного кочевого скотоводства и разорение хозяйств в Предкавказских степях в первой половине XIX века привели к стиранию экономических различий между знатью и рядовыми кочевниками. Показательны данные из отчетов пристава за 1839 год, демонстрирующие замену сословного принципа стратификации имущественным. Согласно этим документам, в аule Покоривший ногайский мурза владел лишь 2 лошадьми и 10 головами КРС, тогда как его подвластные имели от 70 до 300 голов скота различных видов [6].

Власть мурз и султанов постепенно становилась номинальной – экономическая деградация привела к тому, что лишь в силу традиции простые ногайцы продолжали предоставлять им символические выплаты в виде двух мерок проса, арбы сена и арбы дров [6]. Так, часть привилегированных слоев, утратив основное богатство – скот – утратила и экономическое отличие от рядовых ногайцев, что закономерно привело к снижению их социального статуса.

Процесс обнищания элит был обусловлен комплексом объективных факторов. Во-первых, критическое сокращение пастбищных территорий. Интенсивная эксплуатация ограниченных пастбищных ресурсов при содержании многочисленного поголовья скота привела к их деградации и снижению продуктивности. Во-вторых, существенное влияние оказывали экстремальные природно-климатические условия. Территории Карапгай-Едишкульского и Ачикулак-Джембайлуковском приставств характеризовались аридным климатом и ограниченной водообеспеченностью. На фоне прогрессирующего обнищания представители знати стали демонстрировать отклонение от традиционных эндогамных брачных практик. В XIX веке фиксируются случаи заключения браков между мурзами и представителями непривилегированных слоев – узденями, азатами и даже кулами, что подрывало сакральные основы их сословной исключительности и дискредитировало их авторитет в глазах общества [19, с. 42–43].

Особую страту в социальной структуре ногайских обществ составляли уздени (кайбashi) и асланбеки. Несмотря на формальную подчиненность мурзам, они обладали личной свободой, участвовали в общественном самоуправлении и выполняли важные военные функции, формируя личную охрану знати. Данные группы можно отнести к традиционному служилому сословию, выполнявшему военные и административные функции при ногайской знати [9]. Однако с ослаблением власти мурз социальный статус узденей и асланбеков постепенно нивелировался до уровня свободных общинников – азатов [7].

Значительными привилегиями обладало духовенство, занимавшее, по оценке Н.Ф. Дубровина, второе по значимости место в социальной иерархии после мурз [12, с. 263]. В некоторых случаях его влияние превышало авторитет светской знати [6]. Численность духовных лиц определялась потребностями конкретных обществ, поскольку их содержание осуществлялось за счет местных ресурсов [14, с. 21–22].

Значительную роль в системе социальной стратификации ногайских обществ играла особая категория – байство. В условиях усиления имущественной дифференциации в XIX веке среди ногайцев сформировалась группа крупных скотовладельцев, не принадлежавших к традиционной знати (султанам и мурзам). Концентрируя в своих руках значительные табуны лошадей и стада крупного рогатого скота, они приобретали влияние даже на мурз, которым ранее подчинялись [18, с. 1-8].

Основу ногайского общества составляли автономные хозяйства кочевников-скотоводов, обозначаемые в источниках как «простой народ». В зависимости от объема скота владельцы состоятельных хозяйств именовались азатами, менее обеспеченные – кедеями, а полностью лишенные скота – байгушами. Статистические данные по кочевым хозяйствам ногайцев свидетельствуют о глубокой имущественной дифференциации. Согласно материалам 1879 г., в Ачикулак-Джембойлуковском приставстве наблюдалось следующее распределение: 34,46 % хозяйств (байгуши и владельцы 1 головы скота) находились в состоянии абсолютной бедности, 29,54 % составляли малоимущие хозяйства (2–5 голов скота), 27,13 % относились к экономически самостоятельным хозяйствам (5–50 голов), 8,87 % представляли богатые хозяйства (байство) с поголовьем от 50 до 1000 голов. Схожая структура фиксируется в Карапогайском приставстве, где доля беднейших групп достигала 26,97% [3, с. 32].

К этому периоду исчезли традиционные привилегированные группы тарханов и сеидов. Тарханы, происходившие из вольноотпущеных холопов, ранее обладали личной свободой и освобождались от повинностей [8]. Их сословие было упразднено «Уставом для управления ногайцев» (1827) в целях унификации налоговой системы. Сеиды, основывавшие свой статус на происхождении от пророка Мухаммеда, также лишились привилегий после административного вмешательства российских властей [15, с. 151-153].

Особую категорию составляло зависимое население – ясыри (рабы). По данным 1820–1830-х годов, их численность в отдельных обществах колебалась от 510 до 868 человек, составляя преимущественно домашнюю прислугу [10]. К 1860-м годам институт рабства практически исчез вследствие экономического кризиса и интеграции ясырей в кочевую среду [17].

Во второй половине XIX века социальная организация ногайских обществ претерпела интенсивную трансформацию, обусловленную кризисом традиционных отраслей кочевого хозяйства — коневодства, овцеводства и скотоводства. Деградация экстенсивной скотоводческой системы выступила ключевым фактором, детерминировавшим структурные изменения в ногайском социуме. Основными причинами сокращения поголовья скота стали:

- 1) сужение пастьбищных территорий, критически необходимых для поддержания кочевого уклада;
- 2) экстремальные природные явления (бураны, засухи);
- 3) ограниченность природно-климатических ресурсов (аридность почв, дефицит водных источников).

Кумулятивное воздействие этих факторов привело к последовательной рецессии и последующей стагнации традиционной экономической системы ногайцев [11, с. 392-393].

Заключение. Проведенное исследование позволяет констатировать, что социальная структура ногайцев Северного Кавказа в XIX – начале XX вв. претерпела фундаментальную трансформацию, характеризующуюся деклассированием традиционной аристократии и формированием новой системы стратификации на экономической основе.

Ключевыми факторами, обусловившими указанные трансформации, выступили:

- 1) интеграция в административную систему Российской империи, повлекшая формализацию правового статуса знати и постепенную утрату ее властных полномочий ввиду передачи управлеченческих функций имперским административным институтам в лице российских приставов, которые дублировали и постепенно вытесняли традиционные институты власти, превращая ногайскую знать из управляющей элиты в социальную группу с преимущественно символическим статусом;
- 2) системный кризис экстенсивного кочевого скотоводства, обусловленный сокращением пастбищных территорий, экстремальными природно-климатическими явлениями (бураны, засухи) и эпизоотиями, привел к масштабной потере основного богатства знати – скота. Данный процесс имел фундаментальные социально-экономические последствия: тотальное обнищание традиционной аристократии стирало прежнее экономическое неравенство, объективно уравнивая султанов и мурз с рядовыми скотоводами. Утрата поголовья разрушала материальную основу их социального превосходства, лишая их не только экономического, но и традиционного властного ресурса, что являлось ключевым фактором деклассирования элиты;
- 3) политика имперских властей по унификации социального пространства, выразившаяся в упразднении отдельных групп (тарханов, сеидов) и редирекции повинностей в пользу государственной администрации, логически завершила процесс интеграции ногайского общества в правовое и фискальное поле империи. Данная мера системно ликвидировала правовой партикуляризм, окончательно изменив экономические основы традиционной социальной структуры. Таким образом, административная унификация стала заключительным фактором, преобразовавшим внутреннюю социальную иерархию ногайцев в соответствии с имперскими стандартами управления.

Следствием указанных процессов стало нивелирование сословных различий и снижение социального статуса аристократии, вынужденной вступать в мезальянсы с непривилегированными слоями и заниматься наемным трудом. Параллельно с деклассированием традиционной элиты происходило формирование новой социальной иерархии, основанной на имущественном принципе. Выделилась прослойка байства – крупных скотовладельцев незнанного происхождения, сосредоточивших в своих руках экономические ресурсы и приобретших значительное влияние. Социальная структура окончательно трансформировалась от сословной к экономической стратификации, с ярко выраженной поляризацией на богатых скотовладельцев (8–13 % хозяйств) и полностью обездоленных байгушей (25–35 % хозяйств). К началу XX века традиционная социальная организация ногайцев, восходившая к золотоордынской эпохе, уступила место новой системе отношений, интегрированной в общеимперское социально-экономическое пространство. Данная трансформация отразила общую тенденцию модификации социальных структур кочевых народов Юга России в условиях имперской модернизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссию: том 8. – Тифлис: Типография главного управления наместника Кавказского, 1881. – 1033 с.
2. Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.) / собрал и редактировал А. М. Гневушев. – Москва: [б. и.], 1918. – Вып. 2. – 421 с.
3. Бентковский, И. В. Наши кочевники и их экономическое состояние / И. В. Бентковский // Ставропольские губернские ведомости: газета. – 1879. – № 32. – С. 34–35.
4. Бентковский И. В. Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ногайцы. Ч. 1 / И. В. Бентковский. – Ставрополь : Типография Губернаторского Правления, 1888. – 134 с.
5. Берже А. П. Татарское племя на Кавказе / А. П. Берже // Кавказ : газета. – 1859. – № 87. – С. 486–488.
6. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Фонд 249 «Управление главного пристава кочующих народов Ставропольской губернии», Опись 3, Дело 708 «О собрании частными приставами сведений на счет законов, обычаев и прочего из кочующем магометанских народом существующих и доставляемых начальнику части вместе с замечаниями на счет управления ими», Л. 24-25
7. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Фонд 249 «Управление главного пристава кочующих народов Ставропольской губернии», Опись 3, Дело 1886 «По предписанию господина Начальника Кавказской области, о доставлении родословного фамильного списка магометанам, кои отличаются исстари знатною породой, доброй нравственностью и пользуются особенным уважением в народе», Л. 10 .
8. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Фонд 249 «Управление главного пристава кочующих народов Ставропольской губернии», Опись 3, Дело 2584 «О законах и обычаях Магометанского народа», Л. 40.
9. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Фонд 249 «Управление главного пристава кочующих народов Ставропольской губернии», Опись 3, Дело 2733 «О приведении в известность податей, коими обязаны ногайцы их мурзами», Л. 2–6.
10. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Фонд 249 «Управление главного пристава кочующих народов Ставропольской губернии», Опись 3, Дело 2889 «О холопах или Ясырях, владеемых магометанскими народами».
11. Джумагулова А. Т. Особенности состояния экономики ногайских обществ Северного Кавказа в XIX — начале XX веков / А. Т. Джумагулова // Научный диалог. – 2022. – № 11 (7). – С. 377–397.
12. Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе: в 6 т. Очерк Кавказа и народов его населяющих / Н. Ф. Дубровин. – Санкт-Петербург: Типография Департамента Уделов, 1871. – Т. 1, кн. 1. – 640 с.
13. Забудский Н. Н. Военно-статистическое обозрение Российской империи: издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба / Н. Н. Забудский. – Санкт-Петербург: Типография Департамента Генерального Штаба, 1848–1858. – Т. 16, ч. 5: Ставропольская губерния, 1851. – 274 с.
14. Кочекаев Б.-А. Б. Классовая структура ногайского общества в XIX – начале XX веков / Б.-А. Б. Кочекаев. – Алма-Ата: Казахский государственный университет имени С. М. Кирова: кафедра истории СССР, 1969. – 60 с.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Санкт-Петербург: в Тип. 2 Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Том II. – 1561 с.
16. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Фонд 414 «Статистические, экономические, этнографические и военно-топографические сведения о России», Опись 1, Дело 434 «Материалы об образе жизни, обычаях и нравах народов, живущих за Кубанью, административном делении и управлении Кавказом, выписанные из архива Иностранных дел за период с конца XVIII в. до 1863 г.», Л. 107-108
17. Рудановский А. О ясырях / А. Рудановский // Санкт-Петербургские ведомости: газета. – 1861. – № 235.
18. Самойлов А. А. Сведения об инородцах-магометанах Ставропольской губернии, собранные Главным приставом подполковником Самойловым / А. А. Самойлов. – Ставрополь: Типография Ставропольского губернского правления, 1881. – 56 с.
19. Сословное право горцев Кубанской области 1872–1903 гг. // Генеалогия Северного Кавказа: историко-генеалогический научно-реферативный независимый журнал. – 2007. – № 19. – С. 3–122.

Поступила в редакцию 26.08.2025 г.

DECLASSING OF THE TRADITIONAL ARISTOCRACY AND THE FORMATION OF A NEW ELITE: ON THE PROBLEM OF SOCIAL MOBILITY OF THE NOGAIS IN THE NORTH CAUCASUS IN THE XIX-th – EARLY XX-th CENTURIES

A. T. Dzhumagulova

The article investigates the transformation of the social structure of the Nogai society in the North Caucasus during the XIX-th and early XX-th centuries. It analyzes the process of declassing of the traditional aristocracy (sultans and murzas) and the formation of a new elite based on economic factors. The study identifies the causes that determined this social transformation: integration into the administrative system of the Russian Empire, which led to the transfer of managerial functions to the institution of Russian pristavas (officials); the systemic crisis of extensive nomadic cattle breeding, which caused the total impoverishment of the nobility; and the targeted policy of the imperial authorities to unify social space. The scientific novelty of the work lies in a comprehensive study of the mechanisms of social mobility and the change of elites in the context of the modernization of traditional societies during their integration into the Russian Empire and the specificities of the transformation of their social structures during the imperial period.

Key words: Nogai people, social stratification, declassing, imperial modernization, North Caucasus, estate structure, social mobility, nomadic societies.

Джумагулова Айгуль Темерхановна
Кандидат исторических наук,
ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный
университет», г. Пятигорск, Ставропольский
край, РФ.
E-mail: aigul-men@mail.ru

Dzhumagulova Aigul Temerkhanovna
Candidate of Historical Sciences,
FSBEI HE «Pyatigorsk State University»,
Pyatigorsk, Stavropol Krai, Russian Federation.
E-mail: aigul-men@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТЫЛОВЫХ ЭВАКОГОСПИТАЛЕЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ АКТЮБИНСКОЙ ОБЛАСТИ)

© 2025 *B.C. Ешпанов*

Казахский университет технологии и бизнеса, г. Астана, Республика Казахстан

В представленном исследовании предпринята попытка анализа работы эвакогоспиталей на основе отдельно взятой области. В историческом контексте отражены трудности 1941–1945 гг., с которыми столкнулась система здравоохранения Казахской ССР. Рассмотрен опыт организации медицинской помощи и лечения раненых в период великих испытаний, принесший огромный вклад в развитие медицины страны. Характеризуется кадровый потенциал области в тяжелейший для страны период. Обозначены проблемы организации медицинской деятельности. Раскрыты условия выполнения профессионального долга медиков и их патриотического трудового подвига.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, железнодорожный транспорт, Актюбинские эвакогоспитали, здоровье, медицинские работники.

Великая Отечественная война является одним из самых героических и драматических периодов истории нашего отечества. Война изменила течение жизни каждого советского человека, нанеся удар по всем сферам жизни общества. Начавшаяся война потребовала перестройки гражданского здравоохранения на нужды войны [1, с. 84]. В годы Великой Отечественной войны в нашей стране была организована широкая сеть эвакуационных госпиталей [2, с. 126]. В тяжелые годы войны важным звеном организации медицинского обеспечения стало создание системы специализированных тыловых эвакуационных госпиталей для оказания медицинской помощи эвакуированным раненым и местному населению [3, с. 52]. В Казахской ССР стали открываться сотни новых госпиталей, для которых отводились самые удобные и уютные здания. Жители республики оказывали посильную помощь [4, с. 92]. Актюбинская область в годы Великой Отечественной войны оказалась в тылу. Сюда были эвакуированы важнейшие стратегические промышленные, культурные, духовные и социальные объекты. Практически все эвакогоспитали в Актюбинской области были развернуты в самом начале войны. Основной задачей эвакогоспиталей тыла страны было длительное лечение раненых и больных. Уже в первый год войны была проведена четкая специализация госпиталей, налажена работа сортировочного эвакогоспитала и налажена подготовка медицинских кадров.

С первых дней войны значительно возросло значение железнодорожного транспорта. Работа железнодорожного транспорта определялась не только новыми задачами, поставленными войной, но и изменениями условий труда [5, с. 227]. В первые месяцы военных событий на Восток стали прибывать эшелоны с ранеными, в стороне не осталась и Актюбинская область. За годы Великой Отечественной войны Актюбинская область дала четверть всей продукции тяжелой промышленности СССР. Одна из крупных узловых и сортировочных станций на участке направления Оренбург–Ташкент, приняла на себя львиную долю всего эвакуированного. Железнодорожная станция Актюбинск находилась в глубоком тылу, что давало возможность ей открытия эвакуационных госпиталей. Работа по созданию госпитальной базы на территории области шла напряженно. Работа в тылу кипела, санитарные поезда доставляли

раненых. Поступление раненых и больных в эвакогоспитали за годы войны было неравномерным и зависело от наличия свободных коек [6, с. 71].

Становление историографии исследуемой проблемы относится непосредственно к периоду Великой Отечественной войны. В отечественной историографии имеется большое количество трудов по данной тематике. Историографический обзор темы в целом показывает преобладание исторических и медицинских работ, где деятельность эвакогоспиталей рассматривается попутно. К первым исследователям мы относим советских авторов, таких как Н.И. Пирогов, Н.Н. Бурденко, Е.И. Смирнов [2]. Зачастую это статьи руководителей здравоохранения, известных медицинских деятелей. Некий сдвиг наметился с появлением трудов о многогранной деятельности госпиталей тыла страны. Такие авторы как В.И. Селиванов [9], И.Б. Ростоцкий [14] внесли коррективы в пробел образовавшейся проблемы. В региональной историографии тема эвакуационного госпиталя носит фрагментарный и отрывочный характер, за исключением заметного труда М.А. Жакуповой [4]. В ее труде прослежена масштабная работа по накоплению и систематизации материалов регионального содержания. Относительно исследуемой проблемы, необходимо отметить значительный вклад отечественного исследователя Л.Е. Свиридовской [3] в региональную тематику.

Заметным явлением в жизни тылового Актюбинска было размещение и функционирование эвакуационных госпиталей. В военные годы на территории Актюбинской области были дислоцированы эвакуационные госпитали в таких городах как Актюбинск, Кандагач, Челкар и поселке Алга. Все они находились в подчинение эвакуационному пункту № 110, который с 26 августа 1941 года базировался в городе Оренбург. Одним из первых начавшим свою работу в городе Актюбинске, стал эвакогоспиталь «№ 3601 – сортировочный», который имел профиль хирургического направления. Вторым, который открылся в городе, был эвакогоспиталь «№ 2450 терапевтического направления». В эвакогоспиталах практиковалось комплексное применение активной хирургии и терапии в сочетании с лечебной физкультурой. Все эвакогоспитали в Актюбинской области имели операционную, перевязочную, стерилизационную и рентген-кабинет.

Таблица 1
Эвакогоспитали Актюбинской области [7]

№	Наименование железнодорожной станции	Эвакогоспиталь	Кол-во коек	Место расположения
1	Актюбинск	№ 3601 сортировочный	500	родильный дом
2	Актюбинск	№ 2450	500	гостиница
3	Алга	№ 3600	400	школа
4	Кандагач	№ 3985	500	интернат
5	Челкар	№ 3602	400	школа

Лечение, уход, питание в госпиталях было удовлетворительным. Постельными принадлежностями обеспечены практически полностью. Больничного белья имелось на несколько смен. Медикаментами обеспечены очень слабо, имеется только первое необходимое, перевязочного материала было недостаточно. Работать медработникам приходилось в нелегких условиях, порой не хватало элементарных бинтов, ваты, гипса, пенициллина и других лекарств. Все это, естественно, сказывалось на темпах лечения раненых. Также в эвакогоспиталах не было достаточно шкафов, тумбочек и должного количества посуды. Проблемной темой был вопрос с питанием. Не смотря на военное время и трудности с продовольствием, питание больных в эвакогоспиталах оставляло желать лучшего. Больные иногда даже отказывались от каши, требовали картошку. Персоналу не хватало хлеба и продуктов питания.

Таблица 2

Суточная норма питания в эвакогоспитале № 2450 [8]

№	Наименование продукта	Вес продукта
1	хлеб	550 грамм
2	макароны	125 грамм
3	овощи	300 грамм
4	картофель	460 грамм
5	мясо	50 грамм
6	сахар	120 грамм

Содействие госпиталям продуктами питания оказывалось в основном из двух источников. В снабжении эвакогоспиталей продуктами нередко случались задержки, так как склады НКО в первую очередь обеспечивали действующую армию. Необходимо отметить, что эвакогоспитальный паек был значительно скромнее и по отдельным пунктам намного скучнее, чем даже на передовой. Контроль над расходованием продуктов был постоянным и тщательным. Ухудшение продовольственного положения в конце 1941 – начале 1942 годов потребовал от местного руководства областью, незамедлительного обеспечения эвакогоспиталей за счёт децентрализованных источников продовольствия. Большую работу проводили сельские шефы, помогавшие, главным образом, в вопросах улучшения питания раненых и больных.

Трудности в работе эвакогоспиталей состояли в перемещении раненых, которые прибывали на базу сортировочного эвакогоспиталя, уже с которого они распределялись по другим госпиталям в зависимости от профиля ранения [9, с. 25]. При этом, огромный объем физической работы вынуждал руководство эвакогоспиталем обращаться за помощью к подшефным организациям и жителям города. Помощь в транспортировке в отдаленные эвакуационные госпиталя оказывали местные органы государственной власти. При большом наплыве раненых гужевой транспорт не успел перевозить раненых. За всеми эвакогоспиталями были закреплены предприятия, учреждения, МТС, совхозы, колхозы, школы и другие организации, которые в порядке шефства осуществляли большую работу.

Таблица 3

Данные здравоохранения Казахской ССР на 29. 04. 1941 года [10, с. 145]

№	Наименование союзной республики	Кол-во медицинских учреждений	Кол-во больничных коек	Кол-во врачей всех специальностей	Кол-во средних медицинских работников
1	Казахская ССР	627	25,4	2,7	12,0

Из представленной таблицы мы понимаем, что наличие квалифицированных кадров является важнейшим условием успешного функционирования любой организации. Острой была проблема с обеспечением формируемых эвакогоспиталей медицинским составом. Эвакогоспиталя в Актюбинской области укомплектовывались самыми опытными врачами и высококвалифицированными медсестрами, так как в глубокий тыл прибывали особо тяжелые раненые. Прибывшие по эвакуации медики несколько сгладили разницу в статистики первых лет войны, благодаря им улучшилось кадровое положение в тыловых республиках [11, с. 199]. Здесь проходили лечение раненые с тяжелыми травмами суставов и конечностей, проникающими ранениями грудной клетки и мягких тканей. Из учетной карточки эвакогоспиталя № 3601 сортировочный, на 20 декабря 1941 года, в штате числилось 18 врачей, из них четыре

хирурга, один челюстно-лицевой хирург, шесть терапевтов, два невропатолога, два физиотерапевта, два врача ЛФК, один рентгенолог; 48 медицинских сестер, три массажиста. В госпитале № 3061 трудились медики из самых разных уголков страны. Переливание крови при лечении раненых в эвакогоспиталах сыграло очень большую роль в лечении раненых [12, с. 18]. Перед медицинскими работниками эвакогоспиталей стояла ответственная задача организации лечения раненых. Тяжело было всем, особенно доставалось палатным медицинским сестрам и санитаркам. Не хватало санитарного персонала и самого необходимого для обслуживания насущных бытовых нужд. Большую помощь по уходу за ранеными оказывали и местные жители. Городские школьники активно занимались сбором лекарственных растений, по просьбе эвакогоспиталей. С целью увеличения витаминов в питании раненых собирали и использовали ягоды, грибы, шиповник, щавель, крапиву, морковную и свекольную ботву.

В условиях острой нехватки медицинских кадров важно было рационально распорядиться имевшимися людскими ресурсами [13, с.6]. На базе функционирующего эвакогоспитала «№3601 сортировочный» были организованы курсы с января 1942 года по подготовке медицинских сестер. Принимались девушки, окончившие шесть или семь классов в общеобразовательной школе и обладающие здоровьем. Данные курсы действовали до ноября 1944 года. Кроме того, при каждом эвакогоспитале Актюбинской области проводились курсы для палатных сестер.

Но далеко не все решалось быстро и оперативно, о чем свидетельствуют данные из архивного документа:

Протокол № 24

Постановили: Заслушав доклад товарища И.К. Коваля о решениях десятого пленума горкома партии общее собрание первичной парторганизации отмечает следующие:

1. Заготовка топлива к зимнему периоду проходит в нашем эвакогоспитале совершенно неудовлетворительно из 1 686 тонн заготовлено всего 138 тонн угля. Аналогичная ситуация и с дровами.
 2. Заготовка овощей идет медленными темпами. Подготовка овощехранилищ еще не начата, хотя лесоматериал был доставлен на базу эвакогоспитала еще в августе месяце.
 3. Транспорт (гужевой) для вывозки топлива не готов. За исключением единственной автомашины.
 4. Ремонт здания не начат, хотя большая часть необходимых материалов уже приобретены.

Широкий размах приобрело культурное шефство. Регулярно в эвакогоспитале проводились творческие литературные вечера, вечера аттракционов и шуток, шахматно-шашечные турниры.

Протокол № 13

Общего открытого партсобрания первичной парторганизации эвакогоспиталя 3601
город Актюбинск от 26 марта 1942 г.

Доклад о работе клуба.

Первым выступил товарищ Н.К. Широков «клуб в условиях войны при госпитале должен явиться культурным штабом. Основным видом работы нашего клуба является демонстрация кинофильмов. При этом, мало уделяется организации игр, таких как шашки, шахматы, домино, нарты и другие виды». Вторым выступил товарищ А.П.

Герунг «работа нашего клуба выражается в том, чтобы как можно больше показать кинофильмов, связанных с патриотизмом. Кроме того, мы проводим демонстрации постановки спектаклей, читаем лекции и доклады о победах Красной армии на фронтах». Третьим выступил товарищ С.И. Коваль «необходимо произвести учет проведенных бесед и сколько охвачено слушателей, в этом направлении нужно привлечь больше слушателей, чтобы все были осведомлены событиями, происходящими на фронтах». Четвертым выступил товарищ Т.Ф. Вещенко в своем докладе, он указывал на общее количество музыкальных инструментов, которые лежат в подсобке клуба. Без его разрешения никто их не берет. Составлен план мероприятий культурно-massового характера на летний сезон.

Таблица 4

Данные из эвакуационных госпиталей СССР на 12. 02. 1946 года [14, с. 73]

Период	госпитализировано	восстановленные в строй
1941–1945 гг.	22 млн. военнослужащих	17 млн. военнослужащих

Цифровые данные из этой таблицы позволяют нам сделать следующий вывод. По данным Л.И. Завалищенко, благодаря эвакуационным госпиталям в стране было возвращено 72 процента военнослужащих на передовые рубежи [15, с. 351]. Приведенные цифры позволяют судить о методах работы, с помощью которых эвакогоспиталя и органы власти на местах решали первоочередные задачи скорейшего возвращения военнослужащих в строй.

Таким образом, несмотря на наличие колоссальных трудностей, и имевшихся недостатков, эвакогоспиталя Актюбинской области, выдержали испытание и оказались в целом способными решать задачи здравоохранения в военное время. Эвакогоспитали имели непосредственное значение в восстановлении здоровья военнослужащих, получивших ранения. Высшей оценкой медицинских работников в годы военных лет является память потомков. Военная история эвакогоспиталей – это пример трудолюбия и человечности, храбрости и милосердия. Героический труд медицинского персонала в годы Великой Отечественной войны был по достоинству оценен государством. В целом здравоохранение Казахской ССР оказалось готовым к решению поставленных задач в тыловой республике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузьмин М. К. Советская медицина в годы Великой Отечественной войны. Очерки. – М., 1979. – 240 с.
2. Смирнов, Е. И. Война и военная медицина 1939–1945 / Е. И. Смирнов. – 2-е изд. – М.: Медицина, 1979. – 526 с.
3. Свиридова Л.Е. Работа тыловых эвакогоспиталей в Северном Казахстане пример успешного интернационального сотрудничества. // Проблемы социальной гигиены и истории медицины. – 1995. №5. – С. 51–52.
4. Жакупова М. А. Тыловые эвакогоспитали Казахстана и республик Средней Азии (САВО) в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Астана: Елорда, 2005. – 272 с.
5. Ковалев И.В. Транспорт в Великой Отечественной войне (1941–1945). – М.: Наука, 1981. – 480 с.
6. Егоров Ф. Эвакогоспиталь. Документальная повесть / Ф. Егоров. – Алма-Ата: Казгослитиздат, 1960. – 176 с.
7. Государственный Архив Актюбинской Области. (ГААО). Ф.13. Оп.10. Д.312. Л.16.
8. Государственный Архив Актюбинской Области. (ГААО). Ф.13. Оп.10. Д.29. Л.281.
9. Селиванов В.И. Роль эвакуационных госпиталей Народного Комиссариата Здравоохранения в лечении раненых и больных советских воинов / В.И. Селиванов, Е.Ф. Селиванов // Советское здравоохранение – 1975. – № 5. – С. 21–26.

10. Камалиев М.А., Бигалиева Р.К., Хабиева Т.Х. История народной медицины и общественного здравоохранения Казахстана. – Алматы: 2004. – 174 с.
11. Иванов Н. Г. Советское здравоохранение и военная медицина в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / Н. Г. Иванов, А. С. Георгиевский, О. С. Лобастов. – Л.: Гос. изд-во «Медицинская литература», 1985. – 304 с.
12. Гаврилов О.К. Переливание крови в годы Великой Отечественной войны. // Военно-медицинский журнал. – 1965. – №4. – С. 16-19.
13. Колесников С.А. Советское здравоохранение в дни Отечественной войны // Советская медицина. 1943. – №7-8. – С. 1-8.
14. Ростоцкий И.Б. Тыловые эвакогоспитали: очерки по организации лечения больных и раненых воинов Советской Армии в тыловых эвакогоспиталах народного комиссариата здравоохранения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М.: Медицина, 1967. – 80 с.
15. Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Сборник документов и материалов. Под ред. Л.И. Завалищенко. – М.: Медицина. 1977. – 575 с.

Поступила в редакцию 02.09.2025 г.

**ACTIVITIES OF REAR EVACHOSPITALS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR
(ON THE EXAMPLE OF THE AKTYUBINSK REGION)**

V. S. Yeshpanov

The presented study attempts to analyze the work of evacuation hospitals based on a single region. The difficulties of 1941-1945, which the healthcare system of the Kazakh SSR faced, are reflected in the historical context. The experience of organizing medical care and treatment of the wounded during the period of great trials, which made a huge contribution to the development of medicine in the country, is considered. The human resources potential of the region in the most difficult period for the country is characterized. The problems of organizing medical activities are identified. The conditions for fulfilling the professional duty of doctors and their patriotic labor feat are revealed.

Key words: Great Patriotic War, railway transport, Aktobe evacuation hospitals, health, medical workers.

Ешпанов Владимир Сарсембаевич
Доктор исторических наук, профессор,
Казахский университет технологии и бизнеса,
г. Астана, Республика Казахстан.
E-mail: ws-282@mail.ru

Yeshpanov Vladimir Sarsembayevich
PhD (doctor of history), Professor,
Kazakh University of Technology and Business
Astana, Republic of Kazakhstan.
E-mail: ws-282@mail.ru

ПОЛИТИКА МОРСКОГО ЗАПРЕТА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ НА ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛЕ РАННЕЙ ЦИН (СЕРЕДИНА XVII в. – НАЧАЛО XVIII вв.)

© 2025 *B. B. Разумный, B. A. Ковалёв*

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

В настоящей работе рассматривается политика морского запрета «цзиньхай» – серия императорских указов, запрещающих китайцам выходить в море и торговать с иностранцами. В статье отражены основные этапы развития политики морского запрета в её ранний период, а также рассмотрено ее влияние на внешнюю морскую торговлю на юго-востоке империи.

Ключевые слова: династия Цин, политика морского запрета, клан Чжэн, внешняя торговля.

Введение. Запрет морской торговли или «цзиньхай», как явление, возник еще во времена правления основателя минской династии Чжу Юаньчжана (朱元璋). Согласно «Мин шилу», впервые указ о запрете был издан в 1371 г. [цит. по 1, с. 46]. Впоследствии, указ неоднократно переиздавался, являясь важным инструментом, регулирующим морскую торговлю.

В западной и отечественной историографии тема освящена сравнительно слабо. Политика морских запретов минского периода наиболее тщательно рассмотрена в работе А.В. Бокщанина [2], также тема запрета затрагивалась в работах, таких синологов, как Дж. Фэрбэнк [3] и Ричард фон Глан [4]. Более существенный пласт исследований существует в китайской историографии, отдельно стоит отметить работы таких ученых, как Лю Фэньюнь [5], Хэ Юй [6], Го Чэнкан [7], и др. В них наиболее полно рассмотрены причины введения запретов, видоизменение политики с течением времени и ее последствия.

В свою очередь, тема влияния морского запрета на объемы внешней торговли в прибрежных провинциях практически не затрагивалась. Существует множество трудов о торговле Китая с другими государствами в этот период, однако не одна из них, не ставила перед собой целью рассмотрение политики «цзиньхай» и динамики внешней торговли во взаимосвязи. Таким образом, настоящая статья ставит перед собой две задачи: осветить эволюцию политики морского запрета раннего периода Цин в русскоязычном научном поле и наглядно продемонстрировать влияние запрета на изменения во внешней торговле империи.

Основная часть. Обстоятельства введения запрета существенно различались, в зависимости от временного периода и исторических обстоятельств. Если в начале правления династии Мин запрет, мыслился как инструмент принуждения внешних стран к официальной (межгосударственной) торговле в процессе «принесения дани» [9, с. 3] то во второй половине запрет превратился в меру противодействия японским пиратам «вако».

В ранние годы маньчжурской династии причины введения запрета вновь изменились. Главной задачей первых цинских императоров было объединение всего Китая под своим началом. Одним из наиболее влиятельных противников маньчжурского завоевания на протяжении долгого времени был Чжэн Чэн-гун (郑成功), сохранявший верность минской династии. Совершая пиратские набеги в прибрежных провинциях Чэн-гун, наносил существенный ущерб маньчжурским силам. На первых

порах, новая династия не могла решить эту проблему силой. Большая часть сил была против Южной Мин и государств повстанцев на континенте. К тому же, в этот период, флот у новой династии фактически отсутствовал.

Отсутствие возможности устраниТЬ угрозу со стороны Чэн-гуна вынудило маньчжуров искать иные пути решения. Наиболее эффективной мерой в такой ситуации цинскому двору мыслилось введение морского запрета. В июне 12-го года правления Шуньчжи (顺治) (1655 г.) генерал-губернатор провинций Фуцзянь и Чжэцзян Тунь Тай потребовал от прибрежных провинций ввести строгий запрет, запрещающий «ни одному парусу выходить в море» [5, с. 56]. Данная мера решала сразу две проблемы: защищала суда от разграбления и затрудняла поддержку Чэн-гуна, производимую антицинским настроенным населением с материка.

В 1656 г. запрет был официально введен императором Шуньчжи: «Торговым судам строго запрещено выходить в море без разрешения. Любой, кто торгует с мятежниками продовольствием, товарами и т. д., будет наказан...» [9, цз. 102.]. На тот момент, маньчжуры только начали закрепляться в прибрежной зоне, что значительно затрудняло контроль за соблюдением запрета. Как результат, в первые годы своего действия, запрет не принес желаемых результатов. Об этом, например, свидетельствует поражение цинских войск при Сямыне в 1660 г. [10, с. 43.]. Поражение показало маньчжурам, что для победы над «морскими разбойниками» требуются более жесткие меры. Ввиду этого, в 1661 г. императором Шуньчжи был издан указ «цяньхай» (迁海), запрещающий населению селиться на побережье. Вместе с этим, как дополнительная мера, был переиздан указ о морском запрете.

Лишение поддержки на суше, вынудило Чжэн Чэн-гуна перебраться на Тайвань в этом же году, вступив в конфликт с голландскими колонизаторами, ранее господствовавшим на острове [11, с 130.]. На следующий год, Чэн-гун был убит своими же союзниками [11, с. 131]. Данное обстоятельство способствовало снижению боевого накала на морском театре боевых действий. Вместе с этим, по мере ослабления угрозы с моря, среди цинских чиновников усиливались возгласы об ослаблении запрета выхода в море. С по 1661 г. по 1673 г. к императорскому двору неоднократно подавались меморандумы с просьбой открыть моря для торговли. Как следствие, запрет сперва был ослаблен в Гуандуне, а затем в других провинциях [5, с. 58].

С началом войны Саньфань (三藩之亂) в 1673 г., ситуация вновь изменилась. Восстание «трех князей-датчиков» побудило активизироваться клан Чжэн на Тайване. Обострение политической ситуации вынудило цинские власти ввести морской запрет в 1675 г. в юго-восточных провинциях. Затем указ был повторен в 1678 г.: «Довожу до сведения принца-регента и министров, что пираты, окопавшиеся в Сямыне и вступившие в сговор с горным разбойниками, занимаются подстрекательством, ради того, чтобы прибрежное население провинции Фуцзянь оказывало [им] помощь. Следуя примеру 18-го года правления Шуньчжи, нужно переселить население, живущее за пределами ранее установленной границы во внутренние регионы. По-прежнему должен строго соблюдаться морской запрет, прекратив всякое сообщение [на море]» [12, цз. 72].

Тем не менее, строгое соблюдение морского запрета существенно сказывалось на экономике прибрежных провинций. Поэтому чиновники неоднократно просили ослабить запрет или снять его. Губернаторы провинции Фуцзянь Фань Чэнмо и Яо Цишэн, губернатор Цзянсу Му Тяньянь, сюньфу провинции Фуцзянь У Синцзуо, губернатор Гуандуна Ли Шичжэн подавали прошения ради отмены морского запрета.

Наиболее представительным, по оценкам китайских историков, является «Прошение о снятии морского запрета» [5, с. 13] губернатора Му Тяньяня. Описывая проблемы своей провинции, Му Тяньянь подводил к тому, что наиболее эффективным решением будет снятие морского запрета: «...Из-за введения системы уплаты налогов в два срока и постоянных сборов для государственных нужд, только лишь посредством денег, верхи и низы уже долгое время страдают от нехватки металла [серебра]. Таким образом, есть два способа для получения серебра: с рудников и с иностранных кораблей. Поскольку добыча руды прекратилась, вопрос о литье [монет], даже не стоит. С введением строгого запрета, ни одно судно не может выйти в море. ... Серебро истощается день от дня и нет возможности его восполнить. ... Единственный [способ] переломить сложившуюся ситуацию в настоящее время – снять морской запрет...» [14, цз. 26].

Тяжелое положение юго-восточных провинций вынудило императора начать рассматривать возможность снятия морского запрета, при условии исчезновения угрозы со стороны клана Чжэн. Об этом свидетельствует решение императора касательно судьбы 33 человек, нарушивших морской запрет и приговоренных к смертной казни в провинции Фуцзянь: «В настоящее время [идет] подготовка [по реализации] надлежащих мер на море, если Цзиньмэн [и] Сямынь [будут] взяты, то тогда [судьбу] этих людей нужно будет снова обсудить отдельно ... Этот указ можно временно оставить, не оглашая.» [15, с. 503].

На следующий год после аннексии Тайваня, был снят морской запрет в провинциях Цзянсу, Чжэцзян, Фуцзянь и Гуандун [16, цз 125]. За годы ведения военных действий с кланом Чжэн, экономика прибрежных провинций очень ослабла. Ликвидация экономической разрухи требовала решительных мер, ввиду чего началось активное налаживание морской торговли, составлявшей существенный источник дохода для этого региона.

Начался этап активного товарообмена между Китаем и другими государствами. Стремительное развитие морской торговли, в свою очередь, привело к новой проблеме – усилению контрабандной деятельности. В 1694 г. губернатор провинции Чжэцзян, подал доклад трону с просьбой ввести дополнительные ограничения в морской торговле: «Морской запрет был значительно ослаблен, выходящие в море торговые суда, получают от провинциальных чиновников удостоверение, в зависимости от размера судна [и] им разрешено иметь вооружение при выходе в море, это устоявшаяся практика. Однако со временем возникли злоупотребления, некоторые торговцы из внутренних территорий, строят корабли за рубежом, [они] снабжены вооружением благодаря заморским контактам, используя попутный ветер [они] проникают в Китай. При допросе провинциальных чиновников [они] называют себя торговцами из внутренних территорий, при допросе о [их] судах – говорят, что [те] сделаны за рубежом. Поскольку нет клейма, вдобавок отсутствует удостоверение, [это] затрудняет контроль, нельзя различить коварство от добродорядочности. Ваш покорный слуга, просит, чтобы с этих пор, китайским торговым судам, имеющим клеймо и удостоверение, разрешалось выходить в море для торговли. Кроме этого, судам, построенным заграницей [нужно] запретить иметь при себе оружие. В случае нарушения суда и оружие будут конфискованы, а торговец будет привлечен к ответственности в соответствии с законом.» [17].

Другой проблемой, сопряженной с отменой запрета, стал дефицит судов для коммуникации внутри страны. Кораблестроение, направленное на нужды государства, не могло всецело удовлетворить потребность в судах для перевозки товаров, поэтому

существовала практика привлекать частные торговые суда. Разрешение торговать за границей привело к существенному оттоку кораблей, ранее задействованных во внутренних государственных перевозках: «Император сказал: все еще не хватает судов для перевозки риса из порта Тяньцзинь, включая новопостроенные суда и торговые суда. Мы должны отправить людей к генералу и губернатору провинции Фуцзянь, чтобы убедить торговые суда приходить для торговли. За использование их для перевозки риса им по-прежнему будет выплачиваться жалованье» [12, цз. 171].

Вместе с этим, развитие контрабандной торговли и увеличение товарооборота с другими странами, способствовало усилению пиратства. От чиновников начали приходить прошения с просьбой возобновить действие морского запрета. Так, в 1714 г. губернатор Фуцзяни Чжан Босин сообщал императору, что в море есть разбойники и следовало бы уделить больше внимания досмотру кораблей [5, с. 66].

В 1716 г. император обратил внимание на проблему и распорядился ввести запрет на выход в Южные моря. В собрании сочинений императора Канси, содержится текст данного указа: «Верфи Сучжоу, ежегодно строят тысячи кораблей, выходя в океан, из десяти кораблей возвращается 5 или 6, прочие продаются за серебро и не возвращаются. Мачты и кили [этих] судов сделаны в Китае. Поскольку такого леса нет заграницей, торговцы продают [их] ради прибыли, а при досмотре [кораблей] лгут, что [части корабля] разбились при шторме. В таких заморских портах, как Лусон и Галоба [Батавия] собираются китайцы, это и есть корень пиратства. Согласно предложению Чжан Босина, рис из Цзянсу и Чжэцзяна следует продавать в морских портах. Торговцы должны везти рис только в количестве, необходимом для пропитания, не более. Разрешить торговать в Восточно-китайском море [и] запретить торговать в Южно-китайском. Кораблям из страны рыжеволосых [Нидерланды], следует приывать [для торговли] самостоятельно» [18, цз. 10].

Данный указ был направлен, в первую очередь, на решение проблемы пиратства. Огромный отток людей из Китая в Юго-Восточную Азию существовал еще при империи Мин, но после её падения он значительно усилился. Цинский двор видел в этих китайцах угрозу и боялся их взаимодействия с Тайванем. В указе от 21 ноября 55-года правления Канси (1716) присутствует запись: «...если тайваньцы и Лусон ведут дела, нам необходимо заблаговременно принять меры...» [18, цз. 10]. Впоследствии, запрет неоднократно подвергался критике со стороны чиновников, однако, с этого момента политика морского запрета прочно закрепилась в курсе цинской империи и действовала вплоть до европейского «открытия» Китая.

Таким образом, политика морских запретов ранней Цин прошла несколько этапов и неоднократно коррелировалась властями. В свою очередь, такая неоднородность сказывалась на внешней торговле. Рассмотрим данные изменения на примере страны, торговля которой была тесно взаимосвязана с Китаем и проходила морским путем - Японии. На момент смены династии в Китае, в Японии правил сёгунат Токугава, проводивший политику самоизоляции. С 1641 г. связи Японии с внешним миром резко сократились. [19, с. 261]. Японские суда утратили возможность выходить в открытое море для торговли, а для иностранцев позволялось торговать лишь в Нагасаки. На протяжении длительного периода между империей Цин и сёгунатом отсутствовали какие-либо официальные связи. Основной формой взаимодействия являлась частная торговля.

Так как японским судам запрещалось выходить в море, рассмотрим динамику внешней торговли на примере китайских судов, приходивших в Нагасаки. Наиболее полные данные об этом содержатся в японском труде «Хуа и бянътай» (華夷變態),

содержащем статистику за 1674–1728 гг. Так, среднее годовое количество китайских судов, прибывших в Нагасаки, в период действия запрета с 1674 по 1684 гг. составило 25 джонок [20, с. 251–252]. На следующий год после снятия запрета количество судов возросло до 85-ти, а рекордное количество было зарегистрировано в 1688 г. – 194 джонки. [20, с. 252] Впоследствии, с 1689 по 1714 г. годовое количество варьировалось от 53 до 104 джонок [20, с. 252–256]. После введения запрета в 1716 г. цифра вновь понизилась и среднее годовое количество за 1716–1728 гг. составило 29 джонок. [20, с. 256–259.]

Из приведенной выше статистики видно, что морской запрет оказывал значительное влияние на китайско-японскую торговлю, но не был способен ее полностью прекратить в период 1674–1684 гг. Запрет же 1716 г., не запрещал торговлю через Восточно-китайское море, по которому, шла практически вся торговля с Японией, но значительно ужесточил над ней контроль, ввиду опасений цинского правительства возникновения волнений на Тайване.

Другим направлением торговли, на которую влиял морской запрет, была торговля с западноевропейскими колонизаторами. Среди них, особое место занимали голландцы, успевшие прочно закрепиться в регионе к моменту воцарения маньчжурской династии, и, постепенно вытеснявшие португальцев.

Установление официальных контактов Голландии и династии Цин, как раз совпадает с введением морского запрета. В 1655 г. из Батавии к цинскому двору было отправлено посольство под предводительством Питера де Гойера и Яакоба де Кейзера. [21, р. 268]. Главной задачей посольства являлась добыча торговых привилегий для Голландской Ост-индской компании. В отличии от португальцев, которые уже прочно закрепились в Китае и имели поддержку среди иезуитов, находившихся при императорском дворе, у голландцев не было существенного подспорья. Ввиду этого, голландцам пришлось добиваться торговли в контексте даннической системы, существовавшей еще при династии Мин. Предложение делегации сводилось к отправке посольства каждые 5 лет, в обмен на разрешение торговать каждый год.

Цинский двор отверг данное предложение. Под предлогом «опасного и далекого пути в знак сочувствия далекому народу» [22, с. 446], император Шуньчжи позволил голландцам отправлять посольства раз в 8 лет и торговать только во время отправки этих посольств, морская торговля же с голландскими кораблями была под строгого запрещена. Здесь наглядно прослеживается связь с политикой запрета, проводимой цинским двором для экономического сдерживания Чжэн Чэн-гуна, так как до 1661 г. голландцы часто вступали в торговые отношения с противниками Цин ради своей выгоды.

Ситуация изменилась после отступления Чэн-гуна на Тайвань и изгнания оттуда голландских колонизаторов. Данное обстоятельство послужило сближению Цинов с Голландской Ост-индской компанией. Намереваясь использовать вражду клана Чжэн и голландцев в свою пользу, император Канси пошел на уступки и на втором году своего правления, разрешив голландским купцам торговать раз в 2 года. [22, с. 448]. Взамен, на следующий год, голландские суда оказали поддержку в боевых действиях против Чжэн Цзина. [22, с. 448].

С отменой запрета в 1684 г. торговая политика Китая по отношению к голландцам вновь претерпела изменения. На 25-ом году правления Канси (1686 г.) голландцам было разрешено торговать в провинциях Гуандун и Фуцзянь. Вдобавок, императором была удовлетворена просьба о снижении промежутка между отправкой даннических посольств с 8 до 5 лет, при которых также происходили торговые операции. [22, с. 449].

Из указа Канси 1716 г., рассматриваемого в статье раннее, можно заметить, что он не затронул торговлю с голландцами: «...кораблям из страны рыжеволосых [Нидерланды], следует прибывать [для торговли] самостоятельно» [18, цз. 10]. Это подтверждают и сведения цинского чиновника Лян Тиннана, который в своем сочинении писал, что «в первые годы правления Юнчжэн торговля шла бесперебойно» [22, с. 449]. Тем не менее, данная привилегия не распространялась на китайские суда, отплывавшие торговать в голландские колонии. Так, по данным немецкого синолога Родриха Птака, за период 1718–1721 гг. в Батавию не прибыло ни одного китайского судна [23].

Заключение. Как итог, мы видим, что политика морского запрета на протяжении всего периода претерпела значительную трансформацию. Проведенное исследование позволяет нам сделать несколько ключевых выводов. Во-первых, морской запрет, не был статичной функцией и мог видоизменяться, в зависимости от потребностей двора. Так, введение запрета в 1650-е гг. прежде всего преследовало военные и политические цели (устранение угрозы со стороны семьи Чжэн), а с момента покорения Тайваня функции запрета стали постепенно меняться в сторону администрирования и экономического регулирования. К началу XVIII века, «цзинъхай» служил, как мера пресечения незаконной миграции китайцев в Юго-Восточную Азию. Во-вторых, политика морского запрета оказала существенное влияние на внешнюю морскую торговлю. Запрет значительно сокращал торговлю через официальные каналы, но не мог полностью её устраниТЬ, ввиду слабого контроля над выходами в море. Неоднократные ослабления запрета, в свою очередь, стимулировали формирование таких проблем как: недостаток кораблей для внутренней логистики, рост пиратства и контрабандной торговли.

Данная статья, не дает исчерпывающие ответы на все вопросы, касающиеся политики морского запрета. Тема все еще остается актуальной и востребованной. Крайне слабо исследованы количественные объемы китайско-европейской торговли в ранние годы династии. Остается малоизученной тема контрабандной торговли во время действия морского запрета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Чао Чжунчэнь, Миндай хайцзинь юй хайваймяои. [晁中辰, «明代海禁与海外贸易», 人民出版社, 2005 年]. Морской запрет династии Мин и внешняя морская торговля. – Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2005. – 293 с.
- Бокщанин А.А. Китай и страны Южных морей в XIV – XVI вв. – М.: Наука, 1968. – 217 с.
- Fairbank John King, The Chinese World Order: Traditional China's Foreign Relations. – Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1968. – 416 p.
- Von Glahn, Richard, Fountain of Fortune: Money and Monetary Policy in China, 1000–1700. – Berkeley: University of California Press, 1996. – 408 p.
- Лю Фэньюнь, Цин Канси чао дэ цзинъхай, кайхай юй цзинъчжи наньян мояи. [刘凤云, 清康熙朝的禁海、开海与禁止南洋贸易//故宫博物院、国家清史编纂委员会编. 故宫博物院八十年华暨国际清史学术研讨会论文集,北京:紫禁城出版社, 2006 年]. Морской запрет, открытие моря и запрет на торговлю в Южных морях в эпоху царствования Канси. Гоцзя цинши бяньцзуань вэйюаньхуэй бянь. Гугун бовуюань бashi хуадань цзи гуоцзи цинши сюэшу янтаохуэй луньвэньцзи. – Пекин: Цзыцзиньчэн чубаньшэ, 2006. – С. 56-70.
- Хэ Юй, Циндай хайцзян чжэнцэ дэ сысян таньюань. [何瑜, 清代海疆政策的思想探源[J], 清史研究, 1998(2):77-89]. Об истоках морской политики династии Цин // Цинши яньцзю. – Выпуск 2. – 1998. – С. 77-89.
- Го Чэнкан Канцянь чжицзи цзинь наньян ань таньси цзяньлуунь дифан лим дуй чжунияцзюэцэ дэ иньсян. [郭成康, 康乾之际禁南洋案探析兼论地方利益对中央决策的影响[J]. 中国社会科学

- , 1997(1):185-197.] Запрет на наньян в период Канцянь и влияние провинциальных интересов на политику центра // Общественные науки Китая. – Выпуск 1. – 1997. – С. 185-197.
8. Ма Чичэн, Минцин шици дэ хайшан, хацзинь юй хайдао. [马驰骋, 明清时期的海商、海禁与海盗, 厦门大学《经济资料译丛》编辑部, 2013 年]. // Морские торговцы периода Мин-Цин, запрет морской торговли и пиратство // Сямэнский университет «сборник переводов». – 2013. – С. 1-4.
9. Шицзу чжанчжуан хуанди шилу (Правдивые записи правления императора Шуньчжи) // Цин шилу. – Том 3. – Книжное издательство Чжунхуа, 1985. – 1107 с.
10. Чжэн Нин, Цяньхай лин юй цин чу хайцзинь чжэнцэ дэ бяньцянь. [郑宁, 迁海令与清初海禁政策的变迁, 《历史与社会》 (文摘) 2023 年第 1 期]. Декрет цяньхай и изменения в политике морского запрета в начале династии Цин // История и общество. – Выпуск 1. – 2023. – С. 39-47.
11. Головачёв В.Ц. 360-летие изгнания голландских колонизаторов с Формозы и образ Чжэн Чэн-Гуна (Косинги) в историографии России, материального Китая и Тайваня // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. – Том 46. – 2024. – С. 129-135.
12. Шэнцзу жэнь хуанди шилу (Правдивые записи правления императора Канси) // Цин шилу. – Тома 4-6. – Книжное издательство Чжунхуа, 1985. – 305 с.
13. Лянь Синъхао, Ши Лан юй цинчу кайхай шэгуань тунян. [连心豪, 施琅与清初开海设关通洋. 中国社会经济史研究, 2000 年第 1 期]. Ши Лан и открытие морей в начале династии Цин. // Исследования по социальной и экономической истории Китая. – Выпуск 1. – 2006. – С. 50-56.
14. Хуанчао цзинши вэньбянь (Собрание сочинений об управлении государством ныне царствующей династии). // URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=180896&remap=gb>
15. Канси цицзючжу (Дневник правления императора Канси), в 3-х томах. Первый исторический архив Китая, 1984 г. – 2528 с.
16. Цин ши гао (Черновик истории династии Цин). // – URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=98755&remap=gb>
17. Мин-Цин шиляо (Исторические материалы династий Мин и Цин). Документ палаты финансов о запрете торговцам перевозить оружие на судах, построенных заграницей, 33-ий год правления Канси. – Том 8. Китайская академия наук, 1951. – 756 с.
18. Шэнцзу жэнь хуанди юйчжи вэньцзи (Собрание сочинений императора Канси). – Том 4. – URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=872350&remap=gb>
19. Гришачёв С.В. Объект и пространство: geopolитические традиции Японии в эпоху Токугава (1600–1867) // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – Выпуск №1. – 2013. – С. 256-267.
20. Сунь Вэнь, Танчуюань фэншо вэньсянь юй лиши «Хуа и бянътай» чутань [孙文, 唐船风说 文献与历史 《华夷变态》初探, 商印書館 2011 年]. Молва о танских судах, вклад в литературу и историю «Хуа и бянътай», предварительное исследование. – Пекин: шан иньшугуань, 2011. – 260 с.
21. Wills, Jr. John E., Cranmer-Byng John L. Ch'ing relations with maritime Europeans. The Cambridge History of China: Volume 9, Part Two: The Ch'ing Dynasty to 1800 ed. by edited by Willard J. Peterson. – Cambridge University Press, 2016. – P. 264-328.
22. Юэ хайгуань (цин), Лян Тиннань чжуань (Записи о таможне Гуандун династии Цин, авт. Лян Тиннань), под ред. Юань Чжунжэня. – Гуандун: Гуандун жэньмин чубаньшэ, 2014. – 600 с.
23. Ptak Roderich, The Chinese, The Portuguese and the Dutch in the tea trade between China and Southeast Asia (1600–1750). Review of culture № 18, eng. edition. 1994. – URL: <https://www.icm.gov.mo/rc/viewer/20018/989>

Поступила в редакцию 29.08.2025 г.

THE POLICY OF THE SEA BAN AND ITS IMPACT ON THE FOREIGN TRADE OF THE EARLY QING Dynasty (MID - XVII-th CENTURY – EARLY XVIII-th CENTURY)

V. V. Razumnyi, V. A. Kovalev

This article examines the haijin - maritime ban policy, a series of imperial decrees that prohibited Chinese people from going to sea and trading with foreigners. The article outlines the main stages of the maritime ban policy's development during its early period and explores its impact on the empire's maritime trade in the southeast.

Key words: Qing dynasty, sea ban policy, Zheng family, foreign trade.

Разумный Виталий Витальевич

Кандидат исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет» г. Донецк, РФ.
E-mail: razumnyi.vitalii@yandex.ru

Ковалёв Владислав Артёмович

Магистрант кафедры всемирной истории
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет», г. Донецк, РФ.
E-mail: nakovalyov@mail.ru

Razumnyi Vitalii Vitalievich

Candidate of History, Docent,
FSBEI HE «Donetsk State University»,
Donetsk, RF.
E-mail: razumnyi.vitalii@yandex.ru

Kovalyov Vladislav Artyomovich

Master's student at the Chair of World History,
FSBEI HE «Donetsk State University»,
Donetsk, RF.
E-mail: nakovalyov@mail.ru

ЛОЯЛИСТСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ И ИХ РОЛЬ В ЭСКАЛАЦИИ КОНФЛИКТА

© 2025 *В. И. Скопылатова*
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

Статья посвящена анализу деятельности лоялистских военизированных организаций в Северной Ирландии и их роли в эскалации конфликта путем насилиственных, зачастую террористических действий, а также саботирования любых шагов к компромиссу со стороны британских властей, который мог привести к мирному урегулированию конфликта.

Ключевые слова: Лоялисты, конфликт в Северной Ирландии, оранжисты, Ольстерские добровольческие силы, Ассоциация обороны Ольстера, Королевская полиция Ольстера.

Актуальность темы исследования обусловлена в первую очередь комплексностью и значимостью данной проблематики в контексте изучения межобщинных конфликтов и сложностью их мирного урегулирования в условиях спорадически вспыхивающего насилия. Северная Ирландия один из примеров длительного этнополитического конфликта между лоялистами и республиканцами. Анализ роли лоялистских организаций призван понять механизмы развития конфликта и его устойчивости. Исследование деятельности лоялистских организаций позволяет выявить каким образом они оказывали влияние на эскалацию конфликта в Ольстере, что крайне необходимо для разработки стратегий мирного урегулирования в будущем, для подобного рода противостояний.

Цель статьи – провести комплексный анализ роли лоялистских организаций Северной Ирландии (таких как Ассоциация обороны Ольстера, Ассоциация обороны Ольстера-Южной Армии и др.) в динамике и эскалации конфликта («Смуты») во второй половине XX века. На основе анализа их идеологии, социальной базы, стратегий (включая политическое давление, забастовки, военизированные и террористические акции) и взаимодействия с государственными структурами Великобритании необходимо проанализировать, как эти организации не просто реагировали на республиканскую угрозу, но и сами выступали в качестве активного фактора радикализации, способствуя углублению раскола в обществе.

Историография конфликта весьма обширна, но анализируя роль лоялистских парамилитаристских организаций авторы не склонны приравнивать их роль в эскалации противостояния к роли республиканских организаций, считая их более лояльными, но тем не менее в труде Брюса С. «Красная рука: протестантские военизированные формирования в Северной Ирландии» [1], автор приходит к выводу о том, что с самого начала Смуты в Северной Ирландии протестанты из рабочего класса прибегали к насилию и террору наравне со своими католическими оппонентами. Тем не менее, несмотря на то что на их счету половина жертв среди гражданского населения в ходе конфликта и то, что они саботировали многочисленные политические инициативы, такие лоялистские военизированные организации, как Ассоциация обороны Ольстера, Ольстерские добровольческие силы и «Коммандос Красной Руки», мало изучены учеными. Это первое комплексное исследование лоялистского терроризма, основанное на подробных интервью. Изучая историю и цели различных группировок, профессор Брюс рассматривает заявления о говоре сил безопасности с

лоялистами и использовании террора для противостояния республиканским группировкам.

В работе Кьюсака Дж. и Макдоальда Х. «Ольстерские добровольческие силы» [3] авторы предоставляют историческую ретроспективу появления становления и развития Добровольческих сил Ольстера, как важного актора в конфликте в Северной Ирландии. Добровольческие силы Ольстера появились в середине 1960-х годов, когда в Северной Ирландии только начали разгораться беспорядки. Их насилиственная кампания быстро сделала их одной из самых радикальных лоялистских группировок. Авторы прослеживают карьеру некоторых ключевых членов организации, в том числе Гости Спенса, Билли Райта и Дэвида Эрвайна. Они перечисляют зверства, в которых участвовали члены Ольстерских добровольческих сил, в том числе взрывы в Дублине и Монагане, появление печально известных «мясников Шанкилла» и различные кровавые междуусобицы, охватившие лоялистов. В книге Кьюсак Дж. и Макдоальд Х. прослеживают путь военизированной организации от жестоких крайностей 1970-х и 1980-х гг. до шаткого перемирия 1994 г. и ее решающей роли в мирном процессе, который привел к подписанию Белфастского соглашения в 1998 г.

В работе «По ту сторону сектантского раскола: социальные основы и политические последствия конкуренции националистических и юнионистских партий в Северной Ирландии» [5], авторы Эванс Г. и Даффи М. приходят к выводу, что партийную систему Северной Ирландии можно условно разделить на две системы, в которых партийная конкуренция происходит внутри националистического и юнионистского блоков. Социальные и идеологические разногласия внутри этих блоков ограничивают избирательные стратегии партий и тем самым способствуют или препятствуют межобщинным компромиссам. Вопреки ожиданиям, связанным с последствиями межобщинных контактов, оказалось, что интеграция по месту жительства не связана с партийной принадлежностью, хотя, в соответствии с теорией политической социализации, молодые люди по обе стороны баррикад чаще, чем их старшие товарищи, поддерживают недавно появившиеся партии. Однако наиболее важным является то, что внутри юнионистского и националистического блоков наблюдаются заметные асимметрии. Среди протестантов идеология оказывает гораздо более сильное влияние на партийную принадлежность, чем конституционная позиция, а социальный класс влияет гораздо сильнее, чем конфессия. Большинство протестантов, независимо от их партийной принадлежности, также решительно выступают за сохранение союза с Великобританией. В отличие от них, националисты поддерживают партии в зависимости от их отношения к союзу. Между ними нет идеологического раскола по вопросу экономического неравенства, и большинство католиков занимают умеренную позицию в отношении национализма. Таким образом, становится ясным, что в рамках юнионистского блока модель внутриобщинной партийной конкуренции препятствует достижению конституционного компромисса для урегулирования конфликта, в то время как среди националистов одномерная структура конкуренции за электоральную поддержку и распределение позиций по конституционному вопросу, вероятно, повлияли на принятие «Шинн Файн» компромиссных стратегий.

Майкл Фаррелл в своей работе «Северная Ирландия: оранжевое государство» [6] описывает кровавые погромы, с помощью которых лидеры юнионистов, вооруженные и финансируемые Великобританией, создали свое государство. Автор приходит к выводам о том, что любые попытки католиков добиться своих требований в парламенте или за его пределами фактически обречены на провал, он уверен, что как каждое

десятилетие католиков вынуждали прибегать к вооруженному восстанию. Фаррелл утверждает, что этот кризис можно было разрешить только путем вывода британских войск и прекращения раздела страны.

В статье «Культурное насилие» Дж. Галтунга [8] вводится понятие «культурное насилие», которое определяется как любой аспект культуры, который может быть использован для легитимации насилия в его прямой или структурной форме. Символическое насилие, встроенное в культуру, не убивает и не калечит физически, оно допускает сам факт физического насилия, легитимизирует межобщинную ненависть и забирает у государства монополию на насилие.

Авторы Мур Р. и Сандерс А. в работе «Культурные формации: национализм и конспирологическая идеология в лоялизме Ольстера» [15] подчеркивают противостояние двух культур, двух религий и двух национальных идентичностей — британской и ирландской. По мнению авторов, ситуация более сложная и требует «признания» других национальных идентичностей. Они утверждают, что разделение Дж. Тоддом юнионистов Ольстера на британских и лоялистских отражает существование специфических форм национализма среди протестантов Северной Ирландии. В протестантской традиции существует по меньшей мере два национализма с разными идентичностями и представлениями о нации и государстве. Эти два направления национализма выявляют определенные разногласия, которые социальные науки не учитывают в рамках всеобъемлющей категории национализма. Они также иллюстрируют некоторые проблемы, которые национализм создает для современного государства с точки зрения идеологии, равенства прав и доступа к ресурсам, а также стабильности государства перед лицом различных идентичностей.

В статье Смита Дж. ««Были ли когда-нибудь надежные друзья?»: консервативная партия и ольстерский юнионизм в двадцатом веке» [17] представлен анализ взаимоотношений между Консервативной и Ольстерской юнионистскими партиями в XX в., при этом особое внимание уделяется периоду с 1945 по 1964 гг. В статье исследуется меняющийся характер их связей как с точки зрения практической политической помощи (финансы, консультации, обучение, организационные улучшения), так и с точки зрения их сохраняющейся идеологической совместимости. В статье показано, что эти отношения постепенно и порой резко ухудшились. В основе этого упадка лежало взаимное непонимание и подозрительность, порожденные постоянно расширяющимся набором общих убеждений и приоритетов, а также растущей межпартийной напряженностью. Подобные настроения имели определенное значение в годы, предшествовавшие Смуте, и способствовали формированию у юнионистов чувства пренебрежения и глубокой тревоги, что значительно ускорило процесс раскола юнионистского движения и появления более радикальных «правых» юнионистов.

В труде Смити Л. «Профсоюзные активисты, лоялисты и трансформация конфликта в Северной Ирландии» [18] автор предлагает основные модели того, как конфликты на этнической и общинной почве могут перейти от насильтвенной конфронтации к мирному сосуществованию. Смити Л. уделяет особое внимание протестантским юнионистам и лоялистам в Северной Ирландии, которые в разной степени привержены протестантской вере, короне и ольстерской или британской идентичности. Автор приходит к выводу, что тесная взаимосвязь между коллективной идентичностью и коллективными действиями является важнейшим элементом трансформации конфликта. Смити Л. внимательно изучает попытки представителей враждующих общин и организаций разработать более конструктивные средства

выражения коллективной идентичности и реализации политических программ, которые могут помочь улучшить отношения в обществе. Ключевые лидеры и активисты начали переосмысливать общие представления об идентичности, делая возможной общественную поддержку переговоров, демилитаризации и политического сотрудничества, а также уменьшая поляризацию между группами. Такого рода сдвиг в стратегии и коллективном видении является основой трансформации конфликта.

В отличие от ирландского республиканизма, ольстерский лоялизм не представляет собой всеобъемлющий политический манифест или методологию, выходящую за рамки преданного и зачастую бескомпромиссного юнионизма. Его можно лучше понять как продвижение особой региональной протестантской националистической идентичности и ее защиту от предполагаемых угроз интересам сообщества [2]. В то время как англиканский протестантский юнионизм в Ирландии часто был признаком богатства и высокого статуса, лоялисты опирались на поддержку потомков шотландских пресвитерианцев и нонконформистов, которые были сосредоточены в бедных рабочих районах Северной Ирландии [15]. Лоялисты подчеркивают свою тесную историческую и культурную связь с западным побережьем Шотландии, чтобы подчеркнуть свою региональную обособленность от остальной Ирландии как отдельной северной ольстерской культуры, которая сочетается с сектантским религиозным акцентом на непоколебимой протестантской идентичности и наследии в противовес остальной католической Ирландии. Лоялисты часто повторяют: «За Бога и Ольстер» [15].

Поскольку протестанты Ольстера составляют меньшинство в Ирландии, хотя и являются большинством в Северной Ирландии, можно утверждать, что лоялисты руководствуются «менталитетом осады» в отношении своего географически изолированного, беззащитного и уязвимого положения [2]. Этот менталитет осажденной крепости, в свою очередь, подпитывает сильную приверженность лоялистов идею защиты своей культуры, которая часто проявляется в публичной демонстрации лоялистских флагов, символов и атрибутов, таких как военные, военизированные или роялистские регалии, а также в парадах, кострах и братских организациях, которые считаются важными факторами идентичности лоялистских сообществ [2].

Пожалуй, самым заметным и ярким аспектом культурной символики лоялистов является Оранжевый орден, названный в честь Вильгельма Оранского, которого лоялисты с любовью называли «королем Билли» в честь победы протестантов над католиками во главе с королем Яковом. Оранжевый орден был основан в 1795 г., а в 1880-х годах его популярность резко возросла. И хотя в него вступают и представители более широкого сообщества юнионистов, он является особенно важной частью идентичности лоялистов. Орден наиболее известен своими ежегодными парадами, которые проходят 12 июля в честь победы короля Вильгельма в битве на реке Бойн в 1690 г. Накануне этих парадов в лоялистских общинах зажигают огромные костры, в которых могут гореть символы ирландского национализма, такие как ирландский триколор. Католики, в свою очередь, считают эти мероприятия признаком триумфализма и враждебности, особенно когда марши проходят через католические националистические общины, что часто приводит к вспышкам насилия и беспорядков [2]. Действительно, чтобы подчеркнуть роль протестантского этнонационализма в формировании идентичности лоялистов, «Оранжевый орден» не принимает в свои ряды тех, кто не является протестантом и даже протестанты, состоящие в браке с католиками не могут быть приняты в ряды Ордена.

Любые попытки ограничить эти демонстрации, и даже парады в районах, где проживают католики, часто вызывают бурную негативную реакцию. Это связано с убеждением, что игра идет по принципу «или-или»: любые уступки интересам католиков ослабят и без того шаткое положение юнионистов в Ирландии, что, в свою очередь, пойдет на пользу ирландскому республиканизму за их счет. При этом существует особый страх перед вооруженным насилием со стороны республиканцев и возможностью того, что католики поддержат его. Эта бескомпромиссная позиция привела к появлению популярного лозунга лоялистов «Не сдаваться!». Действительно, лоялисты считают, что даже британскому правительству нельзя доверять в вопросах защиты их интересов. Начиная с движения за гомруль, лоялисты часто вступали в конфликт с британскими правительствами, которые, по их мнению, потакали ирландским националистам. Это привело к заявлениям о том, что лоялисты в первую очередь верны британской короне как символическому представителю британского государства, а не избранному британскому правительству.

Юнионисты, будучи преданными сторонниками британского государства, всегда активно участвовали в британской парламентской политике, даже если они выступали против британских правительств того времени [17]. Более того, лоялисты яростно выступали против попыток предоставить Ирландской Республике какой-либо доступ к решению вопроса конфликта в Северной Ирландии. Кроме того, юнионисты иногда выступали против попыток передать политические полномочия североирландскому государству, видя в этом ослабление политических связей между Северной Ирландией и Объединенным Королевством. После раздела Ольстерская юнионистская партия (UUP) исторически была доминирующей юнионистской политической партией, побеждавшей на всех выборах в Северной Ирландии с 1921 г. до начала беспорядков в 1969 г., и после этого продолжала получать большинство голосов в парламенте. Партия придерживается в целом консервативной правоцентристской идеологии и до 1972 г. участвовала в выборах в Вестминстере в составе Консервативной партии Великобритании. Стабильный успех партии объясняется активными попытками юнионистов сохранить единый избирательный фронт, а не разделять голоса юнионистов, что позволило бы им постоянно доминировать над националистическими партиями на выборах.

Соответственно, UUP исторически представляла собой широкую и неоднородную коалицию, в которую входили как умеренные юнионисты, так и убежденные лоялисты. Появление католического движения за гражданские права в 1960-х гг. привело к глубокому расколу в партии под руководством умеренного юниониста Терренса О'Нила, который стремился пойти на уступки движению за гражданские права. Этому яростно сопротивлялись сторонники жесткой линии в рядах юнионистов, которые в конечном счете взяли партию под свой контроль в 1970 г., после того как О'Нил подал в отставку на фоне эскалации конфликта. Партия продолжала страдать от глубоких разногласий между умеренными и сторонниками жесткой линии на протяжении всего периода Смуты, что демонстрировало разнообразие мнений среди юнионистов и трудности в поддержании единого фронта [17].

Однако в начале Смуты впервые произошел значительный раскол в рядах юнионистов, которые поддержали другие партии во главе с непреклонным лоялистом преподобным Иэном Пейсли, ставшим лицом бескомпромиссного ольстерского лоялизма [5]. Возглавив лоялистскую оппозицию католической кампании за гражданские права со своей протестантской юнионистской партией (PUP), он получил место Терренса О'Нила в 1970 г. и реформировал PUP в 1971 г. в Демократическую

юнионистскую партию (DUP), которая на время Смуты выступала в качестве главного политического лица бескомпромиссного лоялизма и лишила UUP значительной поддержки протестантского рабочего класса Ольстера. С другой стороны, Партия альянса Северной Ирландии (APNI) была сформирована в 1970 г. для представления умеренных несектантских организаций [17].

При изучении юнионизма невозможно игнорировать роль Великобритании в Северной Ирландии и привязанность юнионистов к Великобритании, которая лежит в основе юнионистской политики. До начала Смуты юнионисты доминировали в Северной Ирландии, в том числе в парламенте, судебной системе и полиции, осуществляя мажоритарное правление. Это оказало особенно сильное влияние на безопасность в регионе и работу полиции в Северной Ирландии. Королевская полиция Ольстера (КПО) как полицейское подразделение Северной Ирландии, по мнению националистов, была лояльной по отношению к протестантам, если не откровенно пролоялистской, поскольку более 80 % ее сотрудников были протестантами. В их число входили лоялисты из Ордена оранжистов и даже члены лоялистских военизированных формирований. Ополчение КПО, известное как «B-Specials», было особенно печально известно жестоким преследованием националистических общин. Это означало, что Королевская полиция Ольстера по своей сути не могла выступать в качестве нейтральной миротворческой силы до начала Смуты. Вместо этого она демонстрировала склонность к жестокому разгону мирных демонстраций в защиту гражданских прав или же позволяла контрдемонстрантам-лоялистам нападать на них. Это стало одной из основных причин эскалации насилия и межобщинной напряжённости, которые привели к Смуте. Подразделение B-Specials было расформировано в 1970 г. и заменено «Полком обороны Ольстера» – подразделением британской армии, которое набиралось только в Северной Ирландии и выполняло военизированные функции Королевской полиции Ольстера, но не участвовало в операциях по сдерживанию массовых беспорядков. Целью было создание межобщинных сил безопасности. На самом деле доля католиков среди новобранцев в 1970 г. составляла 18 %, но к 1972 г. она сократилась до 3 %, что привело к появлению ещё одной службы безопасности, в которой доминировали протестанты.

Для избранных британских правительств Северная Ирландия часто становилась камнем преткновения. С одной стороны, государство чувствовало себя идеологически обязанным поддерживать британский юнионизм, но в то же время стремилось сохранить стабильность, в том числе идя на уступки ирландскому национализму. Лоялисты, убеждённые в том, что британское государство не понимает их и не заботится об их интересах, часто пытались заставить британские правительства принять активное участие в поддержке юнионизма в Северной Ирландии [15]. Агрессивная реакция лоялистов на попытки британского правительства ввести самоуправление или попытки вести диалог с католической общиной и тем более Ирландской Республикой, незамедлительно вызывали угрозу эскалации конфликта. Для британского правительства протестантское юнионистское движение, до начала Смуты было временем долгожданной стабильности, когда не нужно было учитывать позицию католических националистов. Однако рост насилия, предшествовавший Смуте, свидетельствовал о шокирующем и нежелательном развитии событий, а бескомпромиссные тенденции лоялистов стали серьезным препятствием к урегулированию ситуации в регионе. На протяжении всего периода Смуты лоялисты пытались активно препятствовать попыткам Великобритании договориться о разделении власти при значительном участии националистов и Республики Ирландия в

качестве решения проблемы. Эти уступки были восприняты лоялистами категорически негативно и существенно обострили ситуацию в Ольстере [15]. В 1969 г. в докладе Ханта, подготовленном британским правительством с целью реформирования Королевской полиции Ольстера, в которой доминировали протестанты, предлагалось создание менее ангажированного подразделения, и он вызвал ответные беспорядки среди лоялистов.

Такая партийная направленность полиции Северной Ирландии в конечном счёте привела к тому, что британская армия была вынуждена взять на себя роль полиции и миротворцев, не связанных с какой-либо из сторон. Тем не менее, опыт армии заключался в ведении кровопролитных контртеррористических войн за деколонизацию за рубежом или в подготовке к ведению агрессивной и высокоинтенсивной войны, что делало армию непригодной для патрулирования улиц Северной Ирландии. Как только они начали подвергаться нападениям со стороны республиканских военизованных формирований, вскоре они переключились на отношение к католическим националистам как к враждебному населению, а на борьбу с PIRA (Временной Ирландской Республиканской Армией) как основное направление своей деятельности, что в конечном итоге привело к тому, что их стали рассматривать как еще одну активную юнионистскую силу безопасности, переходящую на сторону оппозиции. Лоялисты, изначально не впечатленные миротворческой направленностью армии и враждебно относящиеся к полицейским действиям армии в лоялистских сообществах, приветствовали и даже активно поощряли переход британской армии к более агрессивным действиям, направленным против ирландского националистического сообщества.

Лоялистский военизованный активизм зародился в 1912 г., когда были сформированы Ольстерские добровольцы для противодействия гомрулю. Во время Войны за независимость, после того как Ольстерские добровольцы вернулись со службы в британской армии, они стали участвовать в межконфессиональном насилии, охватившем Северную Ирландию, демонстрируя готовность к насильтственному противодействию предполагаемым политическим уступкам и участию в межконфессиональных убийствах. Лоялистский военизованный активизм вновь проявился в 1966 г. на фоне растущей напряжённости в связи с движением за гражданские права. Он привлекал лоялистов, которые часто были недовольны политикой большинства юнионистов. Двумя основными группировками лоялистов были Ольстерские добровольческие силы (ОДС), которые утверждали, что являются потомками первых Ольстерских добровольцев, насчитывавших около 7 500 членов на протяжении всего периода Смуты, и Ассоциация защиты Ольстера (АЗО), созданная в 1971 г. как зонтичная организация для нескольких вооружённых группировок. В 1972 г. она насчитывала десятки тысяч членов. Кроме того, существовало несколько более мелких группировок и отковавшихся фракций, которые часто возникали для эскалации вооруженного насилия в периоды прекращения огня или предполагаемых уступок.

На долю лоялистских военизованных формирований пришлось около 28 % всех смертей в период Смуты, в результате чего погибло около 1 000 человек. Однако отличительной чертой насилия со стороны лоялистских военизованных формирований была очень высокая доля жертв среди гражданского населения: более 80 % жертв лоялистов составили 48 % от общего числа смертей среди гражданского населения в период Смуты. Это было связано с тем, что военизованные формирования лоялистов считали законной стратегией открытые убийства на религиозной почве и массовые расправы над мирными католиками в отместку за

действия ИРА, а католических националистов в целом считали потенциальными сочувствующими, сторонниками или новобранцами ИРА [15]. Особую неприязнь у лоялистов вызывало убийство республиканскими военизированными формированиями сотрудников службы безопасности, находившихся в увольнении или вышедших на пенсию. Они считали эти убийства экстремистскими и оправдывали радикальное возмездие лоялистов против гражданских лиц. Была надежда, что эта стратегия открытого террора против католиков лишит ИРА поддержки католического населения и убедит их сложить оружие.

Стратегия лоялистов в конечном итоге включала взрывы, убийства на религиозной почве и массовые убийства, похищения людей и покушения на политиков и республиканские военизированные формирования, а также жестокие внутренние распри. Как и другие республиканские военизированные формирования, вооруженные группировки лоялистов также занимались преступной деятельностью, включая ограбления и торговлю наркотиками с целью сбора средств, а также трансграничную контрабанду оружия. Используя псевдонимы, чтобы взять на себя ответственность за насильственные действия, такие как «Борцы за свободу Ольстера» из Ассоциации обороны Ольстера, лоялистские военизированные формирования также могли публично выступать под своими законными именами. Что еще более противоречиво, некоторые лоялистские члены военизированных формирований сами были активными членами Королевской полиции Ольстера и Полка обороны Ольстера, и к 1980-м гг. даже появились обвинения в активном сговоре с британскими силами безопасности и разведки с целью преследования подозреваемых членов Временной Ирландской республиканской армии.

Юнионизм имеет долгую историю в Ирландии, которая с XVI в. неразрывно связана с протестантизмом как символом верности короне и британскому государству. В то же время миграция английских и шотландских протестантов в Ирландию на протяжении двух столетий оставила после себя наследие в виде конкурирующих источников протестантской юнионистской идентичности меньшинства в Ирландии, особенно на севере. Это, в свою очередь, напрямую повлияло на статус Северной Ирландии как части Соединенного Королевства в преддверии Смуты. Кроме того, разделение протестантизма на англиканство и нонконформизм привело к тому, что первое получило политическое и экономическое влияние, в то время как второе стало конкурирующим источником протестантской идентичности для рабочего класса. Развитие ирландского национализма привело к формированию лоялизма как этнонациональной реакции протестантов Ольстера из рабочего класса на угрозу правления католического большинства в Ирландии. Менталитет лоялистов, основанный на ощущении осады, привел к появлению бескомпромиссного юнионизма, который напрямую подпитывал и усиливал радикальный характер политики и правоохранительной деятельности в Северной Ирландии, что привело к непростым, а порой и противоречивым отношениям с британским государством. Наконец, лоялистские настроения напрямую подпитывали экстремистский характер лоялистских военизированных формирований, которые в значительной степени способствовали насилию в период Смуты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bruce S. The red hand: Protestant paramilitaries in Northern Ireland. – Oxford: Oxford University Press, 1992. – 311 p.
2. Cairns D. The Object of Sectarianism: The Material Reality of Sectarianism in Ulster Loyalism // The Journal of the Royal Anthropological Institute. – Vol. 6, No 3. – 2000. – P. 437-452.

3. Cusack J., McDonald H. UVF. – Dublin: Poolbeg Press, 1997. – 346 p.
4. Dochartaigh N. From Civil Rights to Armalites : Derry and the Birth of the Irish Troubles. – Cork University Press, 1997. – 332 p.
5. Evans G., Duffy M. Beyond the Sectarian Divide: The Social Bases and Political Consequences of Nationalist and Unionist Party Competition in Northern Ireland. // British Journal of Political Science. – Vol. 27, No 1. – 1997. – P. 47-81.
6. Farrell M. Northern Ireland: The orange state. – London: Pluto, 1976. – 408 p.
7. Ferguson N., McAuley J. W. An interview with Billy Hutchinson // Terrorism and Political Violence. – Vol. 28. – 2016. – P. 636-652.
8. Galtung J. Cultural violence // Journal of Peace Research. – Vol 27. – 1990. – P. 291-305.
9. Hennessey T. The Northern Ireland peace process: Ending the troubles? – Dublin: Gill and Macmillan, 2000. – 272 p.
10. MacGinty R., Muldoon O., Ferguson N. No war, no peace: Northern Ireland after the Agreement // Political Psychology. – Vol. 28. – 2007. – P. 1-12.
11. McAuley J. W. Ulster's last stand? (Re) constructing Ulster Unionism after the peace process. – Dublin: Irish Academic Press, 2010. – 256 p.
12. McAuley J. W., Ferguson N. «Us» and «Them»: Ulster loyalist perspectives on the IRA and Irish Republicanism // Terrorism and Political Violence. – Vol 28. – 2016. – P. 561-575.
13. McAuley J. W., Tonge J., Mycock A. Loyal to the core? Orangeism and Britishness in Northern Ireland. – Dublin: Irish Academic Press, 2011. – 224 p.
14. McDonald H., Cusack J. The UDA: Inside the Heart of Loyalist Terror. – Dublin: Penguin Ireland, 2004. 544 p.
15. Moore R., Sanders A. Formations of Culture: Nationalism and Conspiracy Ideology in Ulster Loyalism // Anthropology Today. – Vol 18, No 6. – 2002. – P. 9-15.
16. O'Leary B., McGarry J. The politics of antagonism: Understanding Northern Ireland. – London: Athlone Press, 1993. – 402 p.
17. Smith J. «Ever Reliable Friends»?: The Conservative Party and Ulster Unionism in the Twentieth Century // The English Historical Review. – Vol. 121, No 490. – 2006. – P. 70-103.
18. Smithey L. A. Unionists, loyalists, and conflict transformation in Northern Ireland. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – 264 p.
19. Tonge J., Northern Ireland: conflict and change. – Cambridge: Pearson, 2002. – 262 p.
20. Wolff S. Ethnic conflict: A global perspective. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – 236 p.

Поступила в редакцию 10.10. 2025 г.

LOYALIST ORGANIZATIONS IN NORTHERN IRELAND AND THEIR ROLE IN THE ESCALATION OF THE CONFLICT

V.I. Skopylatova

The article analyzes the activities of loyalist paramilitary organizations in Northern Ireland and their role in escalating the conflict, through violent, often terrorist actions, as well as sabotaging any steps towards compromise on the part of the British authorities, which could lead to a peaceful settlement of the conflict.

Key words: Loyalists, conflict in Northern Ireland, Orangemen, Ulster Volunteer Forces, Ulster Defence Association, Royal Ulster Constabulary.

Скопылатова Виктория Игоревна

Старший преподаватель кафедры всемирной истории
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
г. Донецк, ДНР, РФ.
E-mail: v.skopylatova@mail.ru

Skopylatova Victoria Igorevna

Senior Lecturer of the Chair of World History,
FSBEI HE «Donetsk State University»,
Donetsk, DPR, RF.
E-mail: v.skopylatova@mail.ru

ФИЛОСОФИЯ

УДК 101.1+165.242.2

DOI: 10.5281/zenodo.18337442

EDN: LZKLVC

АЛГОРИТМЫ КАК АРХОНТЫ МЕТАВЕРСА: ОНТОТЕХНИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ И ГРАНИЦЫ СУБЪЕКТНОСТИ

© 2025 *О. И. Елхова*

ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»

В статье рассматриваются алгоритмы как ключевые акторы онтотехнической власти в условиях формирования метавселенной. Автор опирается на концепт архонта, введенный в научный дискурс Ж. Деррида, и предлагает свою интерпретацию алгоритмических структур как современных хранителей и регуляторов цифровой памяти в метаверсе. Алгоритмы выполняют не только функцию отбора и хранения данных, но и формируют онтологические рамки бытия, устанавливая, что подлежит фиксации, интерпретации и презентации. Внимание автора сосредоточено на властной природе алгоритмов, которые регулируют доступ к знаниям, управляют вниманием и определяют статус субъектов в цифровом пространстве. В условиях метавселенной память утрачивает статус пассивного хранилища и превращается в продуктивный механизм моделирования реальности. Алгоритмическое управление информацией оказывает прямое влияние на трансформацию субъектности: субъект больше не определяется только через когнитивную или телесную автономию, но существует постольку, поскольку включён в цифровой архив. В статье подчёркивается необходимость критического подхода к цифровым технологиям хранения информации и выработки подлинного отношения к технике, которое обеспечит сохранение целостности человеческого существования в условиях цифровой тотальности.

Ключевые слова: алгоритмы, метавселенная (метаверс), архонты, онтотехническая власть, цифровая память, субъектность.

Введение. Развитие цифровых технологий и распространение виртуальных сред обусловили необходимость философского осмысления новых форм бытия, возникающих на пересечении человека и техники. Современная философия всё более активно обращается к исследованию цифровых трансформаций, затрагивающих фундаментальные категории бытия, субъектности и памяти. В условиях формирования метавселенной одной из центральных проблем, поднимаемых в философии техники и цифровых медиа, становится вопрос о роли памяти в цифровом пространстве. Если ранее память понималась как способ хранения и воспроизведения опыта, то в условиях алгоритмически организованной среды она приобретает продуктивную функцию: становится механизмом отбора, селекции и структурирования доступного знания. Цифровая память, управляемая алгоритмами, определяет, что подлежит сохранению, какое значение придаётся событиям, какие элементы прошлого получают культурную актуализацию. В этом контексте особую значимость приобретает понятие «архонта», введённое в научный дискурс Ж. Деррида. Архив, согласно его интерпретации, представляет собой не нейтральное хранилище, а форму власти, задающую рамки допустимого, значимого и подлежащего интерпретации. Архонт как фигура, наделенная властью определять, что заслуживает памяти и каким образом оно должно быть сохранено, получает в цифровой эпохе техническое воплощение. Алгоритмы, выступающие в роли регуляторов информационных потоков, наследуют функции архонтов, устанавливая иерархии значимости и управляя условиями цифрового

воспроизведения событий, фактов и нарративов. Актуальность заявленной проблематики возрастаёт на фоне стремительного развития метавселенной как онтологически оформленного пространства, в котором размываются границы между реальным и виртуальным, а субъектность подвергается воздействию алгоритмических структур. Технологии уже не ограничиваются ролью инструмента: они становятся структурным основанием цифрового бытия. При этом функции алгоритмов выходят за пределы технической обработки информации и приобретают онтологическое измерение. Они участвуют в формировании условий присутствия субъекта, управляют режимами видимости и фиксации, определяют структуру цифровой памяти и модели коллективной идентичности. В философских публикациях последних лет усиливается интерес к онтологическим и социальным аспектам алгоритмических технологий. Исследователи анализируют, как алгоритмы структурируют социально-политическую реальность [1]. Рассматриваются «алгоритмические воображаемые» и новые формы взаимодействия человека с цифровыми системами, которые определяют рамки самовосприятия и общественных отношений [2]. Кроме того, рассматривается роль алгоритмов как посредников в коллективной памяти и культурном производстве [3]. Однако при всей насыщенности теоретических исследований остаются недостаточно проработанными вопросы о статусе алгоритмов как акторов онтотехнической власти и о характере их влияния на границы существования субъекта в цифровой среде. Осмысление алгоритма как архонта открывает возможность критического пересмотра традиционных представлений о памяти, идентичности и власти в условиях метаверса. Цель настоящего исследования заключается в философском анализе алгоритмов как современных архонтов метавселенной, в выявлении их онтотехнической власти и в определении влияния алгоритмических структур на формирование и границы субъектности в метаверсе. Задачи статьи включают описание властных функций алгоритмов, исследование трансформации субъектности под воздействием алгоритмического контроля, а также уточнение границ и условий существования в онтологии метавселенной.

Основная часть. Понятие «метавселенная» сравнительно недавно вошло в научный дискурс и приобрело актуальность в связи с интенсивным развитием цифровых технологий и виртуальной реальности. Сегодня метаверс рассматривается как пространственно-временной континуум, создающий новые условия для человеческого существования и деятельности. По мере приближения к практической реализации его философское осмысление становится все более значимым. Анализ метаверса открывает новые горизонты для понимания механизмов сохранения, актуализации и трансляции коллективного опыта в цифровой среде. До начала 2020-х годов концепция метавселенной имела преимущественно футурологический характер и воспринималась как область научной фантастики без чёткой теоретической основы. Однако в последние годы она вышла за пределы воображаемого и превратилась в реальную траекторию развития цифровых технологий [4]. Метавселенная стала рассматриваться как «трёхмерный интернет» – интегрированное пространство, объединяющее физическое и виртуальное измерения. Данная идея постепенно оформилась в качестве стратегического направления технологического и культурного развития. Сегодня ведущие технологические проекты связаны с созданием инфраструктуры метавселенной: разработкой устройств дополненной и виртуальной реальности, формированием сетевых платформ и новых форм цифрового взаимодействия. Метаверс всё чаще позиционируется как новая форма цифровой культуры, требующая философского осмыслиения в категориях онтологии,

субъектности и памяти. Память традиционно рассматривалась как хранилище знаний и воспоминаний о прошлом. Однако развитие информационных технологий придало ей иное, онтологическое измерение. В цифровом пространстве память становится частью самого бытия, утрачивает прежнюю устойчивость и материальную укоренённость. Она приобретает характеристики техногенной сконструированности, сетевой подвижности и алгоритмически опосредованной медиативности. В этом контексте особого внимания заслуживает работа Б. Стиглера «Время чтения и новые инструменты памяти», в которой он исследует влияние технологий на формы хранения и передачи знания [5]. Учёный подчёркивает, что новые инструменты памяти не просто фиксируют прошлое, но и активно формируют структуру коллективного сознания, изменения восприятие времени и опыта.

Онтотехническая власть архонтов. В цифровой среде память утрачивает статус пассивного хранилища и приобретает продуктивную функцию, становясь активным элементом в процессе конструирования реальности. Такой сдвиг отражает фундаментальное изменение в её онтологическом положении: память более не служит фоном для воспоминания, а становится одним из главных акторов в цифровом бытии. Так, Ж. Деррида в работе «Archive Fever: A Freudian Impression» (Архивная лихорадка: фрейдистское впечатление) подчёркивает, что структура технического архивирования влияет на характер хранимого содержания и даже определяет его возникновение [6, с. 9]. Архив, по представлению Ж. Деррида, не только фиксирует событие, но и участвует в его порождении. Философ подчёркивает властную природу архивирования: тот, кто обладает контролем над архивом, управляет и производством смыслов. В этом контексте Жак Деррида вводит понятие архонта: субъекта, определяющего, что подлежит сохранению и интерпретации. Именно в этом контексте Ж. Деррида вводит понятие архонта: субъекта, обладающего полномочием определять, какие элементы подлежат сохранению, а также каким образом они будут классифицированы и интерпретированы.

В цифровой среде метавселенной концепция Ж. Деррида получает техническое воплощение, становясь основой механизмов управления памятью и производства смыслов. Цифровая память, формируемая посредством алгоритмов и платформенных решений, утрачивает видимость нейтральности и превращается в активный инструмент моделирования реальности. Платформы и системы искусственного интеллекта выступают в роли регуляторов: они осуществляют выбор данных, управляют доступом к информации и определяют, какие элементы подлежат отображению, а какие исключаются из сферы восприятия. В этом процессе память приобретает онтотехническое измерение. Она функционирует не только как средство фиксации, но и как структурный механизм, посредством которого технологии формируют бытие. Онтотехническая власть представляет собой форму контроля, реализуемую через технологические средства, которые не просто обслуживают существование, а активно участвуют в его организации и оформлении. В отличие от традиционных форм власти, опирающихся на нормы, институты и правовые процедуры, онтотехническая власть проявляется в способности технологий определять, что существует, как это представляется, кому доступна информация и каким образом она подлежит интерпретации. В цифровой реальности такая власть реализуется через архитектуру алгоритмов, протоколов, фильтров и платформ. Такие технические структуры формируют рамки восприятия, регулируют поведенческие паттерны и влияют на процессы формирования цифровой идентичности. Таким образом, технологическая инфраструктура выполняет не только информационную, но и онтологическую

функцию, определяя границы того, что может быть воспринято, понято и пережито как форма индивидуального или социального бытия.

Современные алгоритмические архонты определяют значимость данных, управляют распределением внимания и устанавливают пределы допустимого. Их власть проявляется в алгоритмической селекции и фильтрации: одни темы получают акцент, другие вытесняются, а культурные нарративы подвергаются трансформации. Память в таком контексте не столько сохраняет прошлое, сколько структурирует горизонты возможного. Функция архонта в цифровой среде получает техническую реализацию в алгоритмах, которые управляют хранением, отбором, структурированием и презентацией информации. Если в классической традиции архонты обладали полномочиями толкования и сохранения нормативных знаний, то в современной цифровой реальности эти функции выполняют архитекторы платформ, разработчики алгоритмов и операторы данных. Именно они определяют содержание цифровой памяти, ее логическую структуру, механизмы актуализации и способы представления. Архонты метавселенной представляют собой не индивидуальные субъекты, а конфигурации кода, протоколов, фильтров и параметров машинного обучения. Подобная система власти нормирует цифровую реальность: она определяет, что считается допустимым, что подлежит исключению, какие акторы усиливаются, а какие оказываются маргинализированными. Цифровые технологии больше не ограничиваются функцией хранения информации. Они активно участвуют в организации виртуального пространства, воспроизводя одни образы прошлого и исключая другие. Такая избирательность формирует специфическую структуру восприятия и определяет, какие элементы прошлого становятся актуальными. Данные процессы выходят за рамки традиционного архивирования. Алгоритмы напоминаний, автоматическое удаление информации по истечении срока хранения и персонализированная подача исторических сведений формируют границы между значимым и исключённым. Таким образом, цифровая память утрачивает функцию пассивного накопления и становится активным механизмом, регулирующим внимание и влияющим на процессы формирования как индивидуальной, так и коллективной идентичности. В контексте метавселенной она приобретает статус интеллектуально организованной системы, определяющей принципы цифрового бытия. Такая память не только аккумулирует поведенческие данные пользователей, но и использует их для моделирования сценариев взаимодействия. Алгоритмические системы задают приоритетность контента, регулируют формы коммуникации и определяют доступные действия внутри цифровой среды. В результате формируется адаптивная структура, встраивающая пользователя в непрерывную систему обратной связи. Его действия фиксируются, интерпретируются и становятся основой для трансформации виртуального пространства. Указанные процессы находят выражение, например, в адаптации поведения неигровых персонажей, изменении игровых уровней и развитии сюжетных линий, построенных с учётом предыдущего опыта взаимодействия.

Искусственный интеллект, выступая посредником между пользователем и цифровой средой, использует память как источник данных и инструмент управления. Таким образом, цифровая память становится неотъемлемым компонентом, формирующим не только индивидуальный пользовательский опыт, но и динамику социокультурных процессов в цифровой реальности. События, зафиксированные в цифровых хрониках (будь то игровые сценарии, переписка в чатах или обсуждения на форумах) постепенно интегрируются в структуру коллективной памяти, формируя устойчивые образы прошлого. Акт фиксации в цифровом пространстве придаёт

событию статус факта, к которому обращаются будущие поколения пользователей. Такое прошлое одновременно доступно и изменчиво, подвержено переосмыслению, выполняет как мифологическую, так и историческую функцию в рамках цифровой онтологии. Таким образом, цифровая память в метавселенной представляет собой не просто хранилище информации, а сложный механизм, участвующий в производстве смыслов. Она сочетает в себе архивную, прогностическую и нормативную функции, структурируя цифровое бытие, определяя параметры коллективной идентичности и очерчивая границы исторического самосознания. В условиях постинформационной эпохи цифровая память становится ключевым онтологическим механизмом, задающим границы между реальным и виртуальным, прошлым и настоящим, возможным и актуальным.

Быть означает быть зарегистрированным в памяти. Работы М. Хайдеггера позволяют глубже понять онтологический статус памяти в эпоху техники. В эссе «Вопрос о технике» философ подчёркивает, что современная технология изменяет сам способ раскрытия бытия, превращая сущее в ресурс, доступный для использования. В отношении памяти это означает утрату ее экзистенциальной глубины и редукцию до утилитарной функции хранения, извлечения и обработки данных [7, с. 224-225]. Современный исследователь Дж. Габриэль, развивая идеи Хайдеггера, утверждает, что современная технология представляет собой *Dasein* с иссякающей памятью, вынужденное создавать все более информационно-насыщенные устройства, чтобы не потерять способность понимать мир [8]. Человечество, накопившее колоссальные объёмы знаний, оказалось неспособным сохранять их традиционными способами. В результате возникла необходимость в создании технических средств обработки и сохранения информации, т.е. перенос памяти во внешние «облака» является не проявлением произвольного выбора, а ответом на усложнение реальности. Вместе с тем Дж. Габриэль отмечает парадоксальность ситуации: новые технологии ещё более усложняют действительность, вызывая эффект «перегрузки памятью».

В условиях метавселенной человек оказывается зависимым от алгоритмов обработки информации: фильтров, поисковых алгоритмов и систем искусственного интеллекта, которые обеспечивают возможность ориентироваться в лавинообразном потоке данных. Мир предстает как гигантская система памяти (*gigantic memory system*), где само бытие соотносится с фиксацией в цифровом архиве. Если, по наблюдению Хайдеггера, в эпоху развития техники человек превращает самого себя в ресурс, «поставляя» себя на учет техносреде, то в современном цифровом обществе эта тенденция достигает всеобъемлющего характера. Каждый оставляет следы собственной активности, становясь частью фонда, предназначенного для последующего использования (*standing-reserve*). Даже личная память передается во внешнее управление технике: для сохранения идентичности и воспоминаний мы полагаемся на уведомления, календари и фотоархивы.

Исходя из этого, можно сформулировать тезис: «*Быть значит быть зарегистрированным в памяти*». Он выражает не только процесс медиатизации опыта, когда восприятие и действие всё в большей мере опосредуются цифровыми медиа, но, прежде всего, указывает на трансформацию онтологического статуса субъекта в цифровой реальности. В пространстве метавселенной, где параметры существования задаются алгоритмическими структурами, фиксация в памяти становится необходимым условием присутствия. Регистрация перестает быть чисто технической операцией занесения данных и выступает как онтологически значимый акт, подтверждающий существование субъекта и признаваемый как цифровой платформой, так и другими

участниками среды. В таком контексте цифровая регистрация приобретает значение формы бытийного утверждения: отсутствие фиксации в алгоритмически управляемой памяти делает невозможным восприятие, идентификацию или интерпретацию субъекта. Можно сказать, что память в метавселенной выполняет функцию онтологической сцены, в пределах которой существование становится возможным лишь при наличии записи. Речь при этом идет не о механистической памяти, ограниченной техническими процедурами, а о гибридном феномене умной социальной памяти. Она формируется на пересечении индивидуального опыта, коллективных символических представлений и алгоритмически опосредованных практик хранения, репликации и актуализации данных. Человек в такой системе не устраивается, а включается в процесс как активный соавтор онтологической сцены, его действия, намерения и восприятия не только наполняют цифровую память содержанием, но и структурируют ее, превращая пространство хранения в пространство соприсутствия субъектов и технологий.

В ситуации, когда самоосознание, идентичность, социальная вовлеченность и историческая укорененность зависят от цифровых следов и интерфейсов, отсутствие фиксации означает исключение из символического пространства метавселенной. Технически опосредованная память формирует не только эпистемологические, но и онтологические границы допустимого существования. Отсутствие регистрации означает не просто забвение, а изначальное непризнание субъектности. В условиях цифрового бытия индивид оказывается зависим от постоянного архивирования своих действий, переживаний, высказываний и предпочтений. Цифровое «Я» субъекта существует до тех пор, пока его следы сохранены, доступны и поддаются воспроизведству. Удаление данных, вне зависимости от того, происходит ли оно по инициативе пользователя или по решению алгоритма, становится аналогом акта забвения, ведущего к исчезновению субъекта с цифровой сцены. Онтология метаверса определяется памятью не только как средством хранения информации, но как источником продуктивного создания реальности. Процедуры фиксации, распознавания, отображения и актуализации становятся первичными условиями существования в цифровом пространстве. Память принимает форму Логоса, в рамках которого только зафиксированное получает онтологический статус, тогда как незафиксированное исключается из поля бытия. В этом смысле акт регистрации утверждает существование, архивирование придаёт ему значимость, а забывание лишает онтологической значимости.

Границы субъектности в метаверсе. Субъектность индивида в физическом мире традиционно рассматривается как способность к самосознанию, рефлексии, автономии и принятию ответственности, ее основания укоренены в телесной целостности, когнитивной активности, волевом действии и признании со стороны «Другого». В контексте физической реальности субъектность проявляется как устойчивая идентичность, поддерживаемая через язык, память, телесность и участие в социальных практиках. В метавселенной субъектность приобретает иную, структурно-функциональную природу, определяется не внутренними характеристиками, а способностью быть зарегистрированной, отслеживаемой и интерпретируемой техническими системами. В цифровой среде субъектность формируется в рамках онтотехнических решений, санкционированных алгоритмическими структурами, выполняющими функции архонта, проявляется в виде способности индивида быть зафиксированным, распознанным и воспроизведенным в алгоритмически организованной среде. Можно сказать, что субъект в метавселенной существует

постольку, поскольку его действия порождают данные, интерпретируемые цифровой платформой. Пребывать в статусе субъекта в таком контексте значит быть включённым в цикл алгоритмической обработки, при котором идентичность не предшествует технической фиксации, а формируется вслед за ней. Данный аспект можно углубить, учитывая феноменологические параметры виртуального опыта, где субъектность формируется через телесное восприятие, интерференцию реального и виртуального и метрики иммерсивности [9, с. 1006-1007].

В метавселенной субъектность формируется внутри техносоциальных контуров, где ее границы определяются степенью алгоритмической видимости. Заданные алгоритмы фиксируют, интерпретируют и подтверждают присутствие индивида, в результате чего субъектность становится производной от технических механизмов распознавания. В подобных условиях ключевым критерием субъектного статуса выступает не телесная или ментальная данность, а способность быть идентифицированным алгоритмическими системами. Существовать в качестве субъекта означает быть замеченным, зафиксированным и обработанным цифровой платформой. Такая зависимость приводит к утрате универсальности субъектности, которая приобретает фрагментарный и контекстуально обусловленный характер, зависящий от логики функционирования конкретной технической среды. При этом один и тот же пользователь может одновременно рассматриваться как объект обработки данных, как инициатор взаимодействия и как носитель поведенческих параметров, влияющих на алгоритмическую среду.

Пределы цифровой субъектности определяются не только уровнем вовлеченности пользователя, но и действием механизмов допуска или исключения. Такая логика соответствует более широкому структурному подходу, в рамках которого субъектность определяется через включённость в онтологически-социетальные механизмы допуска, фиксации и воспроизведения. Сравнимый подход представлен, например, в работе автора, где субъектность рассматривается сквозь призму онтологически-социетального узла безопасности, формируемого цифровыми средами [10, с. 325-326]. Так, если действия индивида не фиксируются цифровой системой, он фактически теряет статус субъекта. Напротив, избыточная видимость приводит к состоянию гиперсубъектности, при котором пользователь становится объектом постоянного контроля и управляемости. В результате субъектность в цифровом пространстве колеблется между невидимостью и тотальной прозрачностью, между участием в цифровом взаимодействии и утратой автономии. Феномен границ субъектности особенно ярко проявляется во взаимодействии с системами искусственного интеллекта. Подобные технологии не только фиксируют поведенческие паттерны пользователя, но и формируют прогнозы его реакций, моделируют предпочтения, а также адаптируют цифровую среду в соответствии с полученными данными. В результате субъект постепенно интегрируется в технические процессы, становится частью сетевой архитектуры, где его идентичность определяется не устойчивыми внутренними характеристиками, а объемом обрабатываемых данных, количеством цифровых связей и результатами алгоритмической интерпретации. В условиях метавселенной субъектность утрачивает свой эссенциальный статус и приобретает функциональное измерение: она существует лишь в той мере, в какой включена в техносреду. Под этой системой понимается совокупность алгоритмов, интерфейсов и знаковых структур, задающих параметры цифровой реальности и определяющих условия присутствия в ней.

Формируется новая онтология субъекта, характеризующаяся открытостью, нестабильностью и контингентностью. В философском контексте термин

«контингентный» означает зависимый от случайных обстоятельств, внешних условий. Применительно к субъектности это означает, что субъект формируется в результате конкретных социальных и технологических условий. Иными словами, субъект конституируется в определённых конфигурациях цифровой среды, становясь результатом взаимодействия с окружающей техносоциальной реальностью, а не исходной предпосылкой. В такой онтологии идентичность подвержена постоянной коррекции, а само присутствие становится функцией от параметров алгоритмического распознавания. В этих условиях особую значимость приобретает философская задача сохранения ядра субъектной автономии в условиях глубокой перестройки, обусловленной воздействием алгоритмов и цифровых технологий.

Заключение. Одна из фундаментальных проблем, обозначенных еще М. Хайдеггером, заключается в необходимости выработки подлинного отношения к технике. Такое отношение предполагает сохранение человеком способности к самоотнесенности и внутренней автономии в условиях технологического доминирования. В контексте развития цифровой памяти в метаверсе данная проблема приобретает особую остроту. Интегрируясь в цифровую инфраструктуру, память не ограничивается функцией фиксации и передачи информации, она становится активным механизмом формирования образов прошлого, представляя их как завершённые и непререкаемые. В таких условиях особенно важно осознавать, что подобные образы являются результатом алгоритмической селекции и требуют критического осмысления, а не безусловного принятия. Подлинное отношение к технике связано со вниманием к тем аспектам человеческого опыта, которые ускользают от технологической фиксации. Эмоциональные, телесные и экзистенциальные измерения не поддаются полной цифровой репрезентации. Их сохранение позволяет человеку противостоять растворению в цифровой всеобъемлющей среде и сохранить целостность существования. Проведенное исследование показало, что алгоритмы в условиях метавселенной выступают не просто инструментами обработки данных, а фундаментальными акторами онтологической сцены. Их функция выходит за рамки технической: алгоритмы становятся современными архонтами, контролирующими процессы сохранения, селекции и интерпретации информации. В результате цифровая память утрачивает пассивный характер и превращается в активный механизм конструирования реальности, влияющий на индивидуальную и коллективную идентичность. Субъектность в цифровой среде оказывается зависимой от алгоритмической регистрации и видимости. Существование субъекта подтверждается не внутренними свойствами, а фактом фиксации его действий и следов в цифровой памяти. Отсутствие такой фиксации ведет к исключению из пространства метаверса, тогда как избыточная прозрачность создает ситуацию гиперсубъектности, сопряженную с постоянным контролем и управляемостью. Таким образом, в условиях метаверса алгоритмы формируют логику цифрового присутствия, устанавливая параметры того, что считается существующим, значимым и допустимым, осмысление алгоритмов как архонтов открывает перспективу сохранения автономии субъекта и преодоление редукции человека к цифровым функциям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Viader Guerrero J. Beyond the Digital Public Sphere: Towards a Political Ontology of Algorithmic Technologies // Philosophy & Technology. – 2024. – Vol. 37. – № 1. – P. 3–22. – DOI: <https://doi.org/10.1007/s13347-024-00789-x>.
2. Gandini A., Gerosa A., Giuffrè L., Keeling S. Subjectivity and algorithmic imaginaries: the algorithmic other // Subjectivity. – 2023. – Vol. 30. – P. 417–434. – DOI: <https://doi.org/10.1057/s41286-023-00171-w>.

3. Re V. Curation, Algorithmic 'Caregiving' and Collective Archival Practices. Rethinking the Archival Work of Culture in Streaming Media // VIEW. Journal of European Television History and Culture. – 2024. – Vol. 13. – № 26. – P. 12–30. – DOI: 10.18146/view.330.
4. Hern A. Mark Zuckerberg's Metaverse Vision Is Over – Can Apple Save It? [Электронный ресурс] // The Guardian. – 2023. – 21 May. – URL: <https://www.theguardian.com/technology/2023/may/21/mark-zuckerbergs-metaverse-vision-is-over-can-apple-save-it> (дата обращения: 07.09.2025).
5. Стиглер Б. Время чтения и новые инструменты памяти // Лаканалия. – 2019. – № 32. – С. 142–166.
6. Derrida J. Archive Fever: Freudian Impression // Diacritics. – 1995. – Vol. 25. – № 2. – P. 9–63. – URL: https://monoskop.org/images/9/99/Derrida_Jacques_1995_Archive_Fever_A_Freudian_Impression.pdf (дата обращения: 07.09.2025).
7. Хайдеггер М. Вопрос о технике / М. Хайдеггер // – Работы и размышления разных лет. – М.: Республика, 1993. – С. 221–263.
8. Gabriel J. Modern Technology as Dasein with Lost Memory. – URL: <https://medium.com> (дата обращения: 07.09.2025).
9. Елхова О. И. Метрики феноменологического виртуального опыта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2024. – Т. 28. – № 4. – С. 997–1013. – DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-4-997-1013>.
10. Елхова О. И. Онтологически-социetalный узел безопасности как феномен цифровой среды // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2025. – Т. 29. – № 2. – С. 317–334. – DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-317-334>.

Поступила в редакцию 25.08.2025 г.

ALGORITHMS AS ARCHONS OF THE METAVERSE: ONTOtechnical POWER AND THE LIMITS OF SUBJECTIVITY

O. I. Elkova

The article examines algorithms as key actors of ontotechnical power in the context of the emerging metaverse. The author draws on the concept of the *archon* introduced into academic discourse by Jacques Derrida and offers a personal interpretation of algorithmic structures as contemporary guardians and regulators of digital memory within the metaverse. Algorithms perform not only the functions of selection and storage of data, but also shape the ontological frameworks of being by determining what is to be recorded, interpreted, and represented. The author focuses on the power dimension of algorithms, which regulate access to knowledge, control attention, and define the status of subjects in digital space. In the metaverse, memory loses its status as a passive repository and becomes a productive mechanism for modeling reality. Algorithmic governance of information directly affects the transformation of subjectivity: the subject is no longer defined solely through cognitive or bodily autonomy, but exists insofar as it is included in the digital archive. The article emphasizes the necessity of a critical approach to digital technologies of memory storage and the development of an authentic relation to technology that would preserve the integrity of human existence under conditions of digital totality.

Key words: algorithms, metaverse, archons, ontotechnical power, digital memory, subjectivity.

Елхова Оксана Игоревна

Доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии и культурологии,
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Республика Башкортостан, РФ.
E-mail: oxana-elkhova@yandex.ru

Elkhova Oxana Igorevna

Doctor of Philosophy, docent,
Professor of the Department of Philosophy and
Cultural Studies, Ufa University of Science and
Technology, Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.
E-mail: oxana-elkhova@yandex.ru

ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА: ГРАНИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СМЫСЛОВ

© 2025 A. B. Камарали

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

В статье рассматривается соотношение гуманитарного и технократического начал в культуре. Определено, что такое «культура» вообще, и как ее понимает наука сегодня. Раскрывается роль гуманитарной культуры в построении современного информационного общества.

Ключевые слова: цивилизация, культура, информационная культура.

Развитие цивилизаций представляет собой бесконечное стремление человечества к пониманию ценностей. С углублением в эпоху информационных технологий человек все больше осознает значимость информации и ее роль в обществе.

Трансформации, происходящие во время перехода от одной исторической эпохи к другой, всегда несут в себе социальный аспект, так как их направленность – это влияние на общество. Прогресс в общественном развитии неразрывно связан с обменом информацией между индивидами. Процессы передачи информации, определение её целей и задач, использование современных информационных технологий и оборудования – все это подчинено удовлетворению потребностей человека и поэтому опирается на гуманитарную составляющую. Между обществом, его экономикой, политикой, культурой и информационными технологиями существуют тесная связь и зависимость. Тем не менее, этот симбиоз не гарантирует положительные изменения в мире. Способы использования информации и информационных технологий, их адаптация к потребностям, стремлениям и конкретным условиям жизни людей в значительной мере зависят от самого человека.

В период перехода к информационной цивилизации необходимо подготовить человека к быстрому восприятию и обработке больших объемов электронных информационных ресурсов, к овладению им современными средствами, методами и технологией работы. Кроме того, новые условия работы порождают зависимость информативности одного человека от информации, приобретенной другими людьми. Поэтому уже недостаточно уметь самостоятельно осваивать и накапливать информацию, а надо научиться такой технологии работы с информацией, когда подготавливаются и принимаются решения на основе коллективного знания. Это говорит о том, что человек должен иметь определенный уровень культуры по обращению с информацией. Для отражения этого факта был введен термин «информационная культура».

Информационная культура – умение целенаправленно работать с электронными информационными ресурсами и использовать для их получения, обработки и передачи компьютерную информационную технологию, современные технические средства и методы. Приведенное определение информационной культуры не совсем точно отражает достигнутый уровень в развитии информационного общения людей, а также характеристику информационной сферы в жизнедеятельности людей, где мы можем отметить степень достигнутого, количество и качество созданного, тенденции развития и степень прогнозирования будущего.

Для свободной ориентации в информационном потоке человек должен обладать информационной культурой как одной из составляющих общей культуры. Информационная культура связана с социальной природой человека, она является продуктом разнообразных творческих способностей человека и проявляется в следующих аспектах:

- в конкретных навыках по использованию технических устройств (от телефона до персонального компьютера и компьютерных сетей);
- в способности использовать в своей деятельности компьютерную и информационную технологию, базовой составляющей которой являются многочисленные программные продукты;
- в умении извлекать информацию из различных источников: как из периодической печати, так и из электронных коммуникаций, представлять ее в полном виде и уметь эффективно использовать;
- в овладении основами аналитической переработки информации;
- в умении работать с различной информацией;
- в знании особенностей информационных потоков в своей области деятельности.

В информационном обществе требуется овладение информационной культурой с детства: сначала с помощью электронных игрушек, а затем и персонального компьютера. Для учебных заведений всех типов социальным заказом информационного общества следует считать обеспечение уровня информационной культуры студента, необходимого для работы в конкретной сфере деятельности. При этом качество обучения должно определяться степенью закрепленных устойчивых навыков работы в среде базовых информационных технологий при решении типовых задач в сфере деятельности.

В информационном обществе центр тяжести приходится на общественное производство, где существенно повышаются требования к уровню подготовки всех его участников. Поэтому в программе информатизации следует уделить особое внимание информатизации образования как направления, связанного с приобретением и развитием информационной культуры человека. Это, в свою очередь, ставит образование в положение «объекта» информатизации, который требует изменения содержания подготовки, чтобы обеспечить в будущем специалисту не только общеобразовательные и профессиональные знания в области информатики, но и необходимый уровень информационной культуры.

Вместе с тем современная цивилизация, где с каждым днем увеличивается значение информационных технологий, не способствует обращению человека к духовной стороне своего бытия, а все больше отдаляет человека от нее. Меняются масштабы жизни, человеку попросту не хватает времени; чтобы он мог себя материально обеспечить и находиться если не на вершине финансового обеспечения, то хотя бы в среднем слое, ему необходимо постоянно воспринимать новую информацию. Этот процесс столь трудоемкий, что человеку не остается времени для реализации культурных потребностей в его повседневной жизни. Поток информации не так уж и безвреден. Например, А. Тоффлер связывает новые технологии и новую информацию с новыми метаморфозами власти. В результате приобретается более комфортабельная жизнь, но вместе с этим часто теряется творческий момент, который является основой каждого культурного общества.

Расширение информационного пространства влечет за собой усиление конфликта между инженерно-технологическим прогрессом и ценностями гуманитарного

направления. Чтобы преодолеть эти расхождения, необходимо налаживать баланс между усилением человеческого аспекта в информационных технологиях и развитием информационной культуры в обществе и у индивидов. Это представляет собой ключевую задачу для современного информационного общества. Специалисты подчеркивают, что решить её способна только гуманитарная культура. Личности, осознающие превосходство человеческих ценностей в развитии социального уклада, осведомлены о рисках, которые несет механическое влияние на психику человека. Культура, ориентированная исключительно на технологическое развитие, ведет к потере человеческой сущности, этических ориентиров, эстетических ощущений, способствует росту потребительского отношения, эгоизма и агрессии.

Изучением взаимосвязей между понятиями культуры и цивилизации активно занимались известные ученые и исследователи: Л. Губерский [2], Н. Данилевский [3], Р. Мerton [5], Т. Парсонс [6], Н. Смелзер [7], П. Сорокин [8], А. Тойнби [9], Э. Тоффлер [10], А. Швейцер [11], О. Шпенглер [12] и др. Эти ученые внесли значимый вклад в понимание динамики и структуры социокультурной эволюции и развития человеческого общества.

Однако уровень исследований по данной тематике можно считать незавершенным. Существующие публикации не охватывают проблему в полном объеме, затрагивая лишь отдельные ее элементы. Продолжительное обсуждение этой проблематики подчеркивает необходимость в новом подходе к анализу ситуации, который бы учитывал как новые данные, так и переосмысление ранее известных сведений.

Цель исследования: выявить значимость гуманитарной культуры для формирования современного информационного общества.

Культура, производная от латинского термина, означающего возделывание или уход, описывается более чем 500 научными толкованиями. Она включает в себя не только нормы и убеждения, представления о «хорошем» и «прекрасном». В философском дискурсе культура понимается в расширенном контексте как интегральная совокупность социальных проявлений, наследия и креативности человечества. Обширная область культуры охватывает разнообразные аспекты, от искусства до социальных, экономических и других сфер. В контексте содержания она включает в себя все аспекты материализации коллективного сознания: язык, письменность, этикет, традиции, экономическую систему, научный прогресс, технологии, политическую структуру, социальное устройство, производственные отношения, искусство, религию, образование и др. В арсенале концепций культуры выделяются такие категории: «политическая культура», «экономическая культура», «эстетическая культура», «педагогическая культура», «философская культура», «коммуникативная культура», «этическая культура», «профессиональная культура» и т. д.

В рамках общей системы духовных ценностей общества различают гуманитарную и технократическую культуру. Гуманитарная культура представляет собой сложную систему создания и передачи знаний, подчеркивающую значимость интеллектуальных и эмоциональных аспектов человеческой сущности. В контрасте с этим, технократическая культура акцентируется на научных и технических достижениях, рассматривая их как основополагающую и единственную основу для развития и прогресса в обществе.

Культура функционирует как фундаментальный слой, трансформирующий структуру психики человека, обеспечивая его способность к сознательному модифицированию жизненных норм и структур поведения. Саморазвиваться может

только тот, кто выращивает свое культурное сознание. Как было подчеркнуто ранее, присутствие культурного сознания неизбежно становится критической предпосылкой для прогресса на уровне глобальном, социальном и личностном.

Культурные и информационные процессы тесно взаимосвязаны и образуют неделимую конструкцию. Этот синтез исследован целым рядом исследователей как в России, так и на международной арене, среди которых – такие известные фигуры, как Д. Белл, Д. Лайон, Ю. Лотман и А. Ракитов. Они рассматривали многоаспектное взаимодействие между культурой и информацией. Ю. Лотман, к примеру, предложил концепцию, в которой культура рассматривается как комплекс всей информации, передающейся вне генетических механизмов, включая ее структурирование и сохранение [4].

Цель достижения гармонии и баланса в общественном развитии и внутреннем мире индивида неизбежно вела к мысли о связи информационной эпохи с культурным восприятием. Однако внедрение современных информационных систем не сделало общество более согласованным и сбалансированным, поскольку эти технологии, скорее, выступили барьером на пути к желаемой гармонии. Миф о безграничных возможностях информации и её глобальная интеграция породили технократическую идеологию, которая ставит технологический прогресс во главу угла социального развития, убеждая в том, что только технический прогресс может осуществлять эффективное управление и улучшение жизни как общества, так и индивидуального существования.

Корни этого явления уходят в XIX век, когда происходило активное развитие машиностроения, опирающегося на научные открытия. Внедрение технических новшеств в различные аспекты жизни общества привело к ошибочному суждению о культуре народов, основываясь лишь на уровне их технологического развития. Вредное влияние этого подхода стало полностью очевидно к середине двадцатого века. Русский мыслитель Н. А. Бердяев, выступая за гармоничное развитие личности и рассматривая технологии как инструмент, а не конечную цель, считал, что техника, механизируя жизнь человека, одновременно и освобождает, и порабощает его. В XX веке технократия рассматривает реальность и будущее исключительно через аспекты информационных и технократических вызовов. Индивидуальность человека подменяется технологическими процессами, превращая личность в антропоморфный автомат. Это направление ведет к потере свободы, представляя собой как социальный, так и технологический тупик.

Дихотомия между гуманитарными и естественнонаучными дисциплинами, а также технологическими инновациями, привела к глубоким спорам и разделению в общественном мировоззрении. Как утверждал известный британский писатель и ученый Чарлз Перси Сноу, это разделение породило конфликт между двумя культурами: одна акцентирует значимость гуманистических, интеллектуальных ценностей и внутреннего мира человека, в то время как другая ориентирована на рационализм, эффективность и технократические подходы к жизни.

Данный конфликт между двумя идентичностями присутствует как в культурном пространстве, так и внутри каждого индивида. Последователи технократии в контексте информационной эпохи могут утверждать, что природой заложено разделение людей на тех, кто склонен к точным наукам, и тех, кто ближе к гуманитарным дисциплинам. Они могут ссылаться на функциональную асимметрию мозга, подразделяющую его на полушария, отвечающие за логичное мышление и визуально-образное восприятие. Такое утверждение имеет под собой основания. Однако без внедрения информации в

эмоциональный и чувственный контекст невозможно продвижение к динамичному и гармоничному прогрессу в развитии людей.

В эпоху, когда технократическая ограниченность и культурная осведомленность оказываются в резком противоречии, игнорирование глубинных аспектов человеческой природы, таких, как значение, назначение и способность к творчеству, может иметь разрушительные последствия. Известно, что истинная сущность человека раскрывается через создание нового; он не просто потребитель (гомо-консуматор), а создатель (гомо-креатор).

Достижение гармонии между обладающими противоположными качествами сферами – гуманитарной и технократической – является ключом к реализации целостности внутреннего мира индивида. Важно не только интегрировать ценности человечности в современные информационные системы, но и гарантировать, что этические и духовные принципы превалируют над материальным стремлением. В идеале целью информационного общества должно стать стимулирование эволюции человеческого духа и культивирование неограниченного творческого потенциала индивида, который гармонично сосуществует с природой. Следовательно, процесс информатизации должен выступать в качестве инструмента для достижения высшей задачи – духовного развития.

Этот феномен сложно усвоить и принять всерьез. На протяжении значительного времени, охватывающего почти столетие, доминировала идеология, акцентирующая внимание на материальных интересах в ущерб духовным ценностям. Образ той эпохи великолепно воплотился в творчестве Александра Грина. В частности, в его произведении 1927 года, новелле «Фанданго», Грин оживил картину замершего от голода Петрограда последних революционных лет с его очередями за хлебом, отсутствием отопления, базового комфорта, грязью и разрухой. В эту обстановку приезжает испанская делегация, прибывшая с щедрыми подарками. Они привозят не просто пищевые продукты типа сахара, кукурузы и масла, но и предметы роскоши: изысканные музыкальные инструменты, шелковые изделия, ковры, а также уникальные морские раковины и кораллы. Перед испанцами предстает статистик Ершов, который в отчаянии излагает свои насущные потребности, выражая неприятие дорогих даров в условиях суровой нужды. Его позиция заключается в критике приоритетов, тогда как представитель испанской делегации, профессор Бам-Гран, отвечает резко, контрастируя материальное и духовное, указывая на непреодолимый разрыв в понимании истинно важных вещей.

Статистики подобного рода могут ощутить себя некомфортно в развивающемся мире информационного общества. Но и сегодня статистик Ершов не ставит в авангард тех, кто осваивает новые информационные технологии. Это объясняется тем, что преимущества цифровизации не всегда являются очевидными на первый взгляд, а значимость культурных и духовных аспектов цифрового перехода не вызывает у него сильных эмоций. История показывает, что потеря духовных ценностей ведет к катастрофическим последствиям для общества.

Бессспорно, в эпоху информационной цивилизации ключевыми субъектами должны стать личности, воплощающие новые принципы и ценности. Такие индивиды формируются в современный временной промежуток. Научное сообщество анализирует и выявляет качества, присущие «гомо информатикус». Кто же он? Воплощение интеллигенции в её классическом видении: особа с высокими моральными принципами, готовая к самопожертвованию в угоду благу общества, борец с несправедливостью и недостатками, осуществляющий критический анализ

окружающего, носитель вечного чувства долга и ответственности перед культурой, для кого работа, свобода, сознание, честь и подвиг являются жизненными ориентирами? Или же это интеллектуал, признающий значение гуманитарных наук, однако способный к прагматизму и рациональному мышлению, готовый к компромиссам в политике ради решения социальных задач, испытывающий социальную ответственность, но не нацеленный на самопожертвование? Или же существует альтернативная модель «информационного» человека?

В любом контексте, согласно концепции синтеза двух культурных направлений – гуманитарного и научно-технического, центральную фигуру информационного общества представляет индивидуум, обладающий развитым и гармоничным культурным восприятием. Такие индивиды способствуют росту информационного общества как важнейшей духовной ценности, умея эффективно пользоваться преимуществами информационной эры, при этом избегая ее потенциально отрицательного влияния на психику и интеллект. Это представители новой эпохи – эпохи информации.

Развитие информационного общества требует синтеза информации и культуры, так как культурное сознание играет ключевую роль в прогрессе человечества, общества и каждого индивида. Процесс глобализации информационного пространства усилил деление культурного сознания на две основные сферы: гуманитарную и технико-научную. Это разделение подчеркивает важность преодоления барьера между этими культурами для достижения главной цели – единства восприятия мира и гармоничного совершенствования индивидуума.

Центральная задача заключается в создании равновесия и гармонии между гуманизацией информационных технологий и развитием информационного общества. В этом контексте ключевую роль играет гуманитарная культура, способная объединять и согласовывать различные аспекты социальной жизни. Она важна для интеграции внутреннего духовного мира индивида, который является активным участником информационной цивилизации и носителем ее культурных ценностей.

Понимание синтеза гуманитарных ценностей и технократического подхода служит основой для исследования и расширения гуманитарных аспектов в области информационных технологий.

В завершение хотелось бы привести слова великого философа Н. Бердяева: «...замена жизненных приоритетов технологическими достижениями может привести к утрате и истощению духа, как это и наблюдается» [1, с. 148]. Эти слова еще раз доказывают важность изучаемой проблемы не только для человечества в целом, но также для России и Донбасса как его неотъемлемой части.

Исследование проводилось в рамках инициативной НИР «Экзистенциальный выбор Донбасса и будущее России: социокультурное измерение», № госрегистрации 124101500444-8.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н.А. Человек и машина: Проблемы социологии и метафизики в технике / Н.А. Бердяев // Вопросы философии. – 1989. – № 2 – С. 147-162.
2. Губерський Л.О. Культура. Ідеологія. Особистість. – К.: Знання України, 2005. – 580 с.
3. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Наука, 1991. – 574 с.
4. Лотман Ю.Н. Типология культуры: статьи по типологии культуры / Ю.М. Лотман. – Тарту, 1970. – 105 с.
5. Межуев В.М. Идея культуры. Очерки по философии культуры / В.М. Межуев. – М.: Прогресс-Традиция, 2006. – 408 с.
6. Парсонс Т. Система современных обществ. – М.: Колос, 1998. – 244 с.
7. Смелзер Н. Социология. – М.: Наука, 1994. – 311 с.

8. Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. – М.: Наука, 1997. – 351 с.
9. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: сборник / А.Дж. Тойнби; Пер. с англ. Е.Д. Жаркова и др.; Под ред. В.И. Уколовой, Д.Э. Харитоновича. – М.: Айрис – Пресс, 2003. – 588 с.
10. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: АСТ, 1999. – 784 с.
11. Швейцер А. Культура и этика. – М., 1973. – 213 с.
12. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Всемирно-исторические перспективы / Пер. с нем. И.И. Маханькова. – М.: Мысль, 1998. – 606 с.

Поступила в редакцию 27.08.2025 г.

INFORMATION CULTURE: THE BOUNDARIES OF INTERACTION BETWEEN MEANINGS

A. V. Kamarali

The article examines the correlation of humanitarian and technocratic principles in culture. It defines what «culture» is in general, and how science understands it today. The role of humanitarian culture in building a modern information society is revealed.

Key words: civilization, culture, information culture.

Камарали Анна Владимировна

Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет», Донецк, ДНР, РФ.
E-mail: anna_kamarali@mail.ru

Kamarali Anna Vladimirovna

Candidate of Philosophical Sciences, Docent,
Docent of the Chair of Philosophy
FSBEI HE «Donetsk State University»,
Donetsk, DPR, RF.
E-mail: anna_kamarali@mail.ru

ИДЕНТИЧНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ ДОНБАССА: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© 2025 *А. Б. Клименко*

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

В статье анализируется идентичность жителей Донбасса через призму онтологического подхода. Рассматриваются основания регионального самосознания, феномен пограничности и кризис идентичности в условиях социально-политических трансформаций. Аргументируется идея о том, что идентичность Донбасса имеет многослойный характер: она включает историко-экзистенциальное измерение, культурно-ценностные коды и социально-онтологические практики. Подчеркивается, что кризис идентичности региона носит не только политический, но и фундаментально онтологический характер, ставящий под вопрос способы бытия человека в «пограничном» социокультурном пространстве.

Ключевые слова: Донбасс, региональная идентичность, культура, шахтерский труд, пограничность.

Актуальность. Феномен идентичности занимает одно из центральных мест в современном гуманитарном знании, поскольку непосредственно касается мировоззренческого вопроса о том, кто есть сам человек и как он осознает собственное бытие в мире. В случае Донбасса проблема идентичности приобретает особую специфику: этот регион на протяжении своей истории находился в состоянии культурной и политической пограничности, что определило уникальную многослойность его самосознания.

В современных условиях экзистенциальный выбор Донбасса стал предметом активных дискуссий в философии, социологии, политологии и культурологии. Однако большинство исследований сосредоточено на политико-идеологических и социологических аспектах, тогда как онтологическое измерение остается мало разработанным. В то же время именно онтология как учение о бытии позволяет понять, каковы основные черты идентичности жителей донбасского региона, каким образом они существуют и определяют свою бытийность в условиях исторической нестабильности и широкого культурного многообразия. Данное исследование значимо как в контексте самого Донбасса, так и в контексте более широком, связанном с другими подобными регионами по всему миру.

Цель данной работы – раскрыть онтологический аспект идентичности Донбасса, выявив ее фундаментальные измерения и специфику «пограничного бытия».

Теоретическими источниками для написания данной работы послужили труды Б. Андерсона [1], Р. Брубейкера [2], М. Кастельса [3], Г.А. Коржова [4], П. Нора [5], П. Рикера [6], Ж.-П. Сартра [7], Э. Смита [12], М. Хайдеггера [8], Ю. Хабермаса [11], С. Хантингтона [9], Г.Г. Шпета [10] и др. Анализ теоретических источников показывает значимость и актуальность вопроса онтологического измерения региональной идентичности при практическом отсутствии исследований данной проблематики в отношении Донбасса.

Методология исследования. Онтологический анализ идентичности предполагает обращение к нескольким исследовательским традициям, связанным с различными направлениями современной философской мысли. При написании данной работы автор обращался к феноменологии бытия, представленной трудами М. Хайдеггера [8],

Ж.-П. Сартра [7]. Идентичность в контексте данного направления рассматривается как способ присутствия человека в мире (Dasein у М. Хайдеггера [8, с. 28]), своеобразная «укорененность» в пространстве и времени. Кроме того, методологическим основанием данной работы является герменевтика идентичности П. Рикера [6, с. 126]. У него самоидентификация понимается через нарратив: коллективные рассказы, мифы и память, в которых конституируется образ «мы».

Необходимо упомянуть также теорию воображаемых сообществ Б. Андерсона [1, с. 53], поскольку Донбасс в нашей работе осмысливается как регион, формирующийся благодаря символическим и культурным практикам, а не только политico-административным границам. Не менее важную с методологической точки зрения роль играет в данном исследовании концепция сетевых обществ испанского ученого М. Кастельса [3], так как нами рассматривается влияние глобализационных, в том числе цифровых процессов на трансформацию локальной идентичности жителей Донбасса. Наконец, при исследовании метафизики и идентичности Донбасса следует обратиться к философии пограничности (Ю. Хабермас [11], С. Хантингтон [9], Г. Шпет [10] и др.). Донбасс может быть проанализирован в том числе как пространство «между», где встречаются разные культурные и цивилизационные коды.

Методологическая новизна нашей работы заключается в том, что идентичность Донбасса интерпретируется не только как социальный конструкт, но и как онтологическая форма существования человека в условиях культурно-исторической пограничности [10, с. 112].

Основная часть. Прежде чем анализировать онтологическое измерение донбасской идентичности, следует обратиться к более широкому понятию – региональной идентичности.

Проблема идентичности является одной из центральных в современной философии и гуманитарном знании. В условиях глобализации и культурной мобильности вопрос о том, что связывает человека с определенным местом, регионом, сообществом, приобретает особую актуальность. Региональная идентичность выступает формой самосознания, выражющей принадлежность индивида или сообщества к конкретному пространственно-культурному контексту.

Философское осмысление региональной идентичности восходит к категориям пространства, места и бытия. Еще М. Хайдеггер в эссе «Строительство, жительствование, мышление» указывал, что человек существует не в абстрактном пространстве, а в конкретном «месте», где раскрывается смысл его бытия. Место, по М. Хайдеггеру, есть не просто географическая точка, но экзистенциальная структура присутствия – «топос» человеческого существования.

Региональная идентичность в этом смысле выражает философскую категорию принадлежности к пространству, истории, культуре. Она отражает взаимодействие универсального и локального, общего и индивидуального. Как отмечает П. Рикер, идентичность всегда диалогична: она формируется через признание и различие, через отношение к Другому [6, с. 102]. Таким образом, региональная идентичность не только конституирует «Я» человека, но и определяет границы культурного общения.

С философской точки зрения региональная идентичность – это не просто социальный ярлык или элемент административного деления. Она представляет собой способ бытия человека в мире, форму укорененности, обеспечивающую целостность опыта и устойчивость культурных смыслов.

Культура формирует смысловую структуру пространства. Регион не существует вне культурного содержания: языка, символов, традиций, нарративов. Именно культура «очеловечивает» пространство, превращая его в место проживания смыслов.

Философия культуры (О. Шпенглер, Э. Кассирер, М. Бахтин) рассматривает регион как особую форму воплощения культурного стиля. Региональная идентичность в этом контексте становится проявлением культурного типа, в котором синтезируются язык, ритуалы, мифология, искусство.

Современные процессы глобализации, напротив, ведут к размыванию локальных идентичностей. Однако философия постмодерна (Ж. Бодрийяр, Ф. Джеймисон) показывает, что в ответ на глобальное унифицирующее давление возникает стремление к локальному самовыражению. Регион становится пространством сопротивления обезличенному миру, способом сохранения аутентичности человеческого бытия.

Региональная идентичность имеет не только культурное, но и онтологическое измерение. Она задает способ со-бытия человека с другими, определяя форму коллективного существования. Через региональную идентичность человек участвует в более широком бытии: историческом, природном, социокультурном.

В этом смысле регион можно рассматривать как «онтологический горизонт» – границу, в пределах которой разворачивается человеческий опыт. Осознание своей региональной принадлежности помогает субъекту обрести устойчивость в мире, где доминируют процессы отчуждения и ускорения.

Философия пространства, таким образом, становится философией идентичности. Пространство региона – это не просто место, где человек живет, а форма, в которой он есть. Региональная идентичность оказывается выражением внутренней потребности в укоренении – своего рода экзистенциальной топологией бытия.

Пространство в философском смысле – это не просто протяженность, а форма организации человеческого опыта, способ бытия в мире. Еще в античности философы (Аристотель, стоики) связывали пространство с природным порядком и космосом как с гармонией, в которой каждая вещь имеет свое место. В Новое время понятие пространства претерпело рационализацию: для Декарта оно стало геометрическим, однородным, лишенным качеств, тогда как для И. Канта – формой априорного созерцания, структурирующей восприятие. Однако феноменологическая и экзистенциальная философия XX века (М. Хайдеггер, М. Мерло-Понти, М. Бубер) возвращает пространству человеческое измерение.

Философия пространства раскрывает, что топос (место) обладает онтологической и символической глубиной. Каждое место формирует определенный горизонт восприятия, систему координат, в которой человек понимает мир и самого себя. Именно поэтому региональная идентичность не может быть сведена к набору социальных характеристик; она пронизана смыслом и эмоциональной памятью пространства. М. Мерло-Понти в работе «Феноменологии восприятия» [6] подчеркивает телесное измерение пространства: человек не просто находится в нем, он переживает его через движение, зрение, тактильность. Таким образом, регион – это не абстрактная территория, а пережитое пространство, насыщенное опытом телесного пребывания, памяти, мифологии, языка.

Современные философы (М. де Серто, Э. Соя, Э. Релафорд) вводят понятие производства пространства, показывая, что оно создается через практики, дискурсы и культурные коды. Пространство региона – не данность, а процесс, постоянно воспроизводимый в человеческих действиях, привычках, ритуалах.

Философия пространства позволяет понять, что региональная идентичность – это форма онтологического диалога человека и места. Через пространство человек не только осознаёт себя, но и укореняется в мире, преодолевая отчуждение и анонимность глобального существования. Таким образом, философия пространства раскрывает

метафизическую основу региональной идентичности: быть в регионе – значит быть в месте, а значит, быть в бытии.

Региональная идентичность является сложной философской категорией, соединяющей в себе пространственное, культурное и экзистенциальное измерения человеческого существования. В эпоху глобализации она приобретает новое значение, выступая средством сохранения культурного разнообразия и формой внутренней самодетерминации личности. Философское осмысление региональной идентичности позволяет рассматривать ее не только как объект социологических или политических исследований, но и как фундаментальную структуру человеческого бытия, как способ соотнесения себя с пространством, временем и культурой.

История Донбасса связана с индустриализацией XIX–XX вв., массовыми миграциями и формированием рабочего класса. В отличие от аграрных регионов, здесь идентичность конструировалась вокруг труда, промышленности и колlettivизма.

Экзистенциальный опыт жителей Донбасса – это буквально опыт «созидания мира руками». Труд, шахта, завод – не только экономические факторы, но и онтологические категории [4], определяющие образ жизни и мышления жителей региона. В этом смысле донбасская идентичность неразрывна с образом «человека-труженика», что закреплено в коллективной памяти и символических практиках.

Центральное место в этом процессе занимает шахтерский труд. Для жителей региона шахта – это не только источник материального существования, но и особое измерение бытия. Спуск в шахту символизирует входжение в иное пространство, где человек сталкивается с первоэлементами природы, риском и смертью. Отсюда рождается особая этика: смелость, взаимовыручка, стойкость и готовность к самопожертвованию.

Феномен шахтерского труда можно рассматривать как онтологический архетип региона: он формирует представление о мире как о пространстве борьбы и преодоления; задает ценность коллективного усилия выше индивидуального успеха; закрепляет в сознании образ «человека-труженика» [4, с. 42], достойного уважения благодаря своей готовности к риску и физическому подвигу.

Шахтерский труд создает специфическое восприятие времени и памяти. В региональном самосознании важную роль играют нарративы о трудовых династиях, преемственности поколений, героических подвигах шахтеров, что, фактически, формулирует символическую общность [1, с. 124]. Таким образом, шахта становится местом памяти, (*franç. lieu de mémoire* по выражению французского историка П. Нора [5, с. 26]), где укореняется не только экономическая, но и экзистенциальная идентичность. Шахта может стать «местом памяти» в том случае, если она является символическим элементом, хранящим память о важных исторических событиях и целенаправленно сакрализуется и почитается людьми. Все эти аспекты представлены в метафизике Донбасса.

Опыт Донбасса во многом сопоставим с другими индустриальными регионами, где шахтёрский труд стал ядром коллективной идентичности.

Так, в Рурском бассейне (Германия) шахтерская культура сформировала представление о *Gemeinschaft* (немецк.) – сообществе, основанном на доверии, дисциплине и трудовой солидарности. Подобно Донбассу, рурские шахтеры воспроизводили ценности колlettivизма и равенства. Однако в Германии этот опыт со временем трансформировался в сильные профсоюзы и социальное государство, что смягчило кризисы идентичности после закрытия шахт.

В Уэльсе (Великобритания) шахтерский труд стал основой национального самосознания: шахтеры не только работали вместе, но и создавали культурные формы

– хоровое пение, фестивали, символику труда как части валлийской идентичности. В отличие от Донбасса, где преобладала советско-индустриальная модель, в Уэльсе трудовая идентичность тесно переплелась с этнической и языковой.

Особенность Донбасса в том, что шахтерская идентичность изначально формировалась в условиях многонационального смешения и отсутствия единого этнического кода. Поэтому она приобрела универсалистский характер: шахтер – это «каждый», независимо от происхождения. Таким образом, шахта стала пространством не только труда, но и социальной интеграции.

Таким образом, сравнительный анализ показывает, что шахтерский труд в разных регионах мира стал онтологической основой идентичности, но пути ее развития различны. Если в Руре и Уэльсе трудовая культура постепенно институционализировалась и встроилась в национальные нарративы, то на Донбассе она приобрела характер самостоятельного онтологического ядра идентичности, определяющего ценности региона до сих пор.

Шахтерский труд можно рассматривать не только в социально-экономическом, но и в философско-онтологическом измерении, с опорой на труды М. Хайдеггера [8], П. Рикера [6] и Э. Дюркгейма.

В «Истоке художественного творения» М. Хайдеггер вводит различие между землей и миром. Земля скрывает и удерживает, мир раскрывает и упорядочивает [8, с. 96]. Шахтерский труд – это уникальный феномен, соприкасаясь с которым человек буквально «входит в землю» и извлекает скрытое в ее недрах на поверхность. В онтологическом смысле шахта – это место встречи человека и первооснов, где проявляется фундаментальная зависимость бытия от природы. Для жителей Донбасса это становится экзистенциальным опытом: спуск в шахту – это погружение в «скрытое», а возвращение на поверхность – раскрытие мира. Таким образом, шахтёрский труд можно понимать как онтологическую метафору борьбы с закрытостью бытия и его раскрытия через труд.

П. Рикер рассматривает идентичность как повествовательную структуру. Человек существует в истории и через историю, которую он себе рассказывает. В этом контексте шахтерский труд может быть интерпретирован как нарративное ядро коллективной памяти Донбасса. Истории о шахтерских династиях, подвигах, авариях и спасениях образуют устойчивую культурную ткань. Эти рассказы становятся не просто хроникой, а способом идентификации: «мы – шахтеры, мы – люди труда и риска».

Таким образом, нарративная структура шахтерской памяти конституирует коллективное «мы», формируя идентичность как повествовательное бытие.

С позиций классической социологии Э. Дюркгейма можно сказать, что труд в шахте выполняет функцию ритуала: шахтер не только производит материальные блага, но и воспроизводит социальную солидарность. Каждый спуск в шахту – это акт коллективного преодоления опасности, укрепляющий связи внутри сообщества. На Донбассе это приобрело символический характер: шахтерская каска и кирка стали знаками принадлежности к «племени шахтеров».

Итак, шахтерский труд в Донбассе можно трактовать как онтологическую практику, где:

- земля (по М. Хайдеггеру) становится пространством экзистенциального испытания;
- нарратив (по П. Рикеру) закрепляет память и придает смысл труду;
- ритуал (по Э. Дюркгейму) воспроизводит социальную общность [4, с. 48].

Именно поэтому шахта – не просто место работы, а символический центр идентичности региона, связывающий онтологию (бытие), историю (память) и социальность (общность).

Региональная трудовая онтология также породила ценностную матрицу Донбасса, к основным элементам которой можно отнести следующие:

- солидарность как основу социального существования (шахтер никогда не работает в одиночку, его жизнь и безопасность нередко зависят от товарища);
- мужество и готовность к риску как добродетель;
- уважение к труду как высшая форма человеческого достоинства;
- идея равенства (в шахте все равны перед опасностью и стихией).

Не случайно именно шахтеры и образ «шахтерского братства» стали символом региона в XX веке. Их труд воспринимается не только как профессия, но и как онтологическая основа идентичности, позволяющая жителям Донбасса чувствовать себя частью особого мира, где труд, опасность и солидарность образуют фундаментальные основания существования. При этом следует отметить, что еще одной важной компонентой трудовой онтологии региона является труд металлурга.

Донбасс исторически оказался пространством культурного смешения. Русская, греческая, армянская и множество других традиций (в этническом плане жители Донбасса являются представителями более 130 этносов), элементы советской идентичности, а также локально-региональные особенности образуют сложный культурный синтез.

Пограничность в данном контексте понимается не как «недостаток» идентичности, а как ее сущностное основание [12, с. 126]. Жители региона одновременно принадлежат разным культурным мирам, что формирует специфическую гибридную идентичность [2, с. 207]. Она выражается в языке, символике, нарративах о прошлом и будущем. При этом Донбасс никогда не знал этнических конфликтов.

Онтологически Донбассу присуща такая особенность как «двойная укорененность», когда человек одновременно чувствует связь с разными культурными кодами, не разрушая при этом своего внутреннего единства.

Социальные формы идентичности Донбасса складывались через коллективный труд, общие испытания (войны, репрессии, кризисы) и соседскую солидарность.

Феномен «мы» здесь строится не только на этнических или национальных признаках, но и на совместно прожитом опыте. Важным онтологическим аспектом является то, что общность Донбасса проявляется через практики выживания и взаимопомощи, которые формируют уникальный способ бытия «вместе».

Заключение. Онтологический анализ позволяет рассматривать идентичность жителей Донбасса как многослойное явление, включающее историко-экзистенциальное, культурно-ценное и социальное измерения. Специфика донбасского региона заключается в феномене пограничности, который одновременно является и источником силы (гибкость, способность к синтезу).

Работа выполнена в рамках инициативной НИР «Экзистенциальный выбор Донбасса и будущее России: социокультурное измерение», № госрегистрации 124101500444-8.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – М.: Канон-Пресс-С; Кучковое поле, 2001. – 288 с.
2. Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 328 с.
3. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М., 1999. – С. 494–505.
4. Коржов Г.А. Региональная идентичность Донбасса: генезис и тенденции развития в условиях общественной трансформации // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2006. – № 4. – С. 38–51.
5. Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М. Франция-память / Пер. с фр. Д. Хапаева. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1999. – С. 17–50.

6. Рикёр П. Я-сам как другой. – М.: Logos, 2008. – 422 с.
7. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. – М.: Республика, 2000. – 644 с.
8. Хайдеггер М. Бытие и время. – Харьков: Фолио, 2003. – 503 с. – (Philosophy).
9. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ; Митгард, 2003. – 576 с.
10. Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии. – В 2-х ч. Ч. 1. – Москва, Берлин: Директ-Медиа, 2021. – 304 с.
11. Habermas J. Further Reflections on the Public Sphere // Calhoun C.J. Habermas and the Public Sphere. Cambridge Mass.: MIT Press, 1992. – P. 425–429.
12. Smith A.D. Myths and Memories of the Nation. – N.Y.: Oxford Univetsity Press, 1999. – 288 p.

Поступила в редакцию 29.09.2025 г.

IDENTITY OF DONBASS RESIDENTS: ONTOLOGICAL ASPECT

A. B. Klimenko

In the article the identity of Donbass residents through the prism of an ontological approach has been analyzed. The work examines the foundations of regional self-awareness, the phenomenon of borderline identity and identity crisis in the context of socio-political transformations. The author argues that the identity of Donbass has a multi-layered character: it includes a historical and existential dimension, cultural and value codes and socio-ontological practices. It has been emphasized that the identity crisis of the region is not only political, but also fundamentally ontological in nature, calling into question the ways of human existence in the “borderline” socio-cultural space.

Key words: Donbass, regional identity, culture, mining, borderline.

Клименко Алексей Борисович

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии
ФГБОУ «Донецкий государственный университет»,
Донецк, ДНР, РФ.
E-mail: aleks_klim09@bk.ru

Klimenko Aleksey Borisovich

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Chair of Philosophy
FSBEI HE «Donetsk State University»,
Donetsk, DPR. RF.
E-mail: aleks_klim09@bk.ru

ЧЕЛОВЕК И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В ПАРАДИГМЕ ДИАЛЕКТИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТ

© 2025 Ю. М. Лустин

ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского»

Актуализируется проблема диалектико-типологической взаимосвязи человека и гражданского общества посредством концептуального конструкта. В логико-когнитивном дискурсе такой существенности новизна исследования состоит в обосновании консолидирующего характера концептуального конструкта, отражающего, с одной стороны, содержательность диалектико-типологического формата взаимовлияния типологии (типа) человека и общества друг на друга. В видеоопределенном контексте такого взаимовлияния, с другой стороны, обнаруживается особая потенциальность конструкта в качестве интегративной формы единства типологических свойств человека и гражданского общества. В данном репрезентативном смысле логическим следствием становится понимание концептуального конструкта в качестве формосодержательной основы диалектико-типологического взаимодействия человека и гражданского общества во взаимоусиливающем аспекте их сущностной значимости, коммуникативной видоопределенности, социальной самоорганизации.

Ключевые слова: человек, общество, диалектико-типологическое, конструкт, концептуальное.

Введение. Современная цивилизация характеризуется непомерным ростом экономико-правовых, духовно-нравственных, антропо-культурных, политico-идеологических противоречий, которые детерминированы расширением границ экзистенциального кризиса человека, проявлением общественных трансформаций общепланетарного масштаба, игнорированием правительством ряда западных государств принципов конструктивного диалога в международном сотрудничестве. Отмечая конструктивно-созидающую перспективность развития мировой цивилизации, профессор Н.Н. Емельянова подчеркивает, что многополярный мир «исключающий диктат каких-либо супердержав, предполагает функционирование гибкой многокорневой системы, которая опирается на диалогическое взаимодействие различных силовых центров. Диалог необходим как на международном уровне, так и внутри отдельных стран и регионов, успешное развитие которых возможно только при условии взаимного сотрудничества» [1, с. 56]. В настоящее время мировому сообществу, как никогда, необходимо четкое понимание научно-прогностических критериев развития устоев многовекторной цивилизации, конструктивное видение достижимых путей совершенствования демократических отношений в гражданском обществе как самоорганизованной общности свободных граждан, проявляемых в деятельности созданных ими общественных объединений, организаций.

Сегодня человечество предпринимает усиленные попытки в расширении диапазона международной коммуникации, создании надлежащих условий в использовании принципов подлинной демократии, применяя при этом новые формы (виды) понимания общественных отношений, к которым небезосновательно можно отнести концептуальный конструкт познания человеческого бытия в диалектическом контексте социально-типологических, антропо-исторических отношений индивида и

общества. В этой связи, по мнению автора, в социальной парадигме научно-теоретического познания конструктивная явленность диалектико-типологического взаимодействия человека и гражданского общества обусловлена: а) необходимостью креативного осмысления проблемы целостного развития социального бытия акторов общественной практики; б) целесообразностью отбора концептуальных средств постижения реальности, адекватно отражающих социально-типологическую действительность; в) научно-концептуальным углублением предметного значения теории диалектико-типологического развития реальности; г) расширением предметного поля диалектико-типологического взаимодействия между социальными субъектами во всех сферах жизнедеятельности российского социума в условиях его противостояния вызовам глобальных проблем современности; д) инновационным расширением траектории развития типологии и типа российского гражданского общества, что направлено на формирование социальных идеалов, мировоззренческих убеждений, демократических ценностей, социокультурных интересов у субъекта цивилизационного созидания (Э.Р. Аракелян, В.Г. Баев, П.П. Баранов, Г.М. Барашков, В.Г. Воронкова, Е.В. Галкина, В.Ф. Горюхов, О.И. Ефимов, А.Ш. Жвитиашвили, С.Е. Жичкина, Н.И. Изергина, Н.А. Колесникова [2], Н.Н. Колосова, А.П. Кочетков, Г.К. Марзик, Ю.В. Микитюк, Д.Е. Музя [3], К.А. Назаренко[4], А.В. Петухов [5], К.В. Порошина, Ю.М. Резник, Е.Л. Рябова, Я.П. Харченко и др.).

Вполне очевидно, что теоретическая и практическая значимость концептуального конструкта связана с его особым статусом в модусах созидающей деятельности познающей личности. Высокий уровень деятельной устремленности человека зависит от его когнитивной способности верно отражать окружающий мир в логико-конструктивных реалиях образной, смыслообразной и мыследеятельной функциональности. Именно диалектико-типологический дискурс методологии социального познания способствует осознанному достижению высокого уровня эффективной деятельности человека в обществе, а значит, играет первостепенную роль в способе концептуальной реализации целей и задач практики.

Цель исследования: в контексте социально-философской методологии выявить некоторые когнитивные аспекты диалектико-типологической взаимосвязи человека и гражданского общества, определяющие роль и значимость концептуального конструкта.

Используются принципы отражения, подобия, причинности, сравнения, а также методы восхождения от абстрактного к конкретному, образно-типологического конструирования социальной реальности, репрезентативной контекстуальности.

Основная часть. В истории развития социально-философской мысли еще античными мыслителями (Платон, Сократ, Гераклит, Парменид и др.) уделялось первостепенное внимание проблемам социального общения, антропо-типологического единения людей в некую общность на основе гармонии душ, целей деятельности, волевой устремленности, благожелательности, этнорелигиозной принадлежности. К примеру, Аристотель глубинные генезисные истоки типологии отношений видел не столько в общении и дружбе, сколько в активной склонности человека к различным «образным универсалиям», интегративно определяющих его жизнедеятельность (эйдос, движение, взаимодействие, отношение, существование), подчеркивая: «движущее одно – предмет стремления. Ведь если бы двигали две способности – ум и стремление, то они двигали бы в силу какого-то общего им свойства (eidos). Ум же, совершенно очевидно, не движет без стремления (ведь воля есть стремление, и, когда движение совершается сообразно размышлению, оно совершается и сообразно воле) ... Поэтому приводит в движение всегда предмет стремления...» [6, с. 443]. Под предметом

стремления великий философ понимал некую универсальную склонность когнитивного свойства ума конструировать реальность и в качестве познавательной цели направляться к ней. Цицерон выделял гражданскую идентичность в виде фактора социального единения людей на основе их типологического разнообразия. Взаимодействие, с позиций трансцендентальной рефлексии в философии И. Канта, представлено как категория отношения, которая, опираясь на наличие имеющихся представлений, порождает единство вещей, явлений и процессов чувственного мира. Согласно философу, рефлексивный способ сравнения человеческих представлений концептуально соотносится не с наличным предметом, а с взаимодействующими друг с другом понятиями о нем. Ф. Энгельс, исходя из истинных материалистических воззрений, диалектически точно определял взаимодействие как абсолютно изначальную и относительно конечную причину всего существующего.

Безусловно, философско-концептуальный подход к объяснению природы социального общения людей, логико-когнитивного стремления понимающего мышления индивида к познанию всего Сущего в равной мере концентрируется вокруг проблемы диалектико-типологического взаимодействия человека с социальной средой его жизнедеятельности. Теория, обосновывающая концептуальность данного вида взаимодействия, преимущественно основана на принципе сходства, тождества (самотождества) и различия свойств человека и общества [7]. Она имеет объектологическую предметность, что актуализирует ее значение в познании разносторонних связей и многосвойственных отношений в парадигме «природа – человек – деятельность – познание – общество – культура». Объективность этой объясняющей теории отображает онтологическую корреляцию смысловых моментов единства человека и общества, базирующихся на таких фундаментальных концептах познания, как «диалектика» и «типология», «диалектическое разнообразие» и «типологическое многоподобие», композиционно взаимосвязанных между собой. В итоге системная упорядоченность этой взаимосвязи (взаимоотношения) концептуальна, так как предельно полно отражает социальный порядок взаимодействия человека и общества, а поэтому всесторонне направлена на консолидацию их сущностных сил, продуктивность деятельности. «Концептуальность предметной объективности теории диалектико-типологического развития реальности отражает смыслосоздательные формы единства человека и общества, конкретизирует процессуальность взаимодействия свойств объектов реальности в дискурсе их диалектического разнообразия и типологического многоподобия» [7, с. 235].

Разумеется, сложноорганизованная объективность взаимодействия социальных субъектов обнаруживает свою явленность с помощью некоего абстрактно-теоретического конструкта, определяющего конфигурацию (контур) диалектической связи их типологических свойств. По своей сущности конструкт является методологическим средством научного познания, которое способствует проникновению вглубь анализируемых процессов, явлений. В своей абсолютной данности конструкт есть конкретное понятие, которое обнаруживает свою содержательность благодаря объективной представленности реально существующих вещей, явлений, процессов в предметности их бытия. В этом смысле концептуальный конструкт объективирован функциональной мерой своей сущностной определенности, познавательно-организующей существенности, типологической многозначительности. Эта функциональность конкретизирует концептуальную статусность конструкта, которая редуцирует его предельно широкую способность в установлении и комплексной всеохватности явно существующих / неявно существующих связей и

отношений свойств как объективной, так и субъективной данности. Постижение человеком имманентной сущности свойств объективной и субъективной действительности происходит в соответствии с законами, методами, принципами науки, а также с использованием рефлексии как естественно-природного способа осмыслиения реальности бытия в его разнообразных модификациях и видоизменениях. С диалектической и лингвокультурной точек зрения процессуальность этого осмыслиения имеет трансформационный характер и осуществляется с использованием, прежде всего, таких базовых концептов универсального знания, как «природа», «человек», «общество», «отрицание», «диалектика», «противоречие», «развитие», «движение», «культура», «типология», «социальное», «причина», «следствие», «отношение», «снятие», «подобие», «воздействие», «взаимодействие», «взаимопроникновение», «трансформация», «консолидация», «объективное» и др.

Если это так, то конструкт имеет представленность в относительно широком плане своей концептуальной всеохватности в контексте целеопределенного развития форм социальной динамики, которыми являются взаимодействующие человек и гражданское общество. Исходя из этого установления следует, прежде всего, иметь в виду то обстоятельство, что, во-первых: «Концептуальность, по мнению автора, в своей методологической основательности и научно-теоретической значимости, смыслоопределенена единством концептов «диалектика» и «типология», принципов отражения, развития, дополнительности, значимость которых детерминирована модусом проявления свойств объективной и субъективной реальности в однозначной причинности и многозначных следствиях, а также, в многозначной причинности и однозначном следствии. Проявление этих свойств отражено в различных формах мыслительной деятельности человека» [8, с. 60].

Во-вторых, и это нельзя не отметить, в своей консолидирующей существенности концептуальный конструкт отражает логико-когнитивный дискурс взаимосвязи человека и гражданского общества, конкретизируя их непрерывное взаимодействие в качестве взаимообусловленных и развивающихся сущностей. Человек и гражданское общество постоянно находятся в процессе трансформации, в котором каждая из сторон, влияя на другую, редуцирует новые формы, форматы, свойства и качества совместного бытия, в том числе, социально-гражданской и общественно-демократической характеристики.

Из сказанного выше следует, что в своей консолидирующей характерности концептуальный конструкт объективно отражает:

а) коммуникативную видоопределенность общественного взаимодействия, которая выступает обязательным условием причины и логическим следствием интеграции демократических целей, средств и результатов деятельности человека и общества, их намерений, возможностей и устремлений гражданско-правового характера;

б) функциональную конкретность коммуникативного взаимодействия между социальными субъектами, которая детерминирована характером интерсубъективных отношений, ценностными принципами верховенства права, народного суверенитета, реальной защиты прав и свобод граждан, прямо или косвенно определяющих их место и роль в среде общественного созидания;

в) сущностную значимость прообразов (прототипов) элементов изменчивости и устойчивости социального пространства, в котором закономерно объективируется потенциальный уровень антропо-социальных, диалектико-типологических, логико-когнитивных, эмотивно-психологических отношений человека-гражданина и реального демократического общества;

г) особый смысл концептуального понимания интегративной составляющей диалектико-типологического взаимодействия как не только одного из основных факторов человеческой жизнедеятельности, но и средства реализации абсолютно всех видов общественных отношений (материальных, духовных, социальных). В этом плане концептуальный конструкт, во-первых, обнаруживает себя в качестве рационального / нерационального способа отношений людей в социальной среде, что неминуемо предполагает наличие соответствующего диалектико-типологического уровня взаимодействия между ними. Во-вторых, интеграционный вектор концептуального конструкта обладает возможностью обнаруживать новые основания для понимания человеком действительности, что способствует достижению высокого уровня развития его мировоззрения, интеллекта, политической убежденности, «социализированной сущности», морально-деловых компетенций в культуре гражданского общества.

Стоит особо подчеркнуть, что именно диалектико-типологическое взаимодействие социальных объектов и субъектов постоянно образует новые элементы своей взаимообусловленности, способствуя тем самым созданию структурообразующей системы социальных связей, приоритетов социальной мобильности в общественной среде. Данное утверждение редуцирует понимание концептуального конструкта в когнитивном дискурсе объект-субъектного, субъект-субъектного и субъект-объектного взаимодействия на фундаментальной основе диалектического развития типологических свойств человека и общества, самосовершенствования демократических процессов в государстве.

Как выявило исследование, в контексте социально-философской методологии логико-когнитивный дискурс обоснования консолидирующего характера концептуального конструкта имеет двухстороннюю значимость. Так, с одной стороны, концептуальный конструкт принципиально отражает содержательность диалектико-типологического *формата* взаимовлияния типа (типологии) общества и типологии (типа) человека друг на друга.

Система гражданского общества представляет собой сложное образование. Взаимосвязь типа гражданского общества и типологии человека-гражданина представляет собой имманентную основу существования демократического государства. Сильное и развитое гражданское общество является индикатором демократического развития и ключевым фактором устойчивого прогресса. Тип гражданского общества концентрирует в себе когнитивный потенциал сущностных сил гражданина, который проявляется в социальной культуре его долженствования и сознательного отношения к проблемам государственного уровня, коммуникативной самоорганизации, личностного роста. Об этом свидетельствуют многочисленные факты объединения граждан в некоммерческие организации, фонды, ассоциации для решения злободневных социальных, культурно-национальных проблем, контроля над властью и продвижения интересов через коммуникативную среду своей самоорганизующей сущности. По этому поводу профессор А.Б. Шатилов справедливо утверждает: «...в последние годы под влиянием внешних и внутренних факторов в России возник особый тип гражданского общества, ориентированный на содействие государству в реализации его полномочий, но при этом сохраняющий по отношению к нему определенную автономность и даже «конструктивную критичность»» [9, с. 13].

Наличие конструктивной оппозиции, стремящейся к развитию информационного общества через «властный диалог», позволяет государству разрабатывать не только различные модели гражданского поведения на основе существующей коммуникации, но и определять эффективные стратегии повышения патриотической активности,

развития гражданского образования и формирования ответственности каждого за судьбу страны. Поддержка и развитие активных и сознательных граждан является залогом устойчивого и процветающего общества, определяющим фактором высокого уровня коллективного общения, коммуникативной самоуправляемости и социальной самоорганизации в нем. Данные утверждения совпадают с мнением А.В. Камарали в том плане, что в современном «информационном обществе будет формироваться тип человека с информационным образом жизни: способного оперировать самыми совершенными, тонкими технологиями, перенявшего и создающего традиции информационной цивилизации. Логично предположить, что такой человек, «гомоинформатик», должен отличаться не только высоким уровнем культуры информационного поведения, высококачественной информационной деятельностью, но и особым информационным мировоззрением» [10, с. 40]. Как следствие, типология человека-гражданина – это одно из основных качеств субъекта социальности. Это качество способствует интеллектуальному самоутверждению его желаний и намерений, основанных на уровне осознанности гражданских прав и обязанностей, глубокого понимания сущности конституционных принципов демократии в России.

С другой стороны, в видеоопределенном контексте такого взаимовлияния обнаруживается особая потенциальность концептуального конструкта в качестве интегративной формы содержательного единства типологических свойств человека и гражданского общества. Следуют особо подчеркнуть, что гражданское общество создает среду равных возможностей. В демократическом пространстве находит свое истинное проявление диалектически активная и общественно типоопределенная деятельность абсолютно равноправных и свободных людей. Эта коренная особенность диалектико-типологического взаимодействия человека и гражданского общества способствует сохранению общественного равновесия в социальной среде, находясь при этом в парадигме постоянных видоизменений, но не теряющая при этом своего цивилизационного вектора развития [11].

В данном репрезентативном значении и в контексте проявления всеобщего принципа диалектического единства типологий природы, человека, общества и культуры закономерным становится понимание концептуального конструкта как *формосодержательной основы* диалектико-типологического взаимодействия человека и гражданского общества во взаимоусиливающем аспекте их сущностной значимости, коммуникативной видеоопределенности и социальной самоорганизации. Эта онтологически наполняемая сущностная сторона концептуального конструкта, во-первых, конкретизирует его многофункциональную статусность в установлении необходимых связей, отношений и опосредований между человеком и обществом в предельно широком спектре всеохватности их бытия. Во-вторых, процессуальная конкретность и социально-методологическая направленность концептуального конструкта определяет разнообразные коммуникационные модели (концепт-информационные схемы, интеракционные алгоритмы, интенсиональные конфигурации – автор) концептуально-типологического взаимодействия в формате «природа – человек – общество – культура». В-третьих, объективность концептуального конструкта имеет консолидирующий характер, чем способствует культурно-исторической, антропо-психологической универсализации общественного бытия, созданию всех условий для реализации стратегии государственной политики в оптимизации всех сфер жизнедеятельности социума (экономической, духовно-нравственной, политической, религиозной, этнонациональной и др.).

Заключение. Социально-культурные отношения между человеком и гражданским обществом отражают концептуальный конструкт их диалектико-

типовогического взаимодействия. Консолидирующая направленность концептуального конструкта сопряжена с законами и принципами диалектики, типоопределенными способами его проявления в социальном пространстве личности и общества, что раздвигает границы полисубъектного взаимодействия между людьми, оказывают прямое, косвенное и опосредованное влияние на формирование, развитие, совершенствование человека-гражданина во всей полноте его бытия.

Перспективными направлениями дальнейших изысканий, углубляющими предметность диалектико-типологического анализа человека и гражданского общества, могут быть различные научно-теоретические, философско-методологические исследования, направленные на: а) методологию диалектико-типологического познания свойств человека и общества; б) развитие философско-психологического знания о логико-когнитивной потребности человека в целостном восприятии реалий социального бытия; в) реализацию диалектико-типологических идей конструктивно-смысlovой специфики в дихотомии: «тип общества – типология человека»; «тип общества – типология социальной деятельности личности» в парадигме социальной трансформации; г) анализ конструктивной динамики общественных процессов в дискурсе закономерностей социально-философской рецепции; д) разработку методологических положений, раскрывающих диалектический аспект типологии социальной конвенции, антропо-культурной конвенциональности в структурах общественного бытия; е) совершенствование методик по созданию и реализации экспликативных моделей (схем, контент-алгоритмов, интенсионал- и экстенсионал-конструктов) эффективной трансформации социокультурных процессов современности. Для реализации этих направлений, по мнению А.В. Тиховодовой, есть все условия: «Специфика становления и развития гражданского общества в России, помимо множества современных факторов, во многом зависит от ее уникальных исторических и культурных условий. Это сравнительная молодость российской государственности, отличный от западного путь социального развития, перманентная geopolitическая угроза, культурно-духовное, религиозное наследие» [12, с. 68].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Емельянова Н.Н. Экзистенциальные ценности в философском дискурсе русского Возрождения // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Гуманитарные науки. – 2025. – № 2. – С. 56-63. – EDN: OSRJXL. – DOI: 10.5281/zenodo.16890671
2. Колесникова Н.А., Рябова Е.Л. Гражданское общество в современной России: монография. – Международный издательский центр «Этносоциум», 2016. – 266 с.
3. Музя Д.Е. Русская цивилизация в условиях стратегической нестабильности: поиск формулы самостояния. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. – 288 с.
4. Назаренко К.А., Колосова Н.Н. Становление гражданского общества в России: исторический аспект // Результаты современных научных исследований и разработок : Сборник статей XIII Всероссийской научно-практической конференции (Пенза, 27 мая 2021 г.). – 2021. – С. 106-109.
5. Петухов А.В., Демьянин Е.А. Гражданское общество: российская модель взаимодействия государства и социума // Регионология. – 2016. – № 3 (96). – С. 7-16.
6. Аристотель. Метафизика / Сочинения в четырех томах. Т. 1. Ред. В. Ф. Асмус. – М.: Мысль, 1976. – 550 с.
7. Лустин Ю.М. Теория диалектико-типологического развития реальности: концептуальность предметной объективности // КАНТ. – 2025. – № 3 (56). – С. 229-236. – EDN: NYZRNS. – DOI: 10.24923/2222-243X. 2025-56.35
8. Лустин Ю.М. Концептуальность как методологическое средство социального познания: новая парадигма понимания // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. – 2024. – Вып. 4. – С. 56–69. – DOI: 10.18101/1994-0866-2024- 4-56-69.
9. Шатилов А.Б. Гражданское общество в России: третий путь // Власть. – 2023. – Том 31.– № 4. – С. 9-14.

10. Камарали А.В. Концепция информационного общества // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Гуманитарные науки. – 2023. – № 4. – С. 39-43.
11. Lustin Yu. M. The concept of dialectical-typological Interaction between man and society: social and ontological foundations // Proceedings of the International Conference “Scientific research of the SCO countries: synergy and integration”. – Reports in English (August 27, 2025. Beijing, PRC). – P. 109-115.
12. Тиховодова А.В. Модели гражданского общества // Вестник ВГАВТ. – 2014. – № 39. – С. 61-69.

Поступила в редакцию 04.09.2025 г.

HUMAN AND CIVIL SOCIETY IN THE PARADIGM OF DIALECTICAL-TYPOLOGICAL INTERACTION: CONCEPTUAL CONSTRUCT

Yu. M. Lustin

The problem of the dialectical-typological relationship between a person and civil society is being actualized through the use of a conceptual construct. In the logical-cognitive discourse of this significance, the novelty of the research lies in the justification of the consolidating nature of the conceptual construct, which reflects, on the one hand, the content of the dialectical-typological format of the mutual influence of the typology (type) of a person and society on each other. In the specific context of this mutual influence, on the other hand, the construct reveals its potential as an integrative form of the unity of the typological properties of a person and civil society. In this representative sense, the logical consequence is the understanding of the conceptual construct as the formative basis of the dialectical-typological interaction between individuals and civil society in the mutually reinforcing aspect of their essential significance, communicative specificity, and social self-organization.

Key words: person, society, dialectical-typological, construct, conceptual.

Лустин Юрий Михайлович

Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и русской филологии,
ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет
экономики и торговли им. Михаила Туган-
Барановского», ДНР, РФ.
E-mail: lustin56@mail.ru

Lustin Yurii Mikhailovich

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Philosophy and Russian Philology, Donetsk National University of Economics and Trade named after M. Tugan-Baranovsky, DPR, Russian Federation.
E-mail: lustin56@mail.ru

ПСИХОДИНАМИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ МОТИВОВ, ФИЛОСОФИИ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ СМЫСЛОВ ЧЕЛОВЕКА В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ПРИ КРИЗИСНЫХ СОСТОЯНИЯХ

© 2025 Е. Г. Максименко, С. В. Руденко, И. В. Киселёва, Д. Р. Майстепанова
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

Статья посвящена анализу философских концепций в аспекте трансформации и реконструкции мотивов, экзистенциальных смыслов, философии направленности жизни человека и поиска новых путей решения в условиях переживания кризисных ситуаций. Отмечается, что переживание жизненного кризиса оказывает воздействие на выбор человеком своего будущего, поиска смысла существования. Фактором успешности переживания рассматриваются адаптивные способности, целенаправленность, осознанность и реалистичность при решении задач, рефлексивность, сила и интегрированность «Эго». Авторы отмечают инвестицию генетического фактора, здоровья родительского вклада, воли и желания, образования индивидуума в конструктивную направленность жизненного пути, баланс которых определяет ориентиры и субъектную активность в процессе саморазвития. Процесс позитивной дезинтеграции и вторичной интеграции психики рассматривается как концептуальный подход в оказании психологической помощи личности, пережившей кризисную ситуацию. Предлагается авторская методика первичного интервью, запускающая процессы реконструкции мотивов и жизненных смыслов человека.

Ключевые слова: экзистенция, личностный смысл, жизненный путь, позитивная дезинтеграция и вторичная интеграция психики.

Введение. В 2014 году психологи Донбасса столкнулись с психологическими последствиями военно-гражданского конфликта между жителями региона и националистической властью Украины. Пролонгация конфликта спровоцировала разделение республики на две стороны, одну из которых уже более 10 лет контролирует Киев, наполняя жителей русофобскими и националистически-ориентированными установками. 10 лет – это большой период в жизни конкретного человека, его семьи. Мы понимаем, что потребность выжить обуславливает адаптацию к различным жизненным сферам, включая ценности и смыслы. Сегодня многие из граждан, оказавшиеся по разным причинам по другую сторону конфликта, возвращаются в Донецкую Народную Республику, что ставит перед нами новую задачу ассимиляции в исторически традиционную среду. Актуальным и в то же время сложным становится вопрос о том, как сделать очередной поворот на 180 градусов для этих людей конструктивным в плане их ресоциализации и реинтеграции, принимая во внимание опыт их переживаний: потерю близких, имущества, работы, здоровья, а также вынужденный отказ от этнических корней и традиций.

Данные вопросы подводят нас к размышлениям о концепции психологической помощи в аспекте психолого-философской антропологии. Основное внимание в данной работе мы считаем необходимым уделить психодинамической реконструкции мотивов, философии и экзистенциальных смыслов человека при оказании психологической помощи в кризисных состояниях.

Основная часть. В современной философии, в русле таких направлений, как феноменология и экзистенциализм, категория «экзистенция» служит для описания особого модуса человеческого бытия. Это бытие характеризуется не как статичная данность, а как непрерывное становление – «живая» и текучая процессуальность. Оно

представляет собой открытую динамическую реальность, лишенную изначально заданной природы. Как подчеркивал Ж.-П. Сартр, такая реальность обречена себя «ожидать» и «делать», поскольку в её случае существование действительно предшествует сущности [3, с. 1248]. Ключевой чертой экзистенции как внутреннего онтологического устройства человека является ее принципиальная незавершённость. Это существование, которое постоянно пребывает в состоянии становления, осознавая как окружающий мир, так и собственную природу. Экзистенциальная природа человека проявляется в необходимости совершать постоянный выбор, который направлен на реализацию личностных возможностей и конструирование собственного будущего. Таким образом, индивид непрерывно доопределяет себя через действия и решения в мире. Этот тезис демонстрирует концептуальное сходство между экзистенциальной философией и гуманистической психологией. Оба направления видят в человеке не пассивный объект, а активного творца собственной жизни, находящегося в процессе непрерывной самоактуализации и ориентированного на установление гармоничных и альтруистических отношений с окружающим миром.

Согласно позиции Ж.-П. Сартра [9], экзистенциальные переживания представляют собой непосредственное проживание человеком своего бытия, ключевыми атрибутами которого выступают страх, тревожная неуверенность перед лицом грядущего и переживание всеобщей бессмыслицы существования. По словам автора, человек помещён в эту «мутную бессмыслицу существования», при этом только в таких неблагоприятных условиях, в мире негативного и бессмысленного он может обрести свободу и избавиться от зависимости от чего или кого-либо. Феномену «бытия-в-себе-вещей» противостоит феномен «для-себя-бытие-человека» – и их разделяет небытие, ничто. Сущность человека – то, что он умеет делать из своего существования во встречающихся ему ситуациях. Его «для-себя-бытие» заключается в постоянном проектировании собственной самости.

Переживания, эмоции, чувства являются необходимым фактором выживания, позволяющим подготовиться и отреагировать на критическую ситуацию. Ф. Василюк [2], обсуждая проблему процесса переживания, связывает этот процесс с механизмами психологической защиты. Продуктивное совладающее поведение, ведущее к успешному переживанию трудной ситуации, проявляется в ряде ключевых характеристик субъекта. К ним относятся развитые адаптационные способности, умение действовать целенаправленно и осознанно, а также готовность принимать и анализировать объективную реальность. Кроме того, успешное совладание подразумевает реалистичный и логически обоснованный подход к решению практических задач, а также развитые коммуникативные навыки.

В тех случаях, когда человек не успевает проанализировать уровень сложности ситуации и собственные возможности, включаются психические автоматизмы (инстинкты, аффекты, механизмы психологической защиты и пр.). В ситуации, когда осознанный анализ обстановки и собственных ресурсов затруднён, психика индивида активирует привычные, часто непродуктивные паттерны реагирования. Эти автоматизмы, такие как отрицание, вытеснение или избегание травмирующей информации, приводят к поведению, которое игнорирует целостность контекста и отличается нереалистичностью. В межличностной сфере это может проявляться в регрессии к инфантильным потребностям: в поиске гиперопеки со стороны значимых фигур и одновременно в стремлении к изоляции от общества, что в крайних случаях достигает уровня социофобии. Подобный дисфункциональный комплекс реакций закономерно способствует формированию невротической симптоматики. Итогом такого внутреннего конфликта становится глубокое,

ошеломляющее переживание экзистенциальной пустоты, ощущение личной несостоятельности и бессмыслицы существования. Это аффективное состояние находит выход в многообразных деструктивных формах – от тотального самоотвержения до полного неприятия окружающих. При этом ничто не имеет смысла. Соответственно, смерть выступает как бессмысленное окончание бессмысленного существования. Как отмечает Э. Эрикссон, «отсутствие или утрата интеграции «Я» выражается в страхе смерти: единственный и неповторимый жизненный цикл не принимается как завершение жизни. Отчаяние выражает сознание того, что времени остается мало, чтобы начать новую жизнь» [15, с. 258].

Экзистенциальные переживания личности могут как оказывать терапевтическое воздействие на психику, развивая рефлексивное отношение к себе, к жизни, к миру, так и дефрагментировать структуру психики, формируя тенденцию психологической импотенции, самодепривации, психологической смерти [7]. Конструктивный результат определяется готовностью человека к деятельным активным изменениям, рефлексивному отношению к жизни.

Развитие механизмов рефлексии рассматривается в концепции онтогенетического развития субъективной реальности В. Слободчикова. Согласно данной теоретической позиции, рефлексия трактуется как фундаментальная способность, присущая исключительно человеку. Благодаря этой способности индивид получает возможность объективировать для критического осмыслиения и последующего изменения собственный внутренний мир: свои мысли, аффективные состояния, поступки, межличностные отношения – то есть всю целостность своего «Я» [6, с. 288]. Такую интерпретацию можно соотнести с идеей способности субъекта к дистанцированию от самого себя, другими словами – самоотстранению как одного из основополагающих антропологических параметров человека [10]. В. Слободчиков анализирует феномен рефлексии с точки зрения разрыва в жизненном потоке, внутри которого реализуется обыденное ежедневное существование человека; также автор подчёркивает умение отнестись к своей жизни в целом, во всем ее многообразии, реализовать ценностно-смысловое самоопределение по отношению к ней.

В. Слободчиков [6] предлагает термин «со-бытийная общность». Данное понятие опирается на принцип неслияности и нераздельности. Суть принципа в том, что люди в социуме – вместе и, в то же время, каждый уникален, самобытен. Причем сама по себе эта со-бытийность не складывается. Чтобы объединиться по данному принципу, люди должны приложить усилия. В противном случае они попадают либо в симбиотическую общность, либо в формальную структуру. Таким образом, оба сценария ведут к утрате подлинного «Я». В первом случае нивелируется уникальность и самобытность личности, она как бы растворяется в массе. Во втором – индивид превращается в изолированный социальный атом, что сопровождается процессами глубокого обезличивания и деперсонализации.

Итак, именно способность к целеполаганию, внутренняя активность и глубина рефлексивного процесса выступают ключевыми факторами, которые формируют смысловое и онтологическое измерение личности. Эти элементы в своей целостности позволяют приоткрыть и понять подлинную сущность человеческого бытия.

Онтологический вопрос является одним из важнейших в теории и практике экзистенциальной философии (А. Баранников [1], Э. Гуссерль [3; 4], В. Франкл [10], М. Хайдеггер [12], К. Ясперс [17] и др.).

Повседневное существование в экзистенциальном измерении сопряжено с необходимостью постоянно отвечать на вызовы, которые бросает жизнь. Подобная

участь может казаться обыденной и неизбежной данностью человеческого удела. Однако погружение в онтологическую сферу, насыщенную духовно-религиозным или мистическим содержанием и дистанцирующую от сиюминутной реальности, может привести к двойному отчуждению: не только от конкретики повседневного бытия, но и от собственной сущности.

Согласно теории В. Франкла [10], человек может быть собой, если включается во что-то, живет ради чего-то. Попадая в кризисную жизненную ситуацию субъект ощущает некоторую ирреальность окружающей действительности. Человек страдает от болезни, неудач, потерь и становится заложником своих страданий: «значит так начертано судьбой». Преодоление экзистенциального страдания зачастую оказывается недостижимым по причине утраты человеком способности к трансценденции – выходу за пределы актуальной ситуации. Именно эта способность, как отмечает Р. Мэй [8], составляет фундамент подлинной человеческой свободы. Попадание в онтологическое пространство, как встреча с собственной самостью, есть способ устранения заблокированности переживаний. Субъект познает истинную реальность, позволяющую быть самим собой и жить ради себя-(своих принципов)-в-бытие. В фабуле экзистенциальных переживаний раскрывается суть запросов человека на психологическую помощь.

По мнению К. Хорни [13], психопатология возникает тогда, когда неблагоприятные обстоятельства препятствуют индивиду развивать заложенный в нем потенциал. Вследствие этого теряется образ потенциального «Я» и формируется другой образ – «Я идеального», к которому Эго и направляет свою психическую энергию. К. Хорни указывает на формирование у личности чувства глубокого отчуждения. Согласно ее концепции, это состояние является реакцией на внутреннее неприятие своего подлинного «Я», что влечет за собой вынужденное подавление истинных эмоций, стремлений и убеждений. Внутренний конфликт между различными модусами «Я» – актуальным (часто негативно воспринимаемым), подлинным (глубинным потенциальным «Я») и идеальным (желаемым образом) – порождает у личности интенсивное самоотвержение и ненависть. Основной источник этого чувства, как отмечается, кроется в болезненном осознании отступничества от своей истинной сущности. Преодоление таких чувств может происходить на протяжении всей жизни.

Исследовательские задачи обращают наше внимание в сторону человеческих переживаний в сфере воли и принятия решения. Согласно З. Фрейду [11], только желание приводит психический аппарат в действие, являясь своеобразным энергетическим топливом. Воля, без желания, запускает в действие механизмы сопротивления и психологической защиты, что тормозит природную активность человека и его работоспособность (энергичность).

Потребности каждого этапа в онтогенезе соответствуют задачам развития. Фruстрация потребностей со стороны родителей обуславливает развитие определенных психотипов личности. Например, гедонистическая направленность жизненных мотивов развивается как компенсация недополучения в детстве возможности ощущать удовольствие от игры, общения, совместной деятельности с матерью. Волевая регуляция у данного типа личности утрачивает продуктивную ориентацию. Ее проявления зачастую сводятся к немотивированному и деструктивному упрямству. Но и желания не отличаются целеустремленностью в будущее, они в принципе лишены ориентации на продуктивность жизни. Фактически человек оказывается в позиции отсутствия способности желать саморазвития.

Соответственно, воля и желание выступают как тесно взаимосвязанные процессы. Отсутствие желания автоматически отключает и силу воли как процесса

самоорганизации. И, наоборот, отсутствие целеустремленности показывает нарушение потребностно-мотивационного фактора, сбой жизненной ориентации, человек не знает, чего хочет в жизни, к чему ему стремиться. Акцентированное проявление воли или желания свидетельствует о работе компенсаторных механизмов. Как писал Р. Мэй, «если мы имеем только «волю» без «желания», то перед нами сухой, викторианский человек – новый пуританин. Если мы имеем только «желание» и никакой «воли», то перед нами управляемый, несвободный, инфантильный человек, который как «взрослый-остающийся-ребенком» может стать человеком-роботом» [8, с. 259].

Анализ теоретических исследований в сочетании с данными практики [7] указывает на корреляцию между интенсивным экзистенциальным переживанием фундаментальных вопросов бытия и развитием широкого спектра психических нарушений, спровоцированных хроническим стрессом или острой кризисной ситуацией. К числу наиболее распространенных последствий относятся депрессивные состояния, суицидальные мысли, а также различные тревожно-фобические расстройства.

В своей фундаментальной работе «Скорбь и меланхолия» З. Фрейд [11] интерпретирует депрессию как результат блокировки либидозной энергии. Согласно данной концепции, утрата значимого другого как объекта любви или источника удовлетворения порождает в субъекте агрессивные импульсы. Защитная структура «Эго», не имея возможности направить эту агрессию вовне, обращает её против самого индивида. Это депрессивное обращение усугубляется чувством вины (со стороны «Супер-Эго»), что приводит к самонаказанию, упрекам и принижению себя.

По мнению Л. Сонди [7, 14], существуют четыре фактора, определяющие выбор человека: 1) наследственность; 2) бессознательная защитная деятельность Эго; 3) социальное окружение; 4) мировоззренческое, ментальное окружение. Все четыре фактора определяют «навязанную судьбу». Каждый человек неизбежно усваивает особенности, формы судьбы или формы существования, которые ему были навязаны предками или исторической ситуацией, в которой он развивался. Тем не менее, в процессе жизни личность обретает способность к осознанию данных обстоятельств и, в рамках определённых границ, осуществлять собственный выбор, что можно охарактеризовать как «управляемый фатализм».

Благодаря сильному «Эго» субъект может прорваться через барьеры наследственности, инстинктов, социального и ментального окружения (эготропный выбор) и самостоятельно и свободно строить свою судьбу. Этот прорыв возможен, если человек способен участвовать в надиндивидуальной наделяющей смыслом (духовной) реальности, ощущая необходимость придерживаться философских, этических или религиозных ценностей.

Понимание судьбы в концепции Л. Сонди выходит за рамки трактовки её как внешнего принуждения. Он рассматривает судьбу также и как продукт воздействия определённых факторов, которые, парадоксальным образом, создают условия для обретения свободы. Таким образом, судьба предстаёт в двойном качестве: и как неизбежная данность, и как экзистенциальная задача, требующая решения. Таким образом, у человека есть не только судьба, но и несколько возможностей существования.

Для взрослого человека смысл жизни, его поиск являются магистральной жизненной позицией. Способ существования человека в мире – это непрерывное движение и развитие, что составляет суть экзистенции. Именно этот динамический процесс делает возможным открытие нового, обретение ценностей и конструирование

личностных смыслов. Застой движения может как создавать ощущение жизненного тупика, так и фиксировать достигнутое субъектом (обретение устойчивости). При визуализации собственного жизненного пути участники (протагонисты) нередко прибегают к определённым символическим образам: спирали, лестничному пролёту, извилистой горной тропе. Эти метафоры передают идею нелинейного развития, сопряжённого с периодами восхождения и спада.

Комплекс черт, включающий перфекционизм, жесткую самокритику, завышенные требования как к себе, так и к окружающим, а также ригидную убеждённость в необходимости соответствовать внешним стандартам и ожиданиям, указывает на глубокую интернализацию родительских идеалов. Достижение этих интериоризированных стандартов превращается для личности в сверхценную, всепоглощающую жизненную цель. Подобные ригидные установки становятся прямой причиной экзистенциальной фрустрации. Это состояние возникает как следствие глубокого внутреннего конфликта между усвоенными ценностями и нравственными императивами.

В концепции Л. Сонди [7, 14] (рис. 1) судьба понимается как совокупность всех потенциальных экзистенциальных траекторий человека. Эта совокупность формируется под влиянием двух ключевых детерминант: факторов внешнего и внутреннего принуждения и «свободной судьбы» – способности к самостоятельному выбору.

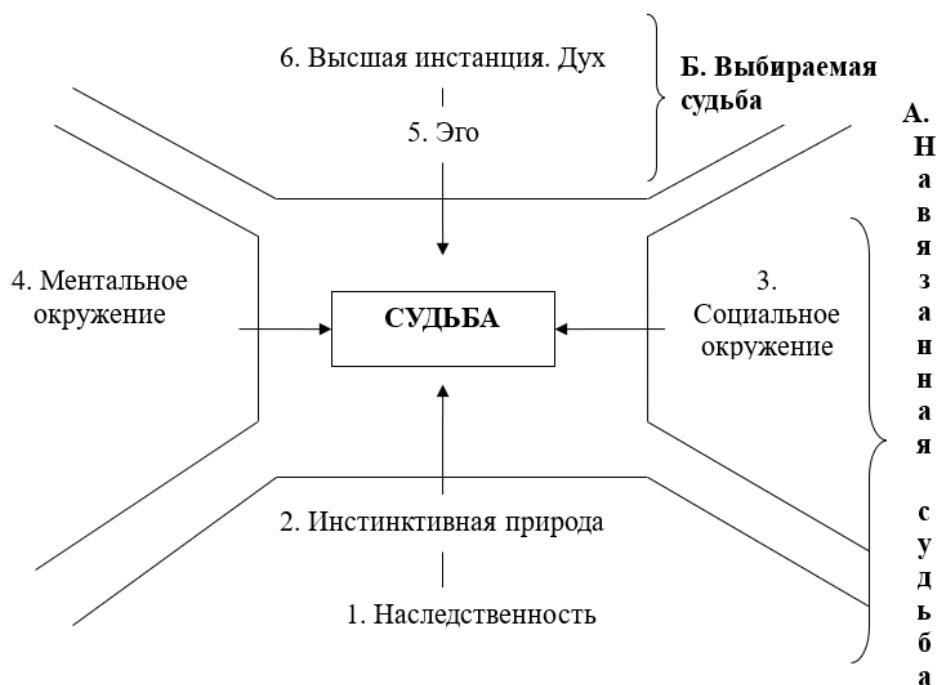

Рис. 1. Факторы, определяющие выбор судьбы по Л. Сонди.

На рис. 2 метафорически изображены варианты жизненного пути личности. Онтологическое пространство личности графически очерчивается системой координат. Его центр символически соответствует исходной точке жизненного пути – моменту рождения, который служит точкой отсчета для всех последующих экзистенциальных координат. Направление этих траекторий детерминировано комплексом факторов, включающим генетическую предрасположенность, состояние здоровья, а также влияние социальной среды и ментального окружения индивида.

Рис. 2. Варианты жизненного пути личности в онтологическом пространстве

Стрелка 1 – пример жизненного пути самоактуализирующейся личности, способной к продуктивной деятельности и конструктивным коммуникациям. Либидная энергия заботливых и ответственных родителей, их духовность и нравственность, искренний интерес к растущему человеку, наполняют психику ребенка устойчивыми же конструктивными родительскими интроектами, жизнеутверждающими взглядами и принципами, стремлением к познанию и освоению нового, без страха совершить ошибку, высокими морально-нравственными ценностями – формируется человеко-созидающий. Процесс и результат в неразрывном причинно-следственном соотношении.

Стрелка 2 символизирует путь личности с недостаточным здоровьем или слабой наследственностью. Благоприятная (либидная) среда создает условия, препятствующие регрессу личности. Напротив, она способствует ее продвижению по пути самоактуализации, стимулируя развитие здоровых потенциалов – интеллектуальных, эмоциональных и физических.

Стрелка 3 символизирует жизненный путь, детерминированный деструктивными (мортидными) тенденциями с самого рождения. Этот сценарий характеризуется родительской депривацией, глубоким чувством отчуждения и переживанием собственной нежеланности в семье. В этом случае, актуализация происходит со знаком «минус». Даже акт рождения на схеме по горизонтали может быть левее, чем в норме. Пренатальный этап развития также может быть отмечен негативными переживаниями (такими как чувство нежеланности). Согласно исследованиям С. Грофа [5], подобный опыт способен оказывать влияние на физиологическом уровне, что проявляется в нарушенном, патологическом прохождении так называемых перинатальных матриц. Травматический опыт рождения и последующее негативное самовосприятие подвергаются процессам интроекции, а затем проецируются вовне – на общество в целом. Индивид выбирает асоциальный путь, достигая в своем мире определенного «положения». Однако чувство общности, созидания, продуктивности не только для себя, но и для окружающих этому субъекту не ведомо. Ценности мортидной личности всегда будут маскировкой внутриличностных конфликтов, представляя собой псевдоценности, ярким примером которых В. Франкл называл фанатизм [10].

Стрелка 4 добавляет к вышеописанному (стрелка 3, см. рис. 2) физические недостатки, врожденные или приобретенные в раннем детстве. Отличие от стрелки 2 состоит в том, что значимое для данной личности окружение не оказалось поддержки. Индивид не получил шанса конструктивного развития в детстве.

Стрелка 5 демонстрирует сложный путь регресса личности, блокирование развития которой произошло в ментальном периоде жизни. Взрослеющий человек в таком случае ощущает вакуум, дистанцию с социумом, непонимание со стороны других людей. Причинами такого кризиса могут стать как внешние обстоятельства – разрыв значимых отношений, безответное чувство, жесткая критика или обесценивание со стороны окружения, – так и внутренние факторы. К последним относятся интровертированные родительские ожидания и идеалы, стремление к которым разрушает веру в собственные силы и лишает надежды.

Вариантов жизненных линий гораздо больше. Даже при схожих стартовых условиях траектория жизни может кардинально измениться под воздействием единственного, но ключевого фактора – точки бифуркации. Этот переломный момент, возникающий в конкретное время и месте, способен оказать решающее влияние на последующий выбор индивида и определить все его дальнейшее движение.

Поиск смысла жизни, мысли о смерти создают некую пустоту в движении человека: ощущение потери самости, «утраты души», регресс в символическую утробу, как способа защиты. Вместе с тем, через осознание границ и содержание жизни, через переживание психологической смерти наступает прорыв и новое возрождение.

На наш взгляд, некоторые части «Эго» должны пережить символическую смерть, чтобы произошло значимое изменение и исцеление. Процесс успешного анализа психотравмированных индивидов включает в себя смерть негативных родительских интровертированных и возрождение заново построенного «Эго», связанного с истинной самостью человека. В концепции академика Т. Яценко [18] данный процесс носит название позитивной дезинтеграции и вторичной интеграции психики субъекта. Т.С. Яценко придает ему основное значение в процессе глубинно-психологического анализа личности. По силе и времененным параметрам процессы дезинтеграции и интеграции психики должны иметь обратную связь.

Глубинное самораскрытие происходит пошагово, постепенно, так, чтобы субъект не пожалел о своей открытости. Очень важно, на начальных этапах работы, когда происходит процесс «размораживания», не спешить с интерпретациями, способными вызвать сопротивление, а дождаться момента возникновения у анализанта чувства принятия и доверия, как со стороны терапевта, так и в себе самом. Он должен ощутить себя в безопасности. С этого момента начинается процесс позитивной дезинтеграции психики. Глубинно-психологический анализ способствует ослаблению связей между вытесненным психическим содержанием и постепенному осознанию травмирующих переживаний. Происходит «расчистка запруженности» бессознательного психики и одновременно расширение опыта взаимодействия с другими людьми.

Процесс позитивной дезинтеграции у каждого человека индивидуален по времени и зависит от количества, уровня выраженности вытесненного психологического содержания. Согласно Т. Яценко, психодинамическая терапия с помощью арт-техник (комплекса тематических психорисунков, построения пространственных моделей из игрушек, цветных камней, кубиков, песка и др.) позволяет полностью дезинтегрировать деструктивные связи внутрипсихических конструктов и освободить энергетический потенциал для процесса интеграции психических структур и формирования целостности психики.

О начале процесса дезинтеграции могут свидетельствовать специфические эмоциональные состояния субъекта. К ним относятся интенсивный страх, переживание

стыда и смущения, чувство потери почвы под ногами, а также глубокая неудовлетворённость как собой, так и процессом терапии. Показателями интеграции на более высоком уровне развития есть расширение самосознания, способность к самоанализу, рефлексии, сензитивности, пониманию роли детства в определении глобальных жизненных установок, способность к принятию и самопринятию и др. Ослабление и переработка деструктивных тенденций способствует становлению вторичных интеграционных процессов, что приближает субъекта к психическому здоровью, чувству идентичности.

Опираясь на вышеперечисленные концепции и собственный практический опыт, отметим, что психодинамический подход в работе с кризисными состояниями, предполагающий реконструкцию жизненного пути человека в первые недели после пережитых психотравмирующих событий наиболее эффективен в долгосрочной перспективе. Стратегической мишенью воздействия будут выявленные в ходе психоаналитической беседы ранние детские переживания.

Необходимым элементом остается фактор доверительных отношений с клиентом, которые нужно установить настолько близко, насколько это возможно. Формирование базового чувства доверия и безопасности – необходимое условие успешной работы с кризисным клиентом. Установление контакта, первичное интервью и в обычной терапевтической ситуации часто вызывает сложности, особенно у начинающих терапевтов, а в условиях чрезвычайных событий приобретает характер закрытых вопросов и однозначных ответов. Очень сложно подобраться к человеку, который находится в состоянии шоковой травмы или переживания острого горя. Поэтому возникла необходимость в поиске или создании эффективной методики начала общения с клиентом. С данной целью в нашем исследовании применяется авторская методика «Карта жизненного пространства» [7].

Немного выше центра листа бумаги размером А4 психотерапевтом рисуется небольшой овал, внутрь которого вписывается имя и возраст клиента. На следующем этапе клиенту предлагается представить, что лист бумаги является метафорой его жизненного пространства, в котором могут быть размещены значимые люди или сферы интересов. Вопрос: «Кого или что Вы чувствуете рядом с собой?». Находясь в тревожном, подавленном, депрессивном состоянии, клиент может сказать: «Никого нет. Я – один». Дальнейшие вопросы не будут отличаться от обычных вопросов первичного интервью. Например: «Как давно Вы чувствуете, что Вы – один?». Постепенно лист начинает отражать психологическую информацию об актуальной жизни человека.

Методика дает возможность не только увидеть клиенту собственную жизненную ситуацию со стороны, объективировать ее, но и понять некоторые ее особенности, сформулировать запрос. Человек, а не проблема в центре нашего исследования. Система отношений с близкими и значимыми для него людьми разворачивается за очень короткий период времени, как некий срез жизни в настоящем, наполненный определенными эмоциями и переживаниями.

Интерпретация полученной схемы основывается на анализе пространственных и символических отношений между объектами. Ключевыми параметрами для анализа являются: расположение на листе, а также тип соединительных линий (сплошная, пунктирная или их отсутствие). Важное диагностическое значение имеет состав представленного социального круга: присутствие или отсутствие в нем членов семьи (родителей, супруга, детей), включение значимых лиц, не связанных объектными отношениями (друзей, коллег, знакомых, домашних животных), а также символическое присутствие умерших людей, сохраняющих особый эмоциональный вес для клиента.

Методика позволяет исследовать горизонт жизненного пространства здесь-и-сейчас, одновременно происходит снижение тревоги у человека, которая часто обусловлена необходимость рассказывать о себе и своей проблеме; подойти к проблеме опосредованно и вместе. Происходит совместный процесс, в котором собираются факты, которые выстраиваются в определенную концепцию жизни клиента. Негативные переживания переносятся на лист бумаги. Эмпатия и активное слушание терапевта, искренний интерес, внимательность к мелочам обеспечивают необходимый уровень доверия.

Визуализация жизненного пространства создает возможность увидеть клиенту свою жизнь, отношения опосредованно, через абстрактные схематические формы, им самим эмоционально окрашенные и получившие, в связи с этим, особый статус и смысл. Помогает выйти как на возможные точки опоры, так и на источник напряжения, выделить зону конфликта, определить актуальную проблему и построить гипотезы для дальнейшей работы. Мы, таким образом, создаем благоприятные условия для психотерапевтического процесса. Работа над картой проводится от 15–20 мин до часа.

Заключение. Согласно психолого-философской антропологии, ориентация человека на поиск новых возможностей для личностного роста, понимания и определения себя в мире – основа формирования самоактуализирующегося творца с альтруистичным подходом к миру. Адаптационные способности субъекта развиваются вследствие «успешности» переживаний как результата продуктивной деятельности и общения. Важна связь «успешных» переживаний с реалистичностью практической задачи, дедуктивностью в рефлексии и собственными возможностями. Связь, которая начинает формироваться в раннем детстве во взаимодействии с матерью или лицом, ее замещающим. Готовность к принятию любого результата деятельности и общения есть положительное следствие данного процесса.

В процессе психотерапии необходимо принимать уникальность и самобытность каждого человека, помогая приобретать этот навык ему самому, однако условием процесса будет рефлексия на тему взаимоотношений с близкими, поиска путей оптимизации этих отношений. Завершенность рефлексии отразится в смысловом и онтологическом пространстве человека, в его «Я-реальном» как индикаторе самоотношения, открывая направление жизненного пути.

Проживание в условиях военного конфликта пробуждает ранние детские переживания, связанные со страхом смерти, ненужности, беспомощности. Личность, базовые потребности которой были фruстрированы в детстве по разным причинам, в ситуации, даже опосредованно опасной для жизни, будет реагировать на уровне ярко выраженной паники или агрессии. Тревога и чувство одиночества становятся постоянными спутниками эмоциональной жизни человека.

Переживание деструктивных чувств, связанных с детской историей, позволяет значительно снизить уровень тревоги и страхов взрослого человека и вывести его из острого кризисного состояния. Особую роль в психотерапевтической работе с пострадавшими создает искренний интерес психотерапевта к жизни клиента и доверительная психологическая атмосфера внутри психотерапевтического процесса, что способствует формированию чувств безопасности и принятия – именно тех базовых паттернов, которые лежат в основе адаптивного поведения человека.

Авторская методика «Карта жизненного пространства» посредством собирания концепции жизни индивидуума позволяет определить условия онтогенеза и актуальной жизни человека, сформировать гипотезы дальнейшей психотерапевтической работы.

Исследование выполнено за счет гранта Российского Научного Фонда (проект № 25-18-00895 «Система психологического сопровождения личности, пострадавшей от психотравмирующей ситуации в Донецкой Народной Республике»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранников А. Онтологическое пространство и онтологическое дистанцирование: структурные и методологические аспекты / А. Баранников // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. – Ростов-на-Дону: 2006. – № 1(8). – С. 143–161.
2. Василюк Ф. Е. Психология переживания: анализ преодоления критических ситуаций / Ф. Е. Василюк. – М.: Изд-во Москов. ун-та, 1984. – 200 с.
3. Всемирная энциклопедия: философия: глав. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. – М.: АСТ; Минск : Харвест; Современный литератор, 2001. – 1312 с.
4. Гайденко П. Философия жизни / П. Гайденко // Философская энциклопедия. – М. : Совет. энциклопедия, 1970. – Т. 5. – С. 142–160.
5. Гроф С. За пределами мозга / С. Гроф и др.; пер. с англ.: А. Андрианова, Л. Земской, Е. Смирновой; под общ. ред. А. Дегтярева. – М.: АСТ, 2001. – 504 с.
6. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. – 3-е изд., доп. – М.: Смысл, 2007. – 511 с.
7. Максименко Е.Г. Психология самодепривации личностного развития субъекта / Е.Г. Максименко дисс. на соискание степени д-ра психол. наук, специальность: 19.00.01 Общая психология, история психологии. – Киев, 2017. – 705 с.
8. Мэй Р. Желание и воля / Р. Мэй // Психология личности; под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузырея, В. В. Архангельской. – М.: АСТ: Астрель, 2009. – С. 254–265.
9. Спиркин А. Г. Философия: учебник для тех. вузов / А. Г. Спиркин. – М.: Гардарики, 2000. – 368 с.
10. Франкл В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М.: Прогресс, 1990. – 308 с.
11. Фрейд З. Либидо / З. Фрейд; пер. с нем. – М.: Гуманитарий, 1996. – 477 с.
12. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / М. Хайдеггер; сост., пер. с нем. В. В. Бибихина. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
13. Хорни К. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3. Наши внутренние конфликты. Невроз и развитие личности / К. Хорни; пер. с англ. – М.: Смысл, 1997. – 696 с.
14. Энциклопедия глубинной психологии. Т. III. Последователи Фрейда / пер. с нем. – М.: Когито-Центр, МГМ, 2002. – 410 с.
15. Эриксон Э. Детство и общество / Э. Эриксон; пер. с англ. – СПб.: Речь, 2000. – 328 с.
16. Ялом И. Экзистенциальная изоляция, ответственность и вина // Психология личности / И. Ялом ; под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузыря, В. В. Архангельской. – М.: АСТ: Астрель, 2009. – С. 226–241. – (Хрестоматия по психологии).
17. Ясперс К. Собрание сочинений по психопатологии: в 2-х т. / К. Ясперс. – М.: Академия; СПб: Белый кролик, 1996. – Т. 1. – 352 с., Т. 2. – 256 с.
18. Яценко Т. С. Психоаналитическая интерпретация комплекса тематических психорисунков: глубинный аспект / Т. С. Яценко, Я. М. Кмит, Л. В. Мошенская. – М.: СИП РИА, 2000. – 192 с.

Поступила в редакцию 13.10.2025 г.

PSYCHODYNAMIC RECONSTRUCTION OF HUMAN MOTIVES, PHILOSOPHY, AND EXISTENTIAL MEANINGS IN PSYCHOLOGICAL CARE DURING CRISIS STATES

E. G. Maksimenko, S. V. Rudenko, I. V. Kiseleva, D. R. Maistepanova

This article analyzes philosophical concepts in relation to the transformation and overcoming of motives, existential meanings, the philosophy of human life direction, and the search for new solutions in crisis situations. It is noted that experiencing a life blow influences a person's future choices and the definition of the meaning of life. Factors in successful adoption include adaptive abilities, purposefulness, awareness, and realistic problem-solving, reflexivity, and the strength and integration of the ego. The authors note the investment of genetic factors, parental capital, will and desire, and an individual's education in a constructive life course. Balance is determined by orientation and subjective activity in the process of self-development. The process of positive disintegration and the secondary approach of psychologists are conceptual approaches to providing psychological assistance to individuals experiencing a crisis. A proprietary method for the first interview is proposed, initiating the process of restoring a person's motives and life meanings.

Key words: existence, personal meaning, life course, positive disintegration and secondary integration of the psyche.

Максименко Елена Георгиевна

Доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии, ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ.
ORCID: 0000-0003-0622-6871.
E-mail: e.maksimenko.dongu@mail.ru.

Maksimenko Elena Georgievna

Doctor of Psychology, Professor of the Department of General Psychology,
FSBEI HE «Donetsk State University», Donetsk, RF.
ORCID: 0000-0003-0622-6871
E-mail: e.maksimenko.dongu@mail.ru

Руденко Светлана Викторовна.

Кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии, ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ.
ORCID: 0009-0007-0092-5926
E-mail: rudenko_sv@mail.ru

Rudenko Svetlana Viktorovna

Candidate of Psychological Sciences. Associate Professor of Department of General Psychology
FSBEI HE «Donetsk State University»,
Donetsk, RF.
ORCID: 0009-0007-0092-5926
E-mail: rudenko_sv@mail.ru

Киселёва Ирина Владимировна

Старший преподаватель кафедры общей психологии, ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ.
ORCID: 0000-0003-1750-9367
E-mail: i.kiseleva.dongu@mail.ru

Kiseleva Irina Vladimirovna

Senior Lecturer, Department of General Psychology,
FSBEI HE «Donetsk State University»,
Donetsk, Russian Federation.
ORCID: 0000-0003-1750-9367
E-mail: i.kiseleva.dongu@mail.ru

Майстепанова Дарья Романовна

Ассистент кафедры общей психологии, ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ.
ORCID: 0009-0002-9550-211X
E-mail: khudokormovadaria@yandex.ru

Maistepanova Daria Romanovna

Assistant Lecturer, Department of General Psychology,
FSBEI HE «Donetsk State University»,
Donetsk, Russian Federation.
ORCID: 0009-0002-9550-211X
E-mail: khudokormovadaria@yandex.ru

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ СВОБОДЫ В ТРАДИЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

© 2025 Н. П. Шатохина

«Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет»

В данной статье предпринят анализ представлений о феномене свободы в традиционном типе общества. Проанализированы специфика и динамика представлений о свободе от античности до позднего западноевропейского средневековья. Прослежено теоретическое становление идеи свободы в истории социальной философии.

Ключевые слова: свобода, общество, человек, бытие, Космос.

Феномен свободы всегда находился в центре социально-философских исследований, поскольку стремление к самоопределению связано с самыми сакральными сторонами духовного мира личности. Его анализом занимались с древнейших времен, изучая самые разные аспекты проблемы. Стремление к свободе присуще человеческой природе, без свободы невозможно помыслить бытие, создавать продукты творчества. По мнению Г.Л. Тульчинского: «Свобода – единственное условие адекватного восприятия и постижения реальности, как окончательная реализация внутренней гармонии индивида и наивысшее выражение преодоления его Эго, восстанавливающее единство внешней и внутренней реальности» [10, с. 36].

Целью настоящего исследования является выявление динамики феномена свободы в традиционном обществе. Анализ генезиса свободы в данном конкретном типе общества позволит глубже осмыслить ее роль в мировой истории и в глобальной онтологической реальности.

Традиционное общество характеризуется жесткой сословной иерархией, стабильностью в соблюдении традиций, развитии экономики, поддержании социокультурных устоев. Мировоззрение гражданина традиционного общества холистично, целостно и подвержено давлению авторитетов. Человек традиционного общества не усматривает противоречивости в общественных процессах и ощущает себя сопричастным коллективу, семье, государству. На протяжении многих столетий изменения в традиционном обществе происходили чрезвычайно медленно, но даже при существенных преобразованиях наблюдалась циклическая динамика, и постепенно социальное устройство возвращалось к статичному состоянию.

Города-государства Древней Греции, так же, как и Древний Рим, не являлись образцом традиционного общества, хотя и сохранили некоторые его черты. Приверженность традициям, приоритет социального происхождения и подчинение себя воле Богов привели к тому, что в античной философии свобода рассматривалась преимущественно как данная извне необходимость, с которой можно только смириться, но не изменить. Человек несвободен от рождения, и поэтому стремиться к личностному выбору безрезультатно, куда лучше наслаждаться тем, что уже есть и спокойно созерцать мир. Как замечает А.Ф. Лосев в своем труде «История античной философии»: «Но тот принцип, который внеличностно, то есть бессознательно и стихийно, одинаково творит все целесообразное и нецелесообразное, есть не что иное, как судьба. Поэтому логика рабовладельческой формации необходимым образом

заканчивалась не только учением о героизме, но и учением о фатализме» [3]. Поддержание такой позиции является единственным залогом счастья. Правда, иногда все же возникает ситуация многоальтернативности выбора действий, но как бы ни поступил индивид, даже его сознательное решение предопределено свыше.

В ранней античной философской мысли личность представляла как частица микрокосма, гармонично связанная с макрокосмом. Проблема свободы включалась в систему «природа-человек-космос» и не требовала понятийно-сущностного анализа. Между тем и в Древней Греции, и в Древнем Риме все же ощущалась потребность в обосновании данного явления. Полисная система, признающая свободу только определенных слоев населения, привела к социальной организации традиционного общества, в которой сочетались два биполярных принципа: демократичности и социальной детерминированности. Представления о свободе менялись как на бытовом, так и на теоретико-научном уровне. Стоит учесть и тот фактор, который верно подмечает В.Ф. Асмус: «Греческие философы принадлежали в большинстве к различным слоям «свободных», т. е. по преимуществу рабовладельческого класса. Их общественно-политические, нравственные и педагогические учения выражали взгляды и интересы этого класса» [1, с. 108].

В Древней Греции проблема свободы рассматривалась преимущественно в контексте бытийного осмысления. Само слово «свобода» встречается уже в древнегреческих мифах. Отношения богов между собой, динамика их родовых и сословных связей, битвы с титанами отражают понимание и регулятивный характер данного явления. Первыми о свободе, не заключенной в рамки политических и правовых норм, начинают заявлять не философы, а поэты. В сочинениях Гесиода музы своими голосами возвещают о неопровергимости и предопределенности миропорядка, где судьба человека полностью подчинена воле Фатума. Однако в произведениях Гесиода заключено и противоречие: человек, отступивший от воли Богов, понесет заслуженную кару, что подразумевает альтернативу личностного выбора. Боги как сущности высшего порядка довлеют над смертными людьми, постепенно заимствуя от них «очеловеченные» черты. Отдельные Божества наделяются сверх силой и бессмертием, они грешат, состязаются за власть, принимают решения, но не достигают абсолютной свободы. Свобода сама по себе становится неким обезличенным трансцендентным символом.

В поэмах Гомера прослеживается идея недостижимости свободы для человека, но доступности «свободы воли», внутреннего духовного «голоса». Гомер первым производит градацию свободы на внешнюю и внутреннюю, согласную с собственным правом и природой.

Уже в учении Гераклита присутствует идея о невозможности личности быть полностью свободной, так как разум (логос) позволяет ей действовать по своему усмотрению только до определенных пределов. Г. Скирбекк и Н. Гилье приводят следующий тезис: «Для Гераклита логос является скрытым, общим единством в разнообразии. Тождество – вот что логически предполагается во всех различиях» [8, с. 33]. Гераклит утверждает сословные различия как единственно верный способ существования общественного устройства. Отсюда – деление власти и внешних свобод по глубине духовного наполнения личности, по истинности или ложности ее суждений.

В пифагорейской школе отстаивалась нравственная свобода избранной аристократии, которая сможет подчинить себе невежественное большинство. Однако в трудах Демокрита, Сократа, Платона и Аристотеля уже присутствуют идеи свободного человеческого духа, который противостоит бренной плоти, а вместе с ней – и неизбежной судьбе.

Первыми о содержании понятия «свобода» заговорили софисты. Софистическая свобода трактовалась через субъективно-идеалистическое мировосприятие, через личностное самосознание. Внешняя свобода воспринималась как свобода от законов, искусственно созданных людьми. Антифон и Протагор рассуждали о некоем общественном союзе, который соединил бы людей посредством осознания гражданского долга, а не путем насилия и запугивания. Гиппий склонялся к категорическому отрицанию любых общественных институтов, ущемляющих «естественную природу» личности.

Сократ как первооткрыватель сущностного мировоззрения и майевтического способа мышления перевернул представления о свободе, указав путь к ней посредством познания самого себя. Обращение «извне – вовнутрь» знаменовало собой переход от философского сомнения к сущности и внутренним противоречиям духовного мира человека, к рождению истины посредством самопознания. Это обращение внутрь, по мнению И. Берлина, было неизбежно и обусловлено исторически: «В мире, в котором человек, ищащий счастья, справедливости или свободы (в любом ее понимании), не может почти ничего добиться, поскольку многие пути для него закрыты, соблазн уйти в себя становится непреодолимым. Так, вероятно, случилось в Греции...» [2, с. 146].

В эпоху становления классической греческой философии на творца, художника, мыслителя и вообще человека, свободного от общественных предрассудков, смотрели как на избранника богов, способного нескажанно поражать людей. Платон верил, что «даймоны суть среднее между богом и смертными, имеют силу быть истолкователями и передатчиками человеческих дел богам, а божественных – людям, просьб и жертвоприношений одним, наказов и вознаграждений за жертвы другим» [7, с. 82]. Так, Платон подразумевает под «даймоном» дух, волю, всё таинственное, загадочное, мистическое. Данная точка зрения интересна во всех отношениях. Не в силах иным способом объяснить феномен свободы, силу созидания, Платон и его соратники приписывали Богам авторство над явлениями материального и идеального порядка.

Платон также создал модель идеального государства, в котором чрезмерная свобода была близка к произволу и допускалась только в рамках социальных градаций и строгого соблюдения законов. Такое представление о личностной свободе, «эйдосе» общественном, а не индивидуальном, нивелировало ценность волевого выбора и возводило свободу в ранг недостижимых идеалов, однако соответствовало классическим чертам традиционного общества. Двойственность теории Платона состояла в признании свободы как чистой идеи и одновременном ее проявлении в мире вещей, в подчиненности ее государственным нормам и традициям.

Позднее учение о свободе трансформировалось в трудах ученика Платона Аристотеля. Его учение о категориях как фундаментальных понятиях философии выявило их особую иерархию, в которой центральной категорией стала субстанция, а все остальные – ее признаками. Свобода, по сути, есть свобода воли. Можно заметить, что у Аристотеля идея о нравственной свободе человека достигает высшей стадии. Личность целиком противостоит судьбе, если в своих намерениях и действиях движется к тому, что есть благо, исходит из этико-морального принципа. Признание автаркии определяет разумность полисного устройства государственной жизни вообще. Р.Н. Пархоменко отмечает: «Аристотель говорит о человеке как о деятельном существе, которое отличается от всех других существ своей способностью к свободному выбору. Выбор является не только чистым знанием, но и также стремлением, волевым актом» [6, с. 185].

Тем не менее, в теории Аристотеля есть место и для случайности, самопроизвольности. Это указывает на внешние факторы, по отношению к которым

человек бессилен что-либо предпринять. Есть причина, сама себя обуславливающая, начало всех начал, и от нее исходит сверхчувственный импульс, ни в коей мере не зависящий от человеческих возможностей. Так, Аристотель признавал факт высшей власти и условность свободы воли человека. Но, невзирая на это, философ первым заложил фундаментальное представление о свободе как об осознанном выборе, деятельностном акте, основанном на ситуационных и этических аспектах.

Одним из первых, кто пытался восстать против угнетающей предопределенности, был Эпикур. Эпикур создает концепцию договоренности, основанной на равенстве и независимости всех членов общества. Эта либералистическая теория предполагала личностную ответственность не только за себя, но и за всех людей, исключала необходимость как не подлежащую обязательствам. Ранее данная концепция, отчасти, нашла свое отражение и в трудах Аристотеля.

Так древнегреческие философы классического и эллинистического периодов скорее отождествляли свободу с чисто человеческим, земным атрибутом, не подлежащим надприродным вмешательствам. Неверно полагать, что они полностью отрицали участие в волевом акте божественной силы, но большая роль всё же отводилась активности самой личности.

Достаточно сложной в своей постановке выступает указанная проблема в культуре Древнего Рима. Само понятие «свобода» здесь не употреблялось в традиционной форме. Древний Рим функционировал по законам гражданского общества, в котором, несмотря на классовое неравенство, доминировали атомизация, правовая защищенность граждан, демократия и самоуправление. Самым высшим проявлением личностной свободы считали наиболее выдающиеся достижения военачальников, полководцев, принёсших славу родине, расширявших пространственные границы государства. Образ волевой личности в древнем Риме предстаёт в виде отважного воина, готового на самый отчаянный подвиг. Подтверждение этому находим в статье С.Н. Кочерова: «Мужество римского стоика было сродни отваге воина, который потерпел поражение (Сенека) или не может выиграть свою битву (Марк Аврелий), но скорее лишит себя жизни, чем поступится внутренней свободой» [5, с. 32].

В Древнем Риме, вместе с изменением правовых норм, универсалия свободы приобретает новый смысл. Право и свобода неразрывно связываются с долгом. Римский гражданин от рождения имеет права и обязанности, является частью сложенной и упорядоченной системы. Римскую трактовку свободы сложно отнести к философским теориям, поскольку содержание данного понятия далеко от саморефлексивных исканий и аксиологических смыслов.

У стоиков волевая сфера личности ограничивается тем, что зависит только от нас, и тем, что только мы можем предложить в противовес причинно-следственной обусловленности. Стоически переносить тяготы жизни – вот истинное проявление свободы и независимости от обстоятельств. Свобода от страхов, зова плоти и повседневных невзгод составляет смысл жизни и является высшей целью. У стоиков осознание своей ответственности за моральный выбор заложено в человеке априорно, но в процессе жизни оно или заявляет о себе или полностью исчезает в соответствии с разумностью и практическими принципами. «Поскольку стоики утверждали, что все с необходимостью подчиняется законам природы, то возникает следующий вопрос: какой смысл убеждать человека подчиняться законам природы, если он и так им подчиняется? Стоики отвечали, что человек существо разумное, и поэтому, хотя он и будет, в любом случае, следовать законам природы, он обладает привилегией знать эти законы и подчиняться им сознательно» [4, с. 170].

В философских учениях эпохи средневековья свобода воли рассматривалась в русле крайнего теоцентризма. Доктрины христианского вероучения накладывают отпечаток на все последующие идеи свободы, изображая ее как одно из проявлений веры. Только Бог как вершина и итог всего сущего мог распоряжаться и править человеческими душами. Но здесь возникало некоторое противоречие. Подчиняясь и отдавая себя в руки Господа, человек все же мог подвергнуться дьявольскому искушению. Эта бинарная раздвоенность не имела логического объяснения, что давало повод говорить о существовании некоего выбора между божественным предназначением и грехопадением. Первые люди в раю были наделены абсолютной свободой, но, избрав грехопадение, они навсегда лишили человечество возможности свободного самоопределения на Земле. Не разумом, а только истинной верой средневековый человек мог укреплять свою волю, только таким путем он мог быть свободным в том понимании, какое придавалось этому слову.

В средневековой классификации разных видов свободы выделяются три: свобода Божья, свобода ангельская и свобода человеческая. Они абсолютно различны по своей интерпретации и проявлению, но само понятие «свобода» едино для всех, неизменно и непреложно. В поздних схоластических учениях просматривается мистическая направленность связывать стремление к свободе воли с Божественным единением.

В трудах апологетов еще прослеживается мысль о сотворении Богом человека как свободной личности. И у Тертуллиана, и у Иустина Философа, а также у Иринея Лионского человек изначально наделен свободой к выбору веры. «Он, Который определил возмездие как за то, что не знали и презрели Его, так и за то, что повиновались Ему, Который поэтому при конце настоящего века будет судить и своих почитателей для воздаяния им жизни вечной и своих презрителей для ввержения их в огонь вечный, когда все, от начала умершие, воскреснут, преобразятся и подвергнутся суду для определения того или другого воздаяния» [9, с. 87]. Однако каким образом может реализовываться эта свобода, если существует божественная предрешенность, понять достаточно сложно. Повседневное божественное присутствие в бытии ставило перед философами невыполнимую задачу: установить границы человеческой свободы и отделить ее от промысла Всевышнего.

Амвросий Медиоланский, напротив, утверждал, что Евангелие пронизано духом свободы; всякий, кто к нему приобщается, обретает волю не раба, а мудрого человека. Свобода заключена в стремлении к благу как высшей добродетели, неволя направляет человека по ложному пути зла.

Близкий к неоплатонизму представитель патристики Аврелий Августин придерживался теистической традиции, он подчёркивал наличие в сознании человека волевого акта, которому присущи обоснованные стремления, принятие решений. Только посредством усилия воли может осуществляться выбор того, что мы сейчас называем бифуркацией, программы действий; только волевое усилие позволяет воплотить в жизнь задуманное, превратить субъективные образы в фактическую данность.

Схолсты в сравнении рассматривали природу Божественного Духа и природу воли, причисляя последнюю к сущностно человеческому, мирскому. Именно благодаря этому в своём понимании божественной природы свободы Фома Аквинский так приблизился к Платону и тем самым по-своему предопределил пантеистико-антропологическую систему.

Как видим, античный и средневековый взгляды на мир, и, в том числе, на свободу, значительно разнятся. Это доказывает и средневековый анализ взаимосвязи

свободы с историей. Согласно убеждениям схоластов, все исторические события заранее уготованы Божиим помыслом, а люди всего лишь безропотно выполняют свои миссии, тем самым, правда, способствуя исполнению его воли. Даже в творчестве, одном из проявлений свободы, растворяется личностное начало, важен только результат и его значимость, гармоничное сочетание необходимых факторов. Очевидно, что свобода в средневековые возможна лишь за пределами земного бытия и подчинена провидению.

Таким образом, и в древневосточном, и в античном, и в средневековом традиционных обществах свобода личности заключена в сословные, религиозные, этические ценностные рамки. Сохраняется приоритет общественных интересов над индивидуальными, в то время как проявление созидательных, духовных, личностных черт не находит должного выражения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асмус В.Ф. Античная философия / В.Ф. Асмус – М.: Книга по Требованию, 2012. – 544 с.
2. Берлин И. Философия свободы. Европа / И. Берлин; М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 448 с. – (Либеральное наследие).
3. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика / А.Ф. Лосев. – Харьков:Фолио; М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. – 880 с. – (Вершины человеческой мысли).
4. Коплстон Фредерик История философии. Древняя Греция и Древний Рим / Ф. Коплстон; – Пер. с английского Ю.А. Алакина. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. – 319 с. – Т. II.
5. Кочеров С.Н. История моральной философии / С.Н. Кочеров // Этическая мысль. – 2023. – Т. 16, № 1. – С. 31-45.
6. Пархоменко Р.Н. Генезис идеи свободы в западноевропейской философии / Р.Н. Пархоменко // Философская мысль. – 2012. – № 4. – С. 179-210.
7. Платон. Федон, Пир, Федр, Парменид / Платон; [пер. с древнегреч. С.А. Ананьина, С.К. Апта, Т.В. Васильевой и др.]. – М.: Мысль, 1999. – 528 с. – (Классическая философская мысль).
8. Скирбекк Г. История философии: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Г. Скирбекк, Н. Гилье; [пер. с англ. В.И. Кузнецова] – М.: ВЛАДОС, 2000. – 800 с.
9. Тертуллиан / Сочинения; [пер. с лат А. Столярова]. – М.: ACT Северо-Запад Пресс, 2004. – 250 с.
10. Тульчинский Г.Л. Сдвиг гуманистической парадигмы, трансцендентальный субъект и постчеловеческая персонология / Г.Л. Тульчинский // Методология и история психологии. – 2010. – Т. 5, № 1. – С. 32-51.

Поступила в редакцию 16.09.2025 г.

THE DYNAMICS OF FREEDOM IN TRADITIONAL SOCIETY

N. P. Shatokhina

This article analyzes the concept of freedom in traditional societies. It examines the specific features and dynamics of ideas about freedom from antiquity to the late Western European Middle Ages. The article also traces the theoretical development of the concept of freedom in the history of social philosophy.

Key words: freedom, society, human being, existence, Cosmos.

Шатохина Наталья Петровна

Доцент кафедры истории и философии,
«Донбасская национальная академия строительства и
архитектуры» – филиал ФГБОУ ВО «Национальный
исследовательский Московский государственный
строительный университет», г. Макеевка, ДНР, РФ.
E-mail: shatohina-85@mail.ru

Shatokhina Natalia Petrovna

Associate Professor of history and Philosophye,
Donbass Academy of Construction and Architecture,
Makeevka, DPR, RF.
E-mail: shatohina-85@mail.ru

ПЕДАГОГИКА

УДК 372.881.111.1

DOI: 10.5281/zenodo.18337772

EDN: IRIBNV

ВОЗМОЖНОСТИ РЕСУРСА VOYANT TOOLS В ОБУЧЕНИИ ГРАММАТИКЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

© 2025 Ю. В. Данько, Е. И. Шеремета
ФГБОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

Цель статьи определяется возможностями практической реализации обучения грамматике иностранного языка в вузе на основе онлайн-ресурса Voyant Tools. Задачи исследования включали теоретическое рассмотрение различных подходов обучения грамматике и предложение инновационной модели работы с текстом. Практическая новизна исследования состоит в представлении методики работы в Voyant Tools в части выделения морфологических форм и синтаксических контекстов на основе индуктивного метода обучения. Результаты исследования описывают систему работы с аутентичным текстом: его отбор и анализ, поиск необходимых контекстов, создание грамматических моделей и их отработка в виде различных видов упражнений, а также дидактический контроль.

Ключевые слова: высшее образование, иностранный язык, методы обучения грамматике, технология больших данных, онлайн-ресурс Voyant Tools.

Введение. Основу любого языка составляет грамматика, направленная на изучение грамматических структур. Это исходит из положения о том, что недостижимо овладение иностранным языком лишь на основе лексики, необходимо овладение умениями и навыками словоизменения (морфологии), словообразования и соединительной связи (синтаксиса). Например, при рассмотрении обучения грамматике английского языка в сопоставлении с русским языком следует учесть фундаментальные синтаксические различия: аналитический тип синтаксической связи в английском языке контрастирует с флексивным типом синтаксической связи в русском языке.

Методология обучения грамматике может включать индуктивный, дедуктивный, текстовый и системный подходы. Индуктивный подход предполагает использование обширной выборки примеров, и основной акцент делается на использовании языка, а не на предоставлении информации о языке. Дедуктивный подход, в свою очередь, предполагает презентацию грамматического правила, его формальное описание и объяснение с последующей практической отработкой. Текстовый подход интегрирует грамматику в контекст содержания текста [5]. Последний, системный подход к изучению грамматических правил реализуется в форме организации практических занятий, направленных на процесс постепенного наращивания знаний, умений и навыков — развитие иноязычной компетенции в каждом языковом навыке. Обучение грамматике при данном подходе овладения иностранным языком является важнейшим аспектом за счет обобщающего характера ее законов, и без грамматики не может быть владения иностранным языком [10]. Следовательно, обучение иностранному языку является процессом постепенного приращения иноязычных знаний, умений и навыков, формирования требуемого уровня иноязычной компетенции и может быть определено уровневым членением языка [8].

Традиционная методика обучения грамматике через объяснение преподавателем дидактических примеров в настоящее время дополняется инновационными методиками, основанными на внедрении цифровых технологий в обучение. Данное положение основывается на «Стратегии цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования» — проекте «Цифровой университет», призванном обеспечить «создание и развитие цифровых сервисов в сфере науки и высшего образования, направленных на повышение эффективности внедрения и использования сквозных технологий в деятельности» [9]. Также применение электронных образовательных ресурсов будет способствовать достижению результатов обучения и обеспечит широкие возможности для анализа данных, их систематизации [7].

В исследовании возможностей ресурса Voyant Tools в обучении грамматике английского языка применён комплекс теоретических и эпиреических методов исследования. Теоретические методы исследования включали обобщение, систематизацию и анализ предшествующих работ в области значения грамматики в обучении иностранному языку в вузе; в частности, рассмотрены работы Т. Антоненко (2018) и Ю.М. Сергеевой (2024); подходы к обучению грамматике английского языка рассматривались М.И. Ковалёвой (2016), Г.А. Марковой (2021) и Л.Г. Суриковой-Камю (2013); инновационные технологии (применение корпусных технологий) в обучении грамматике исследованы С.А. Барышниковой (2020), Д.Р. Гальдешиной (2024), Ю.М. Ореховой (2024) и В. Шуаном (2023). Новизной исследования определён дидактический пробел — преобладание теоретической классификации методов, подходов и приёмов обучения грамматике в описательном контексте над практическим представлением обучения грамматике с применением технологии «больших» данных (на примере ресурса Voyant Tools). На этой основе сформулирована цель настоящего исследования — практическое освещение возможностей ресурса Voyant Tools в обучении грамматике иностранного языка (на примере английского) на основе персонализированного корпуса — отобранных преподавателем текстов, соответствующих тематике занятия. В результате, эмпирическими методами исследования определены опытная работа по внедрению ресурса Voyant Tools в практические занятия по иностранному языку и внедрение корпусной технологии (персонализированного корпуса) в обучение грамматике — отборе дидактического материала.

Задачи настоящего исследования состояли в краткой систематизации методов обучения, теоретическом обосновании внедрения инновационных форм обучения грамматике на примере английского языка и практическом освещении одной из возможностей реализации корпусной технологии, не требующей значительного объёма аппаратных возможностей устройств — ресурса Voyant Tools.

Основная часть. Рассмотрим принципы и особенности обучения грамматике в вузе на примере Севастопольского государственного университета. В основе находится системный подход — выраженная форма организации практических занятий по дисциплинам «Практическая грамматика английского языка», формирующей активное овладение основами грамматики для языковых направлений подготовки и «Практикум основного иностранного языка», направленной на введение изученного грамматического материала в коммуникативный контекст — также для языковых направлений (филологов, лингвистов и переводчиков). Для неязыковых направлений подготовки обучение грамматике интегрировано в дисциплину «Иностранный язык (английский)» — как часть формирования иноязычной компетенции. Обучение основано на принципах системности, последовательности, аутентичности, проблемности, концентрированности и избыточности грамматического материала в целях отбора материала в объёме, необходимом индивидуальным способностям и интересам студентов [6].

Принципы системности, последовательности, аутентичности и проблемности реализуются в обучении на основе аутентичных грамматик *Murphy Essential English Grammar* (на первом курсе), *Round Up parts 4-6* (на втором-третьем курсах), *Murphy English Grammar In Use* (на третьем-четвёртом курсах), *Hashemi&Murphy English Grammar in Use Supplementary Exercises* (на четвертом курсе), *Hewings Advanced Grammar in Use* (на четвертом-пятом курсах) и *Swan Practical English* (дополнительный материал для второго-четвёртого курсов): данные пособия ориентированы на заложение фундаментальных знаний нормативной грамматики английского языка для активного применения различных грамматических конструкций, поскольку «студенты испытывают больше всего трудностей при использовании грамматических структур в ситуациях, приближенных к естественным и употребляют только простые грамматические формы» [4].

В обучении грамматике на принципах концентрированности и избыточности грамматического материала отдавать приоритет следует инновационным технологиям корпусного анализа Big Data – программам анализа массивов текстовых данных, собранных в единую систему по определенным критериям и снабженных поисковой системой [3] и созданию собственных (персонализированных) корпусов на основе определённых текстов [2] с применением методов и инструментов обработки и анализа масштабных и разнообразных данных [11]. Дидактической целью технологии «больших» данных станет овладение нормативной грамматикой иностранного языка на основе аутентичных материалов, представляющих собой образцы реального языкового употребления [1]. В качестве примера рассмотрим применение онлайн-ресурса Voyant Tools в обучении грамматическим структурам, выделенным на основе отобранных преподавателем текстов по тематике занятия – персонифицированном корпусе английского языка.

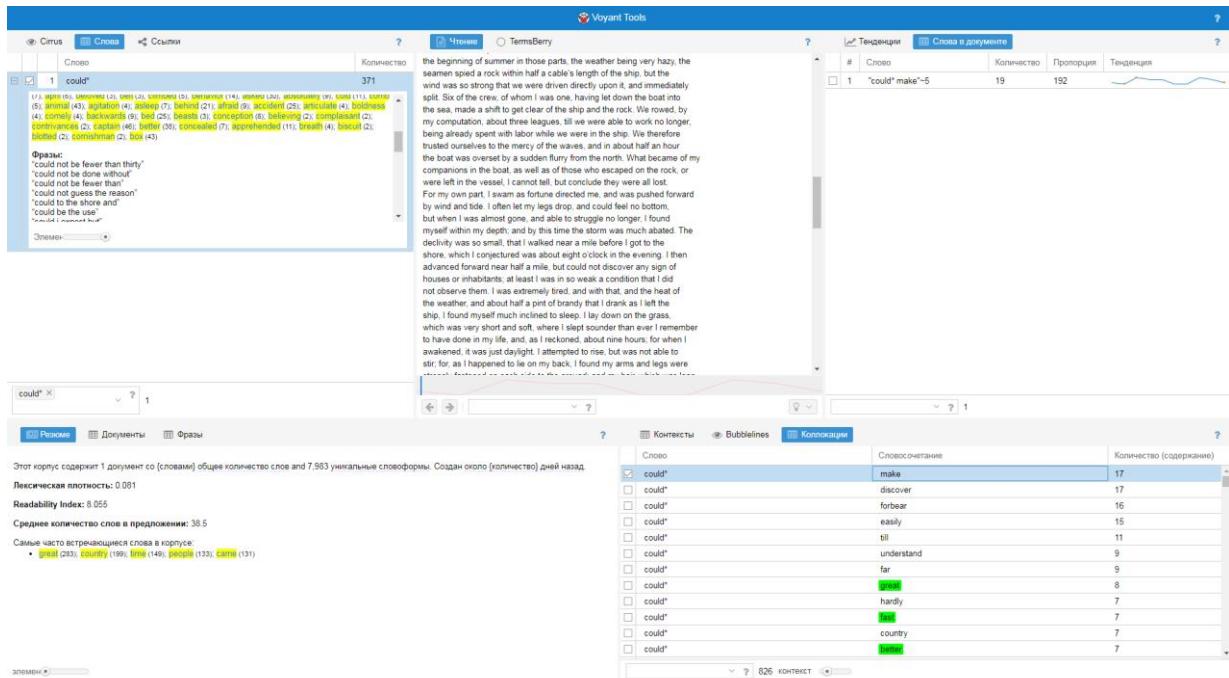
Основными возможностями применения Voyant Tools в обучении иностранному языку являются исследование коллокаций (устойчивых сочетаний слов), анализ ключевых слов текста (на тематическую оценку) и частотности употребления лексем речи в персонализированном корпусе. Однако применение Voyant Tools может быть реализовано не только для обучения лексике, но и при обучении грамматике иностранного языка на выявление доминирующих грамматических категорий в тексте – анализе морфологических форм, а в отдельных случаях – и для анализа особенностей иноязычного синтаксиса. Рассмотрим этот аспект.

Внедрение Voyant Tools в обучение грамматике иностранного языка направлено на решение следующих вопросов: «*Какие грамматические категории являются наиболее частотными в языке?*» и «*Какой контекст применения избранной грамматической формы в тексте?*». Предложен следующий алгоритм применения Voyant Tools для работы с грамматикой.

Первый этап – создание персонифицированного корпуса на основе аутентичного текста или группы текстов в соответствии с дидактическими задачами (предпочтительны форматы .rtf или .txt).

Второй этап – загрузка корпуса в Voyant Tools на сайте [12] и получение данных для лингвистического анализа.

Третий этап – лингвистический анализ текста на морфологические формы. Для их поиска и анализа используем вкладки «Слова (Words)» и «Чтение (Reading)» с возможностью поиска необходимой формы и выделения контекста и коллокаций (рис. 1).

Рис. 1. Главное окно Voyant Tools после анализа аутентичного текста на грамматическую форму *could*.

Лингвистический анализ текста в Voyant Tools позволяет установить частоту лексики в тексте (вкладка «Слова») и отобрать конкретные морфологические категории применительно к теме занятия (вкладка «Контексты»).

Четвёртый этап – введение студентам теоретического материала по изучаемой грамматической форме, представленное в виде презентации с опорой на аутентичные источники и её поиск по корпусу в рамках подготовки к практическому занятию. Выбрав вкладку «Слова (Words)» и введя в строку поиска необходимую морфологическую форму, получаем найденные коллокации, корреляции, фразы и частоту встречаемости формы в тексте, а в строке поиска «Контексты (Contexts)» – контекст необходимой морфологической формы. Найденные в контекстах примеры можем скопировать в разделе «Чтение (Reading)» для последующего применения в упражнениях в рамках индуктивного метода обучения грамматике на контекстных примерах. Например, модальный глагол *can* в форме простого прошедшего времени (*could*) встречается в следующих моделях: I often let my legs drop, and *could feel* no bottom. I *could only look* upwards. I then advanced forward near half a mile, but *could not discover* any sign of houses or inhabitants. I waded with what haste I *could*. We cast anchor within a league of this creek, and our captain sent a dozen of his men well armed in the longboat, with vessels for water, if any *could be found*.

Здесь можно выделить четыре контекста *could* в форме соответствующих шаблонов: «модальный + смысловой глагол», «модальный глагол + наречие + смысловой глагол», «модальный глагол + отрицание + смысловой глагол», «главная часть + модальный глагол в придаточной части предложения» и «модальный глагол + пассивная форма смыслового глагола».

Завершающий этап – отработка грамматических моделей. Задачей является выведение студентами грамматического правила на основе предложенных моделей. Предлагается следующий алгоритм отработки грамматической формы: «одна модель → 10 дидактических примеров», которые находим в том же или любом другом аутентичном тексте и формулируем задания по отработке грамматических форм. При

этом, отрабатываемую форму нужно изменить применительно к заданию: например, *fill in the blanks with the correct form of the modal verb; choose the appropriate modal verb in the correct form; open the brackets and put the modal verb in the correct form.* Самостоятельная работа студентов предполагает написание небольшого связанного текста, который бы включал каждую модель с глаголом *could* не менее одного раза (10–15 предложений).

Об усвоении грамматической формы можно судить по результатам письменного контроля в тестовом формате или при устном анализе предлагаемых преподавателем контекстных примеров (могут быть оформлены в виде презентации), которые студенты должны объяснить.

Заключение. Грамматика иностранного языка закладывает основу построения правильности и логичности высказывания, на ней строится овладение всеми языковыми навыками. В обучении грамматике английского языка необходимо отметить широкое разнообразие грамматических пособий, ориентированных в своей основе на обучение устной коммуникации в рамках коммуникативной методики, что предполагает обучение грамматике на разговорных примерах. Могут быть применимы различные подходы, но ключевой частью должно стать обучение на аутентичных примерах, что позволит овладеть грамматикой во всей полноте. Главным условием эффективности является внедрение дидактических материалов на принципах адаптивности, системности, последовательности, аутентичности, проблемности и целеполагания.

Иновационные технологии дают возможность широкого анализа контекстов аутентичного употребления. Ключевой технологией обучения грамматике иностранного языка определены «большие» данные. Практическая значимость исследования заключалась в оценке возможности применения персонифицированного корпуса текстов, загруженного в онлайн-сервис Voyant Tools в обучение грамматике английского языка студентов различных направлений подготовки. Установлено, что его применение будет ориентировано прежде всего на практическое изучение иностранного языка и позволит проанализировать грамматические формы: окружающий контекст позволит вывести правило посредством анализа моделей их применения, а также разработать систему упражнений для отработки студентами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антоненко Т. И., Голякевич Н. Д. Актуальные проблемы обучения грамматике английского языка на лингвистическом факультете // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте. – 2018. – С. 252-255.
2. Барышникова С. А., Золотов П. Ю. Корпусные технологии в обучении грамматике иностранного языка. – 2020. – С. 1-3. – URL: https://tsutmb.ru/nauka/internet-konferencii/2024/lichn_i_prof_razv_bud_special/4/Baryshnikova_Zolotov.pdf?ysclid=mkjy8gay53265454571
3. Гадельшина Д. Р. Повышение эффективности преподавания английского языка: использование лингвистического корпуса при изучении грамматики в вузе // IX Андреевские чтения. – 2024. – С. 108-112.
4. Ковалева М. И. Современные методы обучения грамматике английского языка в неязыковом вузе // Актуальные вопросы образования. – 2016. – Т. 1. – С. 156-160.
5. Маркова Г.А., Валитова Л. Р., Галькиева З. Х., Губарева Т. А. Основные подходы к обучению грамматике английского языка // Эпоха науки. – 2021. – № 29. – С. 252-254.
6. Молчанова М. Л. Использование средств ИКТ в современном образовании // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. – 2015. – № 2. – С. 70-74.
7. Орехова Ю. М. О преимуществах использования сервисов онлайн-досок при обучении иностранному языку курсантов // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. – 2024. – № 3. – С. 68-76.

8. Сергеева Ю. М. Теоретическая грамматика английского языка в системе языковой подготовки будущего специалиста: фундаментальные принципы и научно-педагогические перспективы // Преподаватель XXI век. – 2024. – № 2-1. – С. 121-130.
9. Стратегия цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования – URL: <https://clck.ru/3QiR63>
10. Сурикова-Камю Л. Г. Обучение грамматике английского языка с позиций системного подхода // Международный журнал экспериментального образования. – 2013. – № 4-2. – С. 61-63.
11. Шуан В. Потенциал больших баз данных в индивидуализации обучения китайскому языку как иностранному // Диверсификация педагогического образования в условиях развития информационного общества : материалы II Междунар. науч.-практ. Конференции (Минск, 16 ноября 2023 г.) – Минск, 2023. – С. 89-94.
12. Voyant Tools [Электронный ресурс]. – URL:<https://voyant-tools.org/> (дата обращения: 07.12.2025).

Поступила в редакцию 29.09.2025 г.

POSSIBILITIES OF THE VOYANT TOOLS RESOURCE IN TEACHING ENGLISH GRAMMAR

Yu. V. Danko, E. I. Sheremeta

The purpose of this article is to explore the practical possibilities of teaching foreign language grammar at a university using the Voyant Tools online resource. The study's objectives included a theoretical examination of various approaches to teaching grammar and the proposal of an innovative model for working with text. The study's practical novelty lies in its presentation of a Voyant Tools methodology for identifying morphological forms and syntactic contexts based on an inductive learning method. The results describe a system for working with authentic text: its selection and analysis, the search for necessary contexts, the creation of grammar models and their practice through various types of exercises, and didactic monitoring.

Key words: higher education, foreign language, grammar teaching methods, big data technology, Voyant Tools online resource.

Данько Юрий Владимирович

Преподаватель,
Севастопольский архитектурно-строительный
техникум, г. Севастополь, РФ.
E-mail: bonifacius-zs@yandex.ru

Danko Yuri Vladimirovich

Teacher,
Sevastopol Architectural and Civil Engineering College;
Sevastopol, RF.
E-mail: bonifacius-zs@yandex.ru

Шеремета Екатерина Ивановна

Старший преподаватель,
ФГБОУ ВО «Севастопольский государственный
университет», г. Севастополь, РФ.
E-mail: kosova945@mail.ru

Sheremeta Ekaterina Ivanovna

Senior Lecturer,
FSBEI HE «Sevastopol State University»,
Sevastopol, RF
E-mail: kosova945@mail.ru

РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВО ВНЕУРОЧНОЕ ВРЕМЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

© 2025 Е. Ю. Дробышев
ГБОУ «Средняя школа №4, г.о. Макеевка», ДНР

В статье приводится описание педагогического эксперимента, посвященного проблеме установления различий уровня исследовательских умений учащихся, полученных ими в ходе реализации учебно-исследовательской деятельности во внеурочное время на примере учебных предметов «Химия» и «Биология» посредством реализации такого вида деятельности с помощью двух форм: теоретико-аналитической (без проведения лабораторного эксперимента) и экспериментально-исследовательской (с проведением лабораторного эксперимента). На основании полученных экспериментальных данных проведен сравнительный анализ на предмет определения целесообразности использования упомянутых форм организации учебно-исследовательской деятельности.

Ключевые слова: учебно-исследовательская деятельность, исследовательские умения учащихся, технология организации учебно-исследовательской деятельности учащихся, формы организации учебно-исследовательской деятельности, уровень сформированности исследовательских навыков.

Введение. В свете перспектив развития системы образования, направленных на внедрение эффективных форм обучения, федеральные государственные образовательные стандарты начального, основного и среднего общего образования акцентируют важность приобретения учащимися исследовательских навыков и умений, их применения для решения возникающих перед ними задач и проблем, развития у учащихся способности к самостоятельному поиску методов решения таких задач, применения ими методов познания в процессе обучения и в жизни. У учащихся должна быть сформирована готовность и способность к самостоятельной познавательной деятельности, включающая умение ориентироваться и критически оценивать информацию.

Одним из путей достижения данного образовательного результата может быть вовлечение учащихся в учебно-исследовательскую деятельность (УИД), которая на данный момент является обязательной для всех учащихся 10–11 классов общеобразовательных организаций в рамках преподавания им элективного курса «Индивидуальный проект» и направлена на развитие личностно-ориентированного обучения, в основе которого лежит выявление и раскрытие индивидуальных познавательных способностей учащегося [6]. Стоит отметить, что во время освоения упомянутого курса учащиеся знакомятся лишь с основами методологии исследовательской деятельности, работа над реализацией УИД производится во внеурочное время.

Включение УИД в образовательный процесс способствует развитию активной интеллектуально-познавательной деятельности учащегося, что является одним из основных направлений воспитательного процесса, определяемого Стратегией развития воспитания в Российской Федерации [10]. Дополнительно заметим, что организация УИД является ценным педагогическим опытом для учителей общеобразовательных организаций, поскольку готовность к такому виду педагогической деятельности понимается как сложное психолого-педагогическое явление, сочетающее психологические особенности и нравственные качества личности педагога, способы поведения, специальные профессиональные знания, умения и навыки, обеспечивающие

возможность долиться профессиональных успехов в избранной профессиональной траектории [2].

Под УИД понимается специально организованная учителем деятельность учащегося, направленная на решение им исследовательских задач различными способами, целью которой является получение учащимся субъективно новых знаний, умений и навыков, способствующих формированию исследовательского поведения, проявляющегося в умении видеть, оценивать и формулировать суть проблемы, ставить вопросы, выдвигать гипотезы, формулировать цели и задачи исследования, делать опыты, производить наблюдения, иметь представления об общей методологии научного исследования, формулировать выводы по результатам опытов и наблюдений.

По способам организации УИД выделяют проектную, проектно-исследовательскую и исследовательскую деятельность [3; 7]. С точки зрения развития поисковой активности, формирования исследовательской позиции личности, УИД может быть максимально продуктивно реализована в рамках проектно-исследовательской и исследовательской деятельности. Необходимо учитывать различие между проектно-исследовательской деятельностью и сугубо проектной деятельностью, определяемой как получение конкретного продукта, который выполняется зачастую по прописанному алгоритму на репродуктивном уровне и базируется на определенном проектном замысле.

На организацию УИД большое значение оказывает её направленность, которая подразделяется на следующие формы:

- 1) теоретико-аналитическая: литературный анализ, аналитический обзор, теоретическое изучение актуальных научных проблем с последующим реферирированием;
- 2) экспериментально-исследовательская: проведение эксперимента с заранее неизвестным результатом, направленного на получение нового знания об изучаемом явлении или объекте;
- 3) экспериментально-прикладная: проведение эксперимента, направленного на сравнение и сопоставление данных;
- 4) творческая: изготовление, моделирование, конструирование [3].

Постановка проблемы. Разделение направленности УИД по вышеописанному способу ставит вопрос: в одинаковой ли степени происходит формирование исследовательских умений учащихся, если реализация УИД осуществляется с применением различных форм? Проблема продиктована тем фактом, что подавляющее большинство конкурсов исследовательской направленности, на которых учащиеся могут представить результаты своей УИД, требуют обязательной экспериментальной составляющей, а организационные комитеты часто отклоняют работы теоретико-аналитической направленности, выполненные по реферативному типу, аргументируя такое решение тем, что подобные работы не содержат научной новизны. Здесь стоит заметить, что УИД в принципе не предполагает научной новизны, и требовать её от учащихся общеобразовательных организаций, по сути, научного открытия, по меньшей мере, странно. Ведь основным результатом реализации УИД является приобретение учащимся субъективно для него нового знания, новых умений и навыков, которые позволяют формировать исследовательское поведение.

Таким образом, *объектом исследования* выступает процесс формирования и развития исследовательских умений учащихся посредством внедрения в образовательный процесс УИД, реализующейся посредством проектно-исследовательской деятельности при помощи различных форм.

Предмет исследования заключается в изучении различий в уровне сформированности исследовательских умений учащихся при реализации УИД, реализующейся при помощи проектно-исследовательской деятельности с применением теоретико-аналитической (исключительно реферативная работа) и экспериментально-исследовательской (проведение реального лабораторного эксперимента) направленности.

Целью исследования является установление влияния на уровень сформированности исследовательских умений учащихся 10–11 классов выбранной формы направленности реализации УИД.

Основная часть. Для проведения данного исследования был осуществлен педагогический эксперимент, направленный на выявление различий в степени сформированности исследовательских умений учащихся в зависимости от выбранной формы направленности проведения УИД. УИД реализовывалась посредством применения технологии организации учебно-исследовательской деятельности [4].

Уровень исследовательских навыков учащихся оценивался по трём компонентам (предметный, метапредметный, личностный), что соответствует требованиям федеральных государственных образовательных стандартов. Компоненты характеризуются соответствующими показателями (предметный, метапредметный, личностный) и критериями, на основании которых были подобраны необходимые диагностические средства.

В настоящем исследовании педагогический эксперимент трактуется в соответствии с концепцией Ю.К. Бабанского [1], согласно которой эксперимент – комплекс исследовательских методов, проверяющих научность и объективность выдвинутой гипотезы.

Гипотеза педагогического эксперимента – уровень сформированности исследовательских умений учащихся, реализующих УИД во внеурочное время посредством проектно-исследовательской деятельности с применением теоретико-аналитической и экспериментально-исследовательской направленности существенно не различается.

Педагогический эксперимент проводился на базе общеобразовательного учреждения, в котором углублённо изучаются учебные предметы «Химия» и «Биология», в связи с чем все проектно-исследовательские работы учащихся, которые выполнялись в ходе эксперимента, находятся в проблемном поле химии и биологии.

В эксперименте принимали участие учащиеся 10–11 классов, реализующих УИД во внеурочное время. Общее количество участников эксперимента – 70 учащихся. На первом этапе эксперимента было произведено распределение участников на две группы. Группа 1 (34 учащихся) – форма реализации УИД – теоретико-аналитическая. Группа 2 (36 учащихся) – форма реализации УИД – экспериментально-исследовательская.

При формировании групп исследования учитывалась однотипность групп: элективный курс «Индивидуальный проект» для всех участников эксперимента преподавался впервые. Время, отведенное на реализацию УИД по выбранной тематике, составило один учебный год. Все участники эксперимента реализовывали УИД в соответствии с технологией организации учебно-исследовательской деятельности учащихся [4].

После завершения работы по реализации УИД производились диагностические процедуры, позволившие получить данные, благодаря которым можно выявить уровень исследовательских умений учащихся в изучаемых группах и провести сравнительный

анализ. Все проектно-исследовательские работы были индивидуальными или групповыми (в состав групп входило не более двух учащихся).

Диагностические средства, используемые в эксперименте, предусматривают определение уровней исследовательских умений учащихся как «удовлетворительный», «достаточный» или «высокий» в соответствии с системой оценивания, индивидуальной для каждой методики. Для значений выявленных уровней исследовательских умений вводились соответствующие ранги: «удовлетворительный» – 1, «средний» – 2, «высокий» – 3 [5].

По каждому участнику обеих групп значение исходного уровня исследовательских умений принимали равным нулю, то есть, условно считали, что, такие умения отсутствуют.

После выставления ранга по каждому средству диагностики определялось их среднее арифметическое значение в пределах каждого компонента, и суммарно – по трём компонентам, что позволило определить общий уровень сформированности исследовательских умений. Для большей наглядности и простоты использования полученные результаты переводились в процентную шкалу и оценивался уровень исследовательских умений как: менее 50 % – удовлетворительный, от 50 до 75 % – достаточный, более 75 % – высокий.

Рассмотрим более подробно результаты педагогического эксперимента в разрезе изучаемых компонентов (предметного, метапредметного, личностного), а именно, показателей, присущих каждому перечисленному компоненту.

Предметный компонент характеризуется определённой степенью сформированности у учащегося знаний, позволяющих в процессе выполнения УИД разбираться в различных аспектах изучаемой проблемы, системности, глубины, осознанности и гибкости таких знаний, межпредметных связей, которые устанавливают связь между понятиями и общими категориями в контексте реализуемой УИД; развитием творческого мышления, что в свою очередь способствует формированию познавательной активности.

Данные, характеризующие предметный компонент, обобщены в таблице 1.

Таблица 1

Распределение участников педагогического эксперимента по уровням исследовательских умений
в рамках предметного компонента

Уровень готовности	Группа 1		Группа 2	
	Количество участников эксперимента, учащихся	Доля участников эксперимента, %	Количество участников эксперимента, учащихся	Доля участников эксперимента, %
Удовлетворительный	6	17,65	7	19,44
Достаточный	19	55,88	21	58,33
Высокий	9	26,47	8	22,23
Итого	34	100,00	36	100,00

Диаграмма, визуализирующая распределение участников педагогического эксперимента по уровням исследовательских умений в рамках предметного компонента, показана на рисунке 1.

Отметим, что доля учащихся группы 1, достигших достаточного и высокого уровня исследовательских навыков на 1,78 % больше, чем аналогичная доля учащихся в группе 2. В данном случае такое отличие можно объяснить более длительным и тщательным изучением информационных источников, что является основным видом

деятельности во время реализации УИД учащихся, вошедших в группу 1, что в свою очередь влияет на более высокий уровень сформированности предметного компонента.

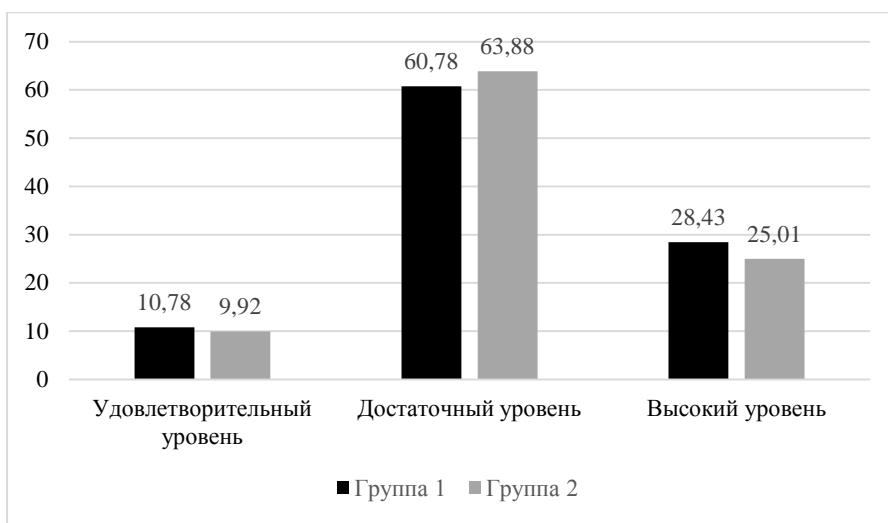

Рис. 1. Распределение участников педагогического эксперимента по уровням исследовательских умений в рамках предметного компонента

Метапредметный компонент представляет собой определённый перечень сформированных умений учащегося, применение которых позволяет ему осуществлять УИД с опорой на предметные и межпредметные узкопрофильные знания. Набор умений заключается в способности планировать свою деятельность, анализировать научную литературу различного вида (справочник, научные статьи и др.), выделять главную идею, производить отбор методов исследования, удовлетворяющих проблемному полю УИД, формировать план эксперимента, проводить его, производить аналитическую обработку полученных данных, формулировать выводы на основании проведенного анализа), демонстрировать знания по основам методологии исследовательской деятельности и их применять, корректно и грамотно использовать монологическую и диалогическую речь, позволяющую эффективно вступать в дискуссии, диалоги, в том числе и с целью отстаивания личной точки зрения, связанной с результатами УИД, корректно отвечать на поступающие вопросы.

Данные, характеризующие метапредметный компонент, обобщены в таблице 2.

Таблица 2
Распределение участников педагогического эксперимента по уровням исследовательских умений
в рамках метапредметного компонента

Уровень готовности	Группа 1		Группа 2	
	Количество участников эксперимента, учащихся	Доля участников эксперимента, %	Количество участников эксперимента, учащихся	Доля участников эксперимента, %
Удовлетворительный	1	2,94	2	2,00
Достаточный	20	58,82	25	69,44
Высокий	13	38,24	9	25,00
Итого	34	100,00	36	100,00

Диаграмма, визуализирующая распределение участников педагогического эксперимента по уровням исследовательских умений в рамках метапредметного компонента, представлена на рисунке 2.

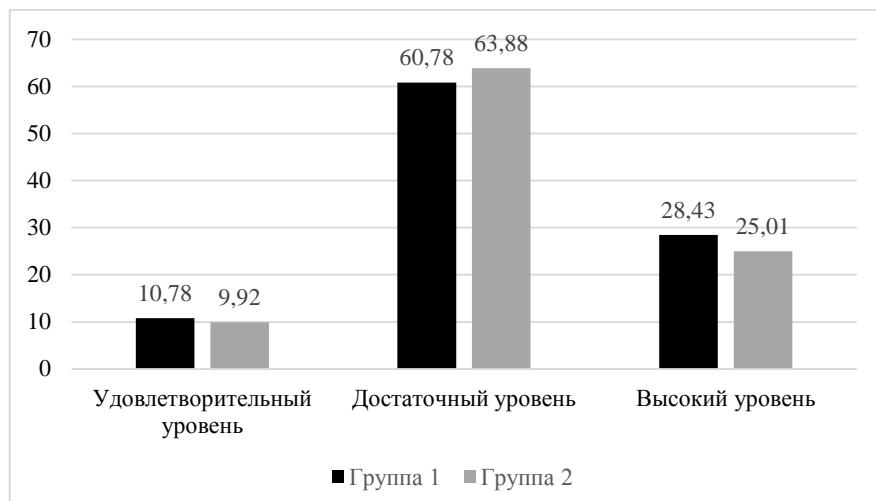

Рис. 2. Распределение участников педагогического эксперимента по уровням исследовательских умений в рамках метапредметного компонента

В разрезе метапредметного компонента вновь фиксируется доля учащихся группы 1, достигших достаточного и высокого уровня исследовательских навыков, большая, по сравнению с аналогичной выборкой учащихся из группы 2. Различие составляет 2,62 %. Данное различие объясняется тем фактом, что учащиеся группы 1 во время реализации УИД уделяют большее внимание теоретическим аспектам основ методологии исследовательской деятельности (объект и предмет исследования, цель, задачи, гипотеза, методы исследования и т.д.), в то время как, учащиеся группы 2 в большей степени сконцентрированы непосредственно на проведении лабораторного эксперимента, а теоретическая составляющая несколько отходит на второй план. Учащиеся из группы 1 учитывают примеры, выявленные в информационных источниках, в то время как учащиеся из группы 2 в основном полагаются на свой субъективный опыт, полученный в ходе реализации УИД.

Личностный компонент проявляется в сформированности у учащегося ценностного отношения к исследовательским действиям в силу его личных мотивов, что стало возможно благодаря старательному и ответственному отношению к выполнению возложенных на него обязанностей; присутствии уважительного отношения к личному и коллективному труду, взаимному сотрудничеству; развитости качеств ответственности за выполняемые действия перед собой и другими участниками исследования, самоуважения, эмоционально-положительного отношения к выполняемой деятельности, наличии внутренней мотивации на внесение вклада в развитие общества, своего государства.

Данные, характеризующие личностный компонент, обобщены в таблице 3.

Таблица 3.
Распределение участников педагогического эксперимента по уровням исследовательских умений
в рамках личностного компонента

Уровень готовности	Группа 1		Группа 2	
	Количество участников эксперимента, учащихся	Доля участников эксперимента, %	Количество участников эксперимента, учащихся	Доля участников эксперимента, %
Удовлетворительный	4	11,76	3	8,33
Достаточный	23	67,65	23	63,88
Высокий	7	20,59	10	27,79
Итого	34	100,00	36	100,00

Диаграмма, визуализирующая распределение участников педагогического эксперимента по уровням исследовательских умений в рамках личностного компонента, показана на рисунке 3.

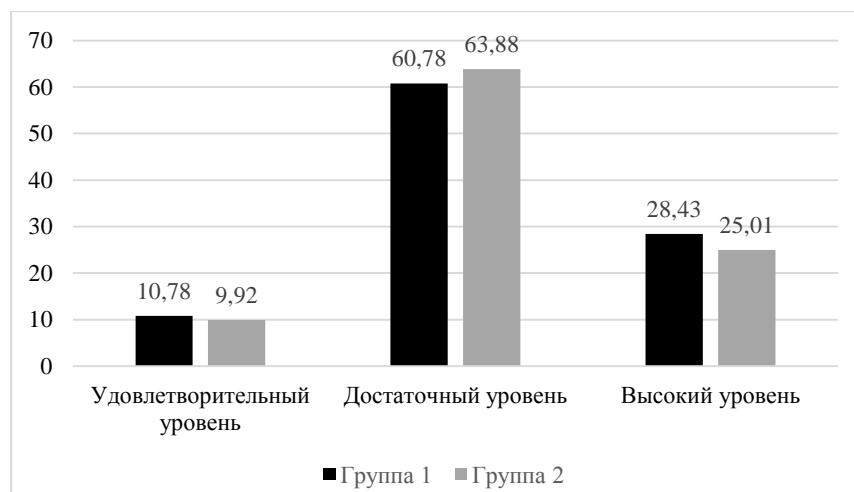

Рис. 3. Распределение участников педагогического эксперимента по уровням исследовательских умений в рамках личностного компонента

Как видно из представленных данных, доля учащихся, достигших достаточного и высокого уровня исследовательских умений в группе 1, на 3,43 % меньше по сравнению с учащимися, вошедшими в группу 2.

Такое различие объясняется формированием более выраженного ценностного отношения к результатам собственного труда учащихся группы 2, заключающегося в положении, что труд по проведению реального лабораторного эксперимента воспринимается более значимо и ценно по сравнению с обработкой информации. Учащиеся группы 2 уделяли больше времени и вниманию отработке умений, связанных с выполнением реального эксперимента, которые, в свою очередь, оказывают непосредственное влияние на формирование таких качеств как уважение собственного труда, ценностное отношение к результатам своего труда, чувство ответственности за выполненные действия и т.д.

Обобщенные результаты по трём изучаемым компонентам приведены в таблице 4.

Таблица 4
Распределение участников педагогического эксперимента по уровням исследовательских умений
по трём изучаемым компонентам

Уровень готовности	Группа 1		Группа 2	
	Количество участников эксперимента, учащихся	Доля участников эксперимента, %	Количество участников эксперимента, учащихся	Доля участников эксперимента, %
Удовлетворительный	4	10,78	4	9,92
Достаточный	21	60,78	23	63,88
Высокий	9	28,44	9	25,01
Итого	34	100,00	36	100,00

Диаграмма, визуализирующая распределение участников педагогического эксперимента по уровням исследовательских умений, показана на рисунке 4.

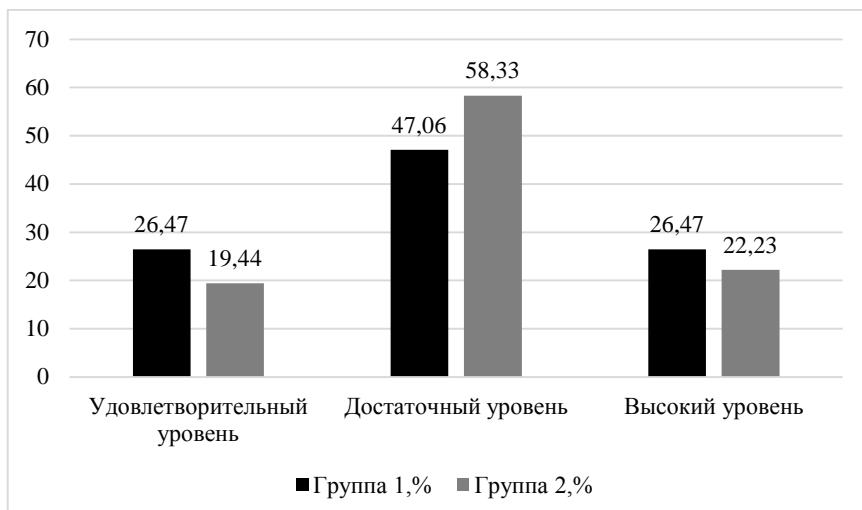

Рис. 4. Распределение участников педагогического эксперимента по уровням исследовательских умений по трём изучаемым компонентам

Из приведенных данных видно, что доля учащихся, вошедших в группу 1 достигших достаточного и высокого уровня исследовательских умений на 0,32 % больше по сравнению с аналогичной долей учащихся, вошедших в группу 2.

Поскольку выборки участников, вошедших в экспериментальные группы, являются случайными и независимыми, измеряемое свойство (уровень исследовательских умений) имеет непрерывное распределение и измеряется по шкале порядка с тремя уровнями («удовлетворительный», «достаточный», «высокий»), для проверки однородности выборок экспериментальных групп, нами был использован непараметрический критерий χ^2 (критерий Пирсона) [8].

Были сформулированы статистические гипотезы: H_0 – отсутствуют достоверные различия в распределении участников экспериментальных групп по уровням исследовательских умений; H_1 – существуют достоверные различия в распределении участников экспериментальных групп по уровням исследовательских умений.

Для проверки сформулированных гипотез с помощью критерия χ^2 были использованы данные, приведенные в таблице 4. На основании данных таблицы 4 было подсчитано значение непараметрического критерия χ^2 по формуле:

$$\chi^2 = n_{\text{Гр}1} \cdot n_{\text{Гр}2} \sum_{i=1}^3 \left[\frac{1}{n_{i\text{Гр}1} + n_{i\text{Гр}2}} \cdot \left(\frac{n_{i\text{Гр}1}}{n_{\text{Гр}1}} - \frac{n_{i\text{Гр}2}}{n_{\text{Гр}2}} \right)^2 \right],$$

где $n_{\text{Гр}1} \cdot n_{\text{Гр}2}$ – произведение количества участников группы 1 и группы 2; $n_{i\text{Гр}1}$ и $n_{i\text{Гр}2}$ – количество количества участников из групп 1 и 2, попавших в категорию по изучаемому свойству i ($i = 1, 2, 3$); $i = 1$ соответствует удовлетворительному уровню сформированных исследовательских умений; $i = 2$ – достаточному, $i = 3$ – высокому [9].

Вычисленное значение критерия $\chi^2 = 0,034$, что позволяет отклонить гипотезу H_1 и принять гипотезу H_0 .

Выводы. Результаты проведённого педагогического эксперимента свидетельствуют о том, что организация для учащихся УИД во внеурочное время на примере учебных предметов «Химия» и «Биология» с применением теоретико-аналитической и экспериментально-исследовательской форм их реализации позволяют достичь существенного уровня развития исследовательских навыков учащихся. Установлено, что в целом, уровень исследовательских навыков учащихся, реализовывавших УИД посредством теоретико-аналитической формы деятельности, практически не отличается,

от аналогичного уровня учащихся, реализовывавших свою УИД с применением экспериментально-исследовательской формы деятельности. Результаты проведённого эксперимента показывают, что применение теоретико-аналитической формы реализации УИД оправдано и позволяет достичь такого уровня исследовательских умений, который сопоставим с уровнем умений, полученных учащимся во время реализации УИД посредством экспериментально-исследовательского подхода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабанский Ю.К. Избранные педагогические труды / Ю. К. Бабанский. – М.: Педагогика, 1989. – 560 с.
2. Дерий И.А. Педагогические условия адаптации будущего учителя начальных классов к профессиональной деятельности / И.А. Дерий // Вестник ДонНУ. Серия Б: Гуманитарные науки. – 2021. – № 2. – С. 135–143.
3. Дробышев Е.Ю. Формирование профессиональной готовности учителей химии к организации учебно-исследовательской деятельности обучающихся. Дис. ... канд. пед. наук. – Донецк, Донецкий государственный университет, 2022. – 292 с.
4. Дробышев Е.Ю. Модель взаимодействия педагога-наставника и обучающегося в ходе реализации учебно-исследовательской деятельности // Педагогика. – 2023. – № 9. – Т. 87. – С.68 –77.
5. Дробышев Е.Ю. Подходы к оцениванию уровня исследовательских умений учащихся по результатам реализации ими учебно-исследовательской деятельности / Е.Ю. Дробышев // Школьные технологии. – 2024. – № 6. – С. 94–101.
6. Мелешко Е.А. Современные педагогические технологии управления научно-исследовательской деятельностью студентов / Е.А. Мелешко / Вестник ДонНУ. Серия Б: Гуманитарные науки. – 2021. – № 3. – С. 216–223.
7. Михалкина Е.В. Организация проектной деятельности: учебное пособие / Е.В. Михалкина, А.Ю. Никитаева, Н.А. Косолапова; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. – 146 с.
8. Новиков Д.А. Статистические методы в педагогических исследованиях (типовые случаи) / Д. А. Новиков. – М.: МЗ-Пресс, 2004. – 67 с.
9. Стариченко Б.Е. Обработка и представление данных педагогических исследований с помощью компьютера / Б. Е. Стариченко. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2004. – 218 с.
10. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70957260> (дата обращения: 04.08.2025).

Поступила в редакцию 20.10.2025 г.

EFFECTIVENESS OF USING VARIOUS FORMS OF ORGANIZING EDUCATIONAL AND RESEARCH ACTIVITIES IN EXTRA-CURRICULAR TIME: COMPARATIVE ANALYSIS

E. Yu. Drobyshev

The article describes a pedagogical experiment devoted to the problem of establishing differences in the level of research skills of students acquired during the implementation of educational and research activities outside of school hours using the example of the subjects "Chemistry" and "Biology" through the implementation of such activities using two forms: theoretical and analytical (without laboratory experiment) and experimental research (with a laboratory experiment). Based on the experimental data obtained, a comparative analysis was carried out for the expediency of using the mentioned forms of implementation of educational and research activities.

Key words: educational and research activities, students' research skills, technology for organizing students' educational and research activities, forms of organizing students' educational and research activities, and the level of development of students' research skills.

Дробышев Евгений Юрьевич

Кандидат педагогических наук, учитель химии,
ГБОУ «Средняя школа № 4 г.о. Макеевка»,
г. Макеевка, ДНР, РФ.
E-mail: zhe-drobyshev@yandex.ru.

Drobyshev Evgeny Yurievich

Candidate of Pedagogical Sciences, chemistry teacher,
SBEI «Secondary School No. 4 of Makeevka»,
Donetsk People's Republic.
E-mail: zhe-drobyshev@yandex.ru.

АНАЛИЗ ДИНАМИЧНОСТИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЫ КАК ВАЖНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ

© 2025 *А. И. Дзундза, И. И. Моисеенко, И. А. Моисеенко, В. А. Цапов*
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

Статья посвящена обоснованию важности формирования динамичности интеллектуально-познавательной сферы как важной характеристики личности будущего учителя. Динамичность интеллектуально-познавательной сферы презентуется авторами как совокупность определенных качеств мышления (гибкость, широта, быстрота, системность, комплексность, настойчивость, активность, логичность, критичность и др.); операций мышления (анализ и синтез, абстрагирование и обобщение, классификация и др.); мотивационно-волевых качеств личности (целеустремленность, терпеливость, решительность, настойчивость, инициативность); определенных когнитивных характеристик личности (обучаемость и самообучаемость как стремление, готовность и способность к получению новых знаний в процессе обучения и самообучения). Выделены методические требования к организации процесса формирования динамичности мышления у будущих учителей: специальная постановка учебной или научно-исследовательской задачи, предполагающая отсутствие готовых алгоритмов решения и ответов; актуализация первоначального осознанного отражения абстрактного учебного материала в конкретных явлениях и законах окружающего мира; осознанность необходимости развития собственной интеллектуальной сферы через овладение определенными операциями мышления и приемами учебной работы; развитие умений и навыков самоорганизации и самоанализа.

Ключевые слова: динамичность интеллектуально-познавательной сферы; качества мышления, операции мышления, мотивационно-волевые качества, обучаемость и самообучаемость.

Введение. Требования к уровню развития интеллектуальной сферы личности в последние годы значительно возрастают в связи со стремительно меняющимися условиями жизнедеятельности социума и отдельного индивида, обусловленными набирающей обороты инновационностью технологической и информационно-коммуникационной сфер. Перед системой образования всталась проблема формирования таких качеств личности как гибкость, системность, целеустремленность и активность; настойчивость и критичность во время осуществления интеллектуально-познавательной деятельности; готовность исправлять ошибки, допущенные при принятии решений. Безусловно, обозначенная проблема в значительной степени касается личности учителя, призванного быть моральным и интеллектуальным авторитетом для подрастающего поколения. Поэтому чрезвычайно актуальной является задача углубления динамичности интеллектуальной сферы студентов педагогических направлений подготовки. В связи с этим важной дидактической целью проектирования и организации профессионального педагогического образования мы считаем формирование динамичности интеллектуально-познавательной сферы у будущих учителей, обеспечивающей творческий интерес к инновациям в профессиональной деятельности, готовность к непрерывному самовоспитанию и самосовершенствованию.

Основная часть. Под такой комплексной характеристикой личности, как динамичность интеллектуально-познавательной сферы, мы понимаем совокупность определенных качеств мышления (гибкость, широта, быстрота, системность, комплексность, настойчивость, активность, логичность, критичность и др.); операций мышления (анализ и синтез, абстрагирование и обобщение, классификация и др.);

мотивационно-волевых качеств личности (целеустремленность, терпеливость, решительность, настойчивость, инициативность); определенных когнитивных характеристик личности (обучаемость и самообучаемость как стремление, готовность и способность к получению новых знаний в процессе обучения и самообучения). Именно развитость динамичности интеллектуально-познавательной сферы позволит будущему учителю в любой момент образовательной и воспитательной работы владеть учебной ситуацией, адекватно реагировать на проблемные моменты при выстраивании взаимодействия с цифровым поколением современных учеников, использовать эффективные подходы к творческому выбору инновационных форм и методов учебного процесса. Заметим, что, необходимость обучения основным приемам развития собственной интеллектуально-познавательной сферы, должна быть осознана будущим учителем на глубоком личностном уровне, что является предпосылкой его заинтересованного участия в процессах интеллектуального саморазвития. Поэтому при организации учебно-воспитательного процесса основное внимание должно уделяться видам работы, опирающимся на самостоятельность и активность студентов, активизирующих их мыслительную деятельность, что требует от преподавателя глубоких знаний психологических теорий мышления и педагогических основ его формирования.

Кратко остановимся на анализе исследований некоторых аспектов феномена мышления человека, связанных с динамичностью интеллектуально-познавательной сферы, основанной на способности оперативно реагировать на ситуативные модели окружающей реальности, устанавливать взаимосвязи между этими моделями, оценивать последствия своих реакций на реальные ситуации. В той или иной форме идея динамичности, как важной характеристики умственной деятельности, нашла свое отражение в известных классических исследованиях мышления: в теории деятельности как процесса интериоризации внешних аспектов деятельности личности во внутренние (Л.С. Выготский, В.В. Давыдов, А.Н. Леонтьев, А.А. Смирнов, А.К. Тихомиров и др.); в теории мышления как процесса отражения и познания окружающей среды (С.И. Архангельский, А.А. Люблинская, А.Г. Маклаков, С.Л. Рубинштейн и др.); в операциональной теории (П.Я. Гальперин, Н.Ф. Талызина, Л.Н. Ланда, Е.Н. Кабанова-Меллер, И.Я. Лернер и др.).

Начала разработки теории мышления с позиций теории активной, динамичной деятельности положены в трудах Л.С. Выготского. Ученый впервые раскрыл двигательную, динамичную природу мыслительных процессов, проанализировал соотношение сознательного, активного поведения и мышления. С этой точки зрения мышление как высшая форма поведения человека «является как бы передаточным механизмом между склонностью и поведением, она осуществляет организацию последнего в зависимости от тех внутренних побуждений, исходящих из глубинных основ нашей психики» [3, с. 173]. Для целей нашего исследования полезным является вывод Л.С. Выготского о том, что «мышление всегда возникает из усложнения. Там, где все продвигается легко без трудностей, еще нет повода для возникновения мысли» [3, с. 207]. Поэтому важным методическим требованием к организации процесса формирования динамичности мышления у будущих учителей мы считаем специальную постановку учебной или научно-исследовательской задачи, которая предполагает отсутствие у студентов готовых алгоритмов решения и ответов. Именно в такой ситуации мышление и опирается на весь интеллектуальный опыт личности в выборе или построении способа решения задач, а особенностью осуществляемых мыслительных операций является актуализация творческого начала в учебной или иной деятельности. Разработку теории деятельности продолжали такие известные ученые

как В.Н. Дружинин, А.А. Смирнов, А.Г. Маклаков. В исследованиях А.А. Смирнова подчеркивается важность динамичности мышления как способности человека, претерпевающей изменения на протяжении всей его жизни, к решению разнообразных постоянно обновляющихся задач и целесообразному преобразованию действительности [21].

В трудах ряда ученых динамичность мышления исследуется через обоснование его познавательной сущности. Так, В.Н. Скворцов и А.Г. Маклаков делают вывод о том, что мышление является высшим познавательным процессом, суть которого заключается в порождении нового знания на основе творческого отражения и преобразования человеком действительности [20]. В исследованиях А.А. Люблинской, С.И. Архангельского подчеркивается, что основной функцией процесса мышления является активное отражение и познание окружающего мира [11]. То есть, еще одним методическим требованием к организации процесса формирования динамичности мышления у будущих учителей является актуализация первоначального осознанного отражения студентами в процессе изучения абстрактного учебного материала конкретных явлений и законов окружающего его мира. Этот первоначальный этап фактически и является основой приобретения и преобразования новых знаний. Ведь при этом мышление человека, под непосредственным воздействием внешнего мира и в условиях специально организованного педагогического процесса, осуществляет сложную деятельность по восприятию, анализу и отражению определенного факта, явления, закона. Важным для нас является вывод С.И. Архангельского о том, что мышление является главной сферой деятельности студента, осуществляющей через представление, восприятие, осмысливание, анализ, синтез и обобщение [1].

А.А. Люблинская исследует мышление как процесс отражения предметов и явлений окружающей действительности в их существенных признаках и выявления разнообразных связей, существующих внутри них и между ними. Ученая делает вывод о том, что принципиальными особенностями мышления человека являются проблемность, поисковый характер, направленность на поиск решения задачи, опосредованность, возможность познания таких явлений действительности и зависимостей между ними, которые недоступны органам чувств человека. В этом выводе интеллектуальная деятельность изучается, как постоянное движение мысли от единичных, конкретных случаев к их осмыслинию, а затем к их преобразованию с целью практического использования определенных свойств, зависимостей и закономерностей [12]. Таким образом, актуализируется динамичность мышления через способность человека раскрывать связи, существующие между предметами, прогнозировать их изменения под влиянием различных причин.

В исследованиях С.Л. Рубинштейна мышление как динамичный процесс характеризуют такие его действия, как проверка, критика, контроль [19]. В.Н. Дружинин отмечает, что мышление и интеллект – близкие по смыслу термины. Термины «разум», «интеллект», по мнению ученого, выражают свойство, качество, а «мышление», «сознание» – процесс. Человек, наделенный интеллектом, способен к осуществлению динамичных процессов мышления [6]. На наш взгляд, «разумность», «интеллектуальность» познавательных процессов, протекающих в процессе учебной, научно-исследовательской работы студентов как раз и фиксируют их мыслительную динамичность.

Проблема развития операций мышления как элемента исследуемой нами комплексной характеристики интеллектуальной сферы, динамичности, нашла отражение в трудах ряда педагогов и психологов (П.Я. Гальперин, Н.Ф. Талызина,

Л.Н. Ланда, И.Я. Лернер, Н.З. Дьяченко, Н.А. Менчинская, А.М. Соколов и др.). В трудах ученых подчеркивается, что усвоение операций умственной деятельности расширяет сферу познания, а это, в свою очередь, способствует осознанию собственного умственного развития (Г.И. Щукина, В.Г. Степанов, Е.Н. Кабанова-Меллер). Заметим, что в работах ряда ученых (В.В. Давыдов, Я.А. Пономарев, Л.Н. Ланда) необходимость обучения определенным операциям умственной деятельности, обосновывается, как фундамент развития способности управлять интеллектуальным развитием студентов [4, 16, 18]. Л.Н. Ланда подчеркивает, что развитие мышления не сводится к приобретению знаний. Оно включает в себя умственные операции, направленные на творческое преобразование знаний. Уметь активно мыслить означает уметь оперировать знаниями [8]. Для нас также важен вывод, сделанный в исследованиях Е.Н. Кабановой-Меллер, о том, что операции мышления, являющиеся основой его динаминости, тесно связаны с приемами учебной работы. Ученая определяет приемы учебной работы, как способы, которыми она выполняется студентами, и которые могут быть объективно выражены в виде перечня действий, указаний, рекомендаций, правил, а операции мышления – это способы, которыми осуществляется умственная деятельность студентов [7]. В наших исследованиях потенциала математического обучения в развитии интеллектуально-познавательной сферы студентов мы особо отмечали, что при проектировании учебно-воспитательной работы на педагогических направлениях подготовки важно уделять внимание формированию осознанности участия будущих учителей в саморазвитии операций мышления. Приобретенные при этом умения они впоследствии могут применять при осуществлении научно-исследовательской деятельности, при прохождении педагогической практики [22]. Анализ научно-педагогических исследований и опыт нашей педагогической деятельности позволяет нам сделать вывод о том, что уверенное владение операциями мышления и приемами учебной работы лежит в основе эффективности формирования динаминости интеллектуальной сферы студентов. В связи с этим еще одним методическим требованием к организации процесса формирования динаминости мышления у будущих учителей мы считаем осознанность необходимости развития собственной интеллектуальной сферы через овладение определенными операциями мышления и приемами учебной работы.

Мотивационно-волевые качества личности с точки зрения их важности при осуществлении интеллектуально-познавательной работы обучающимися изучались в трудах ряда ученых (Л.И. Божович [2], В.Г. Максимов [13], Л.М. Митина [14], Е.В. Леонтьева [10], Н.В. Попова [17] и др.) Целям нашего исследования близко выделение учеными таких качеств личности, как выдержанность, настойчивость, самообладание, сила воли, увлеченность и др.

Анализ научно-педагогической литературы и наш опыт педагогической деятельности позволяет утверждать, что формированию динаминости интеллектуально-познавательной деятельности будущих учителей способствует развитость таких качеств, как целеустремленность, терпеливость, решительность, настойчивость, инициативность [23]. Целеустремленность мы трактуем как сознательную направленность личности на активную деятельность для достижения определенного результата в учебной, научно-исследовательской или иной деятельности. Развитие целеустремленности эффективно осуществляется при использовании в процессе преподавания учебных дисциплин задач на анализ условия; определение полноты данных, устранение некорректности формулировок и пр. Одним из признаков сформированности целеустремленности мы считаем способность

составления продуманного плана решения задачи (с обоснованием его этапов). Терпеливость при осуществлении студентами интеллектуально-познавательной деятельности мы трактуем, как способность в течение длительного времени поддерживать высокую интенсивность работы, доводить каждый запланированный этап деятельности до конца, сохранять выдержку в процессе преодоления трудностей. Заметим, что терпеливость особенно важна будущему учителю. Решительность в контексте нашего исследования мы понимаем, как способность быстро принимать и реализовывать решения в сложных ситуациях, умение избавляться от излишних сомнений. Для формирования решительности мы используем задачи на построение доказательств, перевернутые задачи [5]. Такое мотивационно-волевое качество, как настойчивость близко к целеустремленности. Настойчивость в осуществлении интеллектуально-познавательной деятельности студентами выражается в их способности на протяжении длительного периода времени направлять усилия на достижение результата, мобилизовать свои умственные способности для решения поставленных задач. Для развития этого качества у студентов мы применяем, задачи исследовательского, поискового характера. В процессе их решения студенты зачастую приходят к выводу о недостаточности своих знаний, что побуждает их проявить настойчивость в поиске необходимого теоретического материала. Инициативность в процессе интеллектуально-познавательной деятельности проявляется в способности предпринимать нестандартные действия для реализации возникающих новых идей, в умении отыскать нешаблонные подходы к решению задач. Для развития инициативности мы используем задачи, которые решаются несколькими способами, требуют самостоятельного составления плана решения, основанного выбора метода решения из имеющихся альтернативных методов, проверки правильности решения. При этом особо поощряем поиск собственных алгоритмов и способов решения. Безусловно, типизация задач на формирование того или иного мотивационно-волевого качества является достаточно условной. Решение учебных задач в той или иной мере способствует развитию мотивационно-волевой сферы студентов в целом.

Анализ таких когнитивных характеристик личности, как обучаемость и самообучаемость глубоко исследуются в трудах ученых. Нам импонирует точка зрения авторов Нгуен Тхук Тху, Чан Тхи Тхань, Т.А. Боровских, которые исследуют ценностно-мотивационную, организационную и рефлексивную стороны личностного феномена «самообучаемость». Мы согласны с выводами ученых о необходимости формирования ценностно-мотивационной системы личностных ориентиров обучающихся, обеспечивающей их готовность к самостоятельному приобретению знаний [15]. С. Ю. Ланина, Е. В. Плащевая, О. В. Иванчук обосновывают важность развитие у студентов организационных умений планирования собственных траекторий обучения и самообучения, а также навыков оценивания результатов собственной учебной деятельности [9]. Разделяя приведенные выше выводы ученых, мы выделяем также такое методическое требование к организации процесса формирования динамичности мышления у будущих учителей, как развитие умений и навыков самоорганизации и самоанализа.

Заключение. Сформированность динамичности интеллектуально-познавательной сферы целесообразно рассматривать как необходимое условие эффективности профессиональной подготовки будущего учителя. Проектирование и организация процесса формирования динамичности интеллектуально-познавательной сферы будущего учителя должно основываться на разработке теоретического и практического методического инструментария для развития таких качеств мышления, как гибкость,

широкота, быстрота, системность, комплексность, настойчивость, активность, логичность, критичность; таких операций мышления, как анализ и синтез, абстрагирование и обобщение, классификация и др.; таких мотивационно-волевых качеств личности, как целеустремленность, терпеливость, решительность, настойчивость, инициативность; таких когнитивных характеристик личности, как обучаемость и самообучаемость как стремление, готовность и способность к получению новых знаний в процессе обучения и самообучения. Методическими требованиями к организации процесса формирования динамичности мышления у будущих учителей являются: специальная постановка учебной или научно-исследовательской задачи, предполагающая отсутствие готовых алгоритмов решения и ответов; актуализация первоначального осознанного отражения абстрактного учебного материала в конкретных явлениях и законах окружающего мира; осознанность необходимости развития собственной интеллектуальной сферы через овладение определёнными операциями мышления и приемами учебной работы; развитие умений и навыков самоорганизации и самоанализа.

Развитость динамичности интеллектуально-познавательной сферы позволит будущему учителю оперативно принимать решения при планировании и организации учебных сценариев, выстраивать эффективные линии взаимодействия с цифровым поколением современных учеников, творчески осуществлять выбор организационных форм и методов учебного процесса для достижения поставленных дидактических, воспитательных и развивающих целей.

Исследования проводились в ФГБОУ ВО «ДонГУ» при финансовой поддержке Азово-Черноморского математического центра (Соглашение от 27.02.2025 № 075-02-2025-1608).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архангельский С.И. Учебный процесс в высшей школе, его закономерные основы и методы / С. И. Архангельский. – М.: Высш. школа, 1980. – 368 с.
2. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л. И. Божович. – Санкт-Петербург: Питер, 2008. – 400 с.
3. Выготский Л. С. Педагогическая психология / Л. С. Выготский; Под ред. В. В. Давыдова. – М.: Педагогика, 1991 – 479 с.
4. Давыдов В. В. Теория развивающего обучения: монография / В. В. Давыдов; Российская академия образования [РАО]. Психологический институт, Международная ассоциация «Развивающее обучение». – М.: ИНТОР, 1996. – 542 с.
5. Дзундза А. И. Перевернутая задача как средство мировоззренческого обучения студентов математическим дисциплинам / А. И. Дзундза, И. А. Моисеенко, В. А. Цапов // Дидактика математики: проблемы и исследования: Междунар. сборник научных работ. – 2022. – Вып. 56. – С. 50-56.
6. Дружинин В. Н. Психология способностей: Избранные труды. / В. Н. Дружинин. – М.: Институт психологии РАН, 2007. – 541 с.
7. Кабанова-Меллер Е. Н. Учебная деятельность и развивающее обучение / Е. Н. Кабанова-Меллер // Новое в жизни, науке, технике. Серия «Педагогика и психология». – № 6. – М.: Знание, 1981. – 96 с.
8. Ланда Л. Н. Умение думать. Как ему учить? / Л. Н. Ланда // Новое в жизни, науке, технике. Серия «Педагогика и психология». – № 4 – М.: Знание, 1975. – 64 с.
9. Ланина С. Ю. Активизация познавательной деятельности студентов вузов / С. Ю. Ланина, Е. В. Плащевая, О. В. Иванчук // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2023. – № 4(218). – С. 218-220.
10. Леонтьева Е. В. Подготовка учителей в процессе дополнительного профессионального образования к духовно-нравственному воспитанию школьников: диссертация ... кандидата педагогических наук, специальность 13.00.08 «Теория и методика профессионального образования» / Е. В. Леонтьева; Академия повышения квалификации и проф. переподготовки работников образования. – Москва, 2012. – 158 с.

11. Люблинская А. А. О природе действия в концепции формирования умственных действий / А. А. Люблинская // Вопросы психологии. – 1960. – № 3. – С. 136–142.
12. Люблинская А. А. Система отношений – основа нравственной воспитанности личности / А. А. Люблинская // Вопросы психологии. – 1983. – № 2. – С. 74–78.
13. Максимов В. Г. Технология формирования профессионально-творческой личности учителя / В. Г. Максимов. – Чебоксары: ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, 1996. – 227 с.
14. Митина Л. М. Личностно-профессиональное развитие учителя: стратегии, ресурсы, риски / Л. М. Митина. – Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2018. – 456 с.
15. Нгуен Т. Т. Формирование и развитие опыта самообучения у школьников / Т. Т. Нгуен, Т. Т. Чан, Т. А. Боровских // Наука и школа. – 2018. – № 5. – С. 52-57.
16. Пономарев Я. А. Перспективы развития психологии творчества / Я. А. Пономарев // Психология творчества: школа Я. А. Пономарева / Редактор-составитель Д. В. Ушаков. – М.: Институт психологии РАН, 2006. – С. 145-276.
17. Пономарев Я. А. Психология творчества / Я. А. Пономарев // Современные исследования интеллекта и творчества / Ответственные редакторы: А. Л. Журавлев, Д. В. Ушаков, М. А. Холодная. – М.: Институт психологии РАН, 2015. – С. 431-527.
18. Попова Н. В. Влияние патриотической направленности на развитие морально-волевых качеств у будущих специалистов / Н. В. Попова, М. О. Меннер, В. Н. Косякин // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2024. – № 1. – С. 108-113.
19. Рубинштейн С. Л. О мышлении и путях его исследования / С. Л. Рубинштейн; Академия наук СССР. Институт философии. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 148 с.
20. Скворцов В. Н. Возрастные этапы развития психики человека: монография / В. Н. Скворцов, А. Г. Маклаков; Ленинградский гос. ун-т им. А. С. Пушкина. – Санкт-Петербург: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2007. – 119 с.
21. Смирнов А. А. Труды действительных членов и членов-корреспондентов Академии педагогических наук СССР. Избранные психологические труды Смирнов А. А.: В 2 томах. Т. 2 / Под ред. Б. Ф. Ломова; Акад. пед. наук СССР. – М.: Образование-Педагогика, 1987. – 342 с.
22. Формирование операций мышления в процессе обучения математике как основа развития интеллектуально-познавательной сферы студентов / А. И. Дзундза, И. А. Моисеенко, И. И. Моисеенко, В. А. Цапов // Дидактика математики: проблемы и исследования. – 2025. – Вып. 2 (66). – С. 27-35.
23. Дзундза А.И. Эвристическая беседа как эффективная форма мировоззренческого обучения математическим дисциплинам современных студентов / А. И. Дзундза, И. А. Моисеенко, И. И. Моисеенко, В. А. Цапов // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Гуманитарные науки. – 2024. – № 3. – С. 55-60.

Поступила в редакцию 29.09.2025 г.

ANALYSIS OF THE DYNAMICS OF THE INTELLECTUAL-COGNITIVE SPHERE AS AN IMPORTANT CHARACTERISTIC OF THE PERSONALITY OF A FUTURE TEACHER

A. I. Dzundza, I. A. Moiseenko, I. I. Moiseenko, V. A. Tsapov

The article is devoted to substantiation of importance of development of dynamism of intellectual and cognitive sphere as an important characteristic of personality of future teachers. dynamism of intellectual and cognitive sphere is presented by the authors as a set of certain qualities of thinking (flexibility, breadth, speed, systematicity, complexity, persistence, activity, logic, criticality, etc.); operations of thinking (analysis and synthesis, abstraction and generalization, classification, etc.); motivational and volitional qualities of personality (purposefulness, patience, determination, persistence, initiative); certain cognitive characteristics of personality (learnability and self-learning as desire, readiness and ability to obtain new knowledge in the process of learning and self-learning). methodological requirements for organization of process of development of dynamism of thinking in future teachers are highlighted: special statement of educational or research task, implying absence of ready-made algorithms of solution and answers; actualization of initial conscious reflection of abstract educational material in specific phenomena and laws of the surrounding world; awareness of the need to develop one's own intellectual sphere through mastering certain thinking operations and methods of academic work; development of skills and abilities of self-organization and self-analysis.

Key words: dynamism of the intellectual and cognitive sphere; qualities of thinking, qualities of thinking, motivational and volitional qualities, learning ability and self-learning ability.

Дзундза Алла Ивановна

Доктор педагогических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
г. Донецк, ДНР, РФ.
E-mail: alladzundza@mail.ru

Dzundza Alla Ivanovna

Doctor of Pedagogic Sciences, Professor,
FSBEI HE “Donetsk State University”,
Donetsk, DPR, RF.
E-mail:alladzundza@mail.ru

Моисеенко Игорь Алексеевич.

Доктор педагогических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
г. Донецк, ДНР, РФ.
E-mail: dekan.fmit.dongu@mail.ru

Moiseyenko Igor Alexeyevich.

Doctor of Pedagogic Sciences, Professor,
FSBEI HE “Donetsk State University”,
Donetsk, DPR, RF.
E-mail: dekan.fmit.dongu@mail.ru

Моисеенко Игорь Игоревич.

Аспирант,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
г. Донецк, ДНР, РФ.
E-mail: m3030103@yandex.ru

Moiseyenko Igor Igorevich.

Postgraduate student.
FSBEI HE “Donetsk State University”,
Donetsk, DPR, RF.
E-mail: m3030103@yandex.ru

Цапов Вадим Александрович.

Доктор педагогических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
г. Донецк, ДНР, РФ.
E-mail: tsapva@mail.ru

Tsapov Vadim Alexandrovich.

Doctor of Pedagogic Sciences, Associate Professor,
FSBEI HE “Donetsk State University”,
Donetsk, DPR, RF.
E-mail: tsapva@mail.ru

ОЦЕНКА ЗНАНИЙ УЧАЩИХСЯ О СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЕ В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

© 2025 *K. B. Сычёва*

ФГБОУ ВО «Азовский государственный педагогический университет»

Статья посвящена актуальной образовательной проблеме, связанной с эффективностью усвоения знаний учащимися в контексте решения проблемы низкой социальной и пенсионной грамотности российского населения. Целью статьи является оценка информированности о социальной защите и пенсионном обеспечении населения в контексте реформирования среднего образования: анализ сущности проблемы и поиск её решения. Представлены результаты социологического исследования среди родителей учащихся старших классов относительно необходимости совершенствования школьной программы. Предложена методика проверки и оценивания полученных знаний после изучения предлагаемого автором модуля с последующим анализом полученных результатов.

Ключевые слова: социальная защита населения, проблема и решение, оценка знаний, проверка знаний, тестирование, эффективность, методика.

Введение. Одной из главных задач современного социально-экономического образования наряду с созданием условий для самореализации личности как экономически активного члена общества, способного сознательно участвовать в экономической жизни государства, является формирование у учащихся социально ответственного поведения как необходимого условия развития демократического общества.

Вопросам, касающимся методики обучения экономике как общественной науке, особенностям применения различных методов обучения и технологий, проверке знаний учащихся посвящены работы многих отечественных и зарубежных ученых и практиков, таких как: М. Ю. Балюра, Ю. А. Иванова, М. Киварина, М.А. Лабутина, А.М. Теплова, А.В. Шепталина, С. Рамараж и другие. Так, А.М. Теплова в своих работах концентрирует внимание на изучении проблемы низкой заинтересованности учащихся в учебном процессе и оценке социологического опроса учащихся и учителей одной из российских школ относительно их отношения к современной школе [1]; П. Джаганатан, М. Киварина, М.А. Лабутина, А.В. Шепталина, С. Рамараж, О.М. Толмачев в своих исследованиях отмечают важность процесса формирования подростков как личности, активного и динамичного участника общества, необходимость использования интерактивных методов обучения и внедрения инновационных методик и средств обучения в учебно-воспитательном процессе [2–6]; М. Ю. Балюра и Ю. А. Иванова – отмечают необходимость повышения качества профессионально-педагогической подготовки будущих учителей. В целом, отмеченные авторы внесли значительный вклад в развитие теории и практики преподавания экономики как общественной науки в школе [7–8].

Вместе с тем остается ряд образовательных проблем, которые до сих пор недостаточно изучены и не решены, что обуславливает целесообразность дальнейших исследований в этой области, и объясняет выбор темы исследования.

Целью данной статьи является оценка информированности о социальной защите и пенсионном обеспечении населения в контексте реформирования среднего образования, анализ сущности проблемы и поиск ее решения.

Основная часть. Одной из упомянутых актуальных социально-экономических проблем в области образования является низкий уровень знаний современной молодежи относительно условий и принципов социальной защиты населения, необходимость совершенствования учебных программ в соответствии с потребностями общества [5], формирование у учащихся не только экономической, но и социально ответственной позиции (перегруженность учебной программы по экономике и её перекос в сторону предпринимательства и бизнеса с одновременным отсутствием информации, имеющей социально значимый характер) [4; 5; 9], разработка объективных методов оценки и проверки соответствующих знаний [10].

Как показали результаты опроса, проведенного Всероссийским центром исследования общественного мнения (ВЦИОМ), в котором приняли участие 1200 человек по всей РФ, большая часть населения (69 %) имеют лишь поверхностное представление о российской системе социального страхования и пенсионного обеспечения в частности, в то время как относительно достаточный уровень знаний имеют лишь 8 % опрошенных. При этом у 25 % опрошенных лиц в возрасте моложе 48 лет (в основном мужчины и молодежь до 25 лет) полностью отсутствуют базовые знания по этому поводу [11] (рис. 1), а на часть вопросов респонденты затруднялись ответить вообще. Так, 58 % респондентов не смогли ответить на вопрос относительно размера взноса с заработной платы, которую работодатель перечисляет в пользу своих работников с целью формирования накопительной части их пенсии, а 44 % – о возможности перечисления накопительной части пенсии в негосударственный пенсионный фонд и т. д. [11]. При этом, согласно этого же опроса, 42 % опрошенных молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет считают обществознание не менее полезным школьным предметом, чем история (12 % среди всех опрошенных всех возрастных категорий).

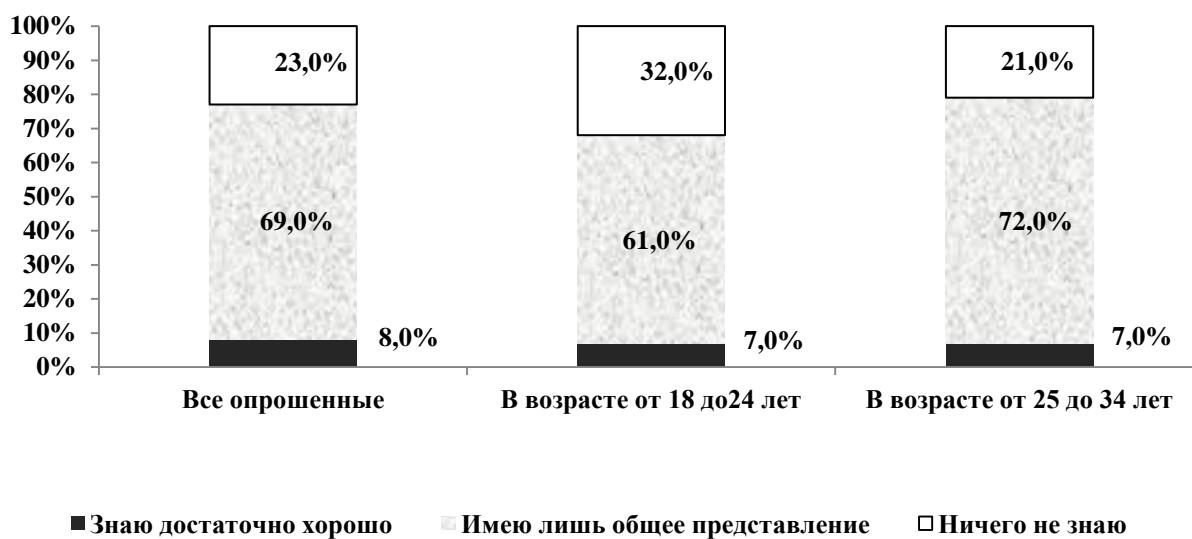

Рис. 1 Результат распределения ответов респондентов на вопрос:
«Как Вы оцениваете собственные знания о действующей системе пенсионного обеспечения»

Одновременно, необходимость реформирования структуры школьной программы поддерживают родители старшеклассников. Так, согласно опроса, по мнению родителей учащихся, целесообразно было бы ввести дополнительные социальные предметы, которые имели бы реальную пользу для каждого учащегося для их будущей самостоятельной жизни. Например, наряду с правилами дорожного движения и нравственными основами семейной жизни, по мнению родителей, учащихся

целесообразно в рамках обязательной программы знакомить с финансовой грамотностью, включающую информацию о системе социального страхования и пенсионного обеспечения населения (73 %, 38 % и 44 % опрошенных соответственно) [12]. При этом на вопрос о возможности отмены одних предметов в пользу других большинство респондентов ответили, что необходимо расширить учебную программу без сокращения предметов (8 %) или отдать преимущество новым предметам вместо музыки или изобразительного искусства (по 7 %).

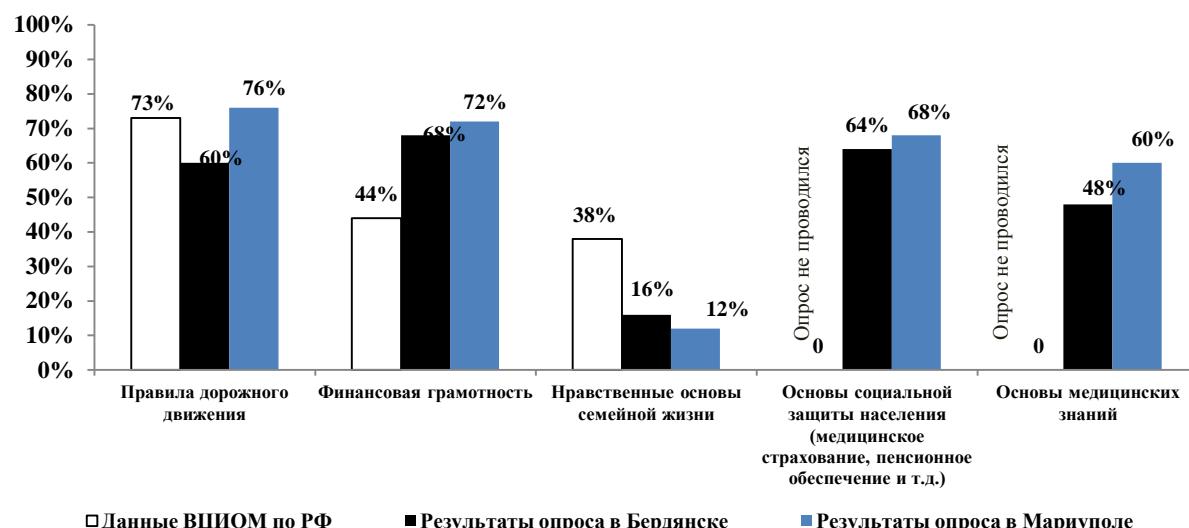

Рис. 2. Распределение утвердительных ответов родителей старшеклассников по поводу необходимости обязательного изучения предмета в школах, расположенных на новых регионах в 2025 году в сравнении с результатами опроса ВЦИОМ (до 2022 года без учёта новых регионов)

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос:

«Как Вы считаете, какие из этих предметов должны быть обязательными к изучению старшеклассниками, а какие не должны преподаваться им?» (закрытый вопрос, один ответ по каждой строке, %)

Предмет	Должен быть обязательным для всех школьников, чел. (%)		Должен быть дополнительным, на выбор родителей и школьников, чел. (%)		Не должен преподаваться в школе, чел. (%)		Затрудняюсь ответить, чел. (%)	
	Бердянск	Мариуполь	Бердянск	Мариуполь	Бердянск	Мариуполь	Бердянск	Мариуполь
Правила дорожного движения	15 (60 %)	19 (76 %)	3 (12 %)	3 (12 %)	4 (16 %)	2 (8 %)	3 (12 %)	1 (4 %)
Основы медицинских знаний	12 (48 %)	15 (60 %)	7 (28 %)	5 (20 %)	4 (16 %)	3 (12 %)	2 (8 %)	2 (8 %)
Финансовая грамотность	17 (68 %)	18 (72 %)	4 (16 %)	6 (24 %)	3 (12 %)	1 (4 %)	1 (4 %)	1 (4 %)
Нравственные основы семейной жизни	4 (16 %)	3 (12 %)	16 (64 %)	12 (48 %)	3 (12 %)	5 (12 %)	2 (8 %)	5 (20 %)
Национальный (региональный) язык в национальных республиках	17 (68 %)	5 (12 %)	6 (24 %)	16 (64 %)	1 (4 %)	3 (12 %)	1 (4 %)	1 (4 %)
Основы социальной защиты населения (медицинское	16 (64 %)	17 (68 %)	5 (20 %)	5 (20 %)	2 (8 %)	1 (4 %)	2 (8 %)	2 (8 %)

страхование, пенсионное обеспечение и т.д.)								
Основы мировых религиозных культур	3 (12 %)	4 (16 %)	9 (36 %)	14 (56 %)	9 (36 %)	5 (12 %)	4 (16 %)	2 (8 %)

Анализируя результаты данного социологического опроса, следует отметить, что он проводился до 2022 года, когда административно-территориальное устройство было иным, нежели сегодня. В связи с этим был сделан вывод о целесообразности проведения аналогичного опроса (в сокращённом формате) среди родителей учащихся школ в новых регионах в сравнении с результатами, полученными ВЦИОМ. Дополнительно на обсуждение был вынесен вопрос об обязательности изучения основ медицинских знаний и основ социальной защиты населения (включённый ВЦИОМ в курс БЖД и финансовой грамотности). В результате проведенного опроса среди 50 родителей учащихся 10–11 классов средней школы № 15 г. Бердянска (далее – Бердянск) и средней школы № 7 г. Мариуполя (далее – Мариуполь) в марте 2025 г. в целом были получены похожие результаты (табл. 1, рис. 2).

Так, по мнению родителей школьников, наряду с правилами дорожного движения и основами медицинских знаний (69%, 48 % опрошенных соответственно в Бердянске и 76 %, 60 % опрошенных соответственно в Мариуполе), учащихся целесообразно было бы обязательно знакомить с практическими финансовыми основами самостоятельной жизни и информацией о системе социального и пенсионного обеспечения населения (68 % и 64 % опрошенных соответственно в Бердянске и 72 %, 68 % опрошенных соответственно в Мариуполе) без увеличения общей учебной нагрузки на детей и без отмены каких-либо предметов или за счёт сокращения часов по физической культуре, иностранному языку или технологии (20 %, 16 %, 12 % и 12 % опрошенных соответственно в Бердянске и 16 %, 12 %, 16 % и 12 % – в Мариуполе) (рис. 3, табл. 2).

Возможным способом решения отмеченных выше образовательных проблем является внедрение в учебную программу для учащихся 10-х классов (СОО) и первого курса учащихся средних профессиональных организаций (СПО) экономического модуля в рамках курса обществознания, посвященного теме социального и пенсионного обеспечения населения в объёме 4 часов (4 тем) как логичного продолжения темы «Государство и экономика». Данный модуль, разработан автором с учётом принципов личностного, деятельностного и практико-ориентированного подходов с использованием как традиционных пассивных методов (проведение лекции учителем), так и активных (беседа тестовые задания, решение задач, написание рефератов и др.) и интерактивных методов (квестов) с использованием современных информационных и мультимедийных ресурсов (ПК, телефонов, планшетов) и технологий (Internet сайты и он-лайн платформ) с акцентом на последних. В структуре предлагаемого экономического модуля «Система обязательного социального страхования населения. Пенсионное обеспечение» предложено выделять 3 темы комбинированных занятий и 1 тему в форме занятия-практикума (из расчёта 1 тема – 1 занятие) [13]:

- тема 1. Система общеобязательного социального страхования населения;
- тема 2. Социальный фонд России. Фонд социального страхования и Пенсионный фонд. Негосударственные пенсионные фонды;
- тема 3. Государственное пенсионное обеспечение и пенсионное страхование населения. Дополнительное пенсионное обеспечение населения;
- тема 4. Итоговое практическое занятие (с использованием Internet-технологий и современных информационных средств).

Данный проект занятий, и предложенная методика формирования социально-пенсионных знаний у учащихся даст возможность повысить уровень социальной и пенсионной грамотности российской молодежи. С целью проверки данного предположения был сделан вывод о необходимости его проверки (оценки и проверки соответствующих знаний учащихся). Апробация и проверка методики проходила в форме проведения соответствующих занятий для учащихся 10-А класса СОШ №15 г. Бердянска в марте 2025 года в рамках факультативных занятий по обществознанию [10].

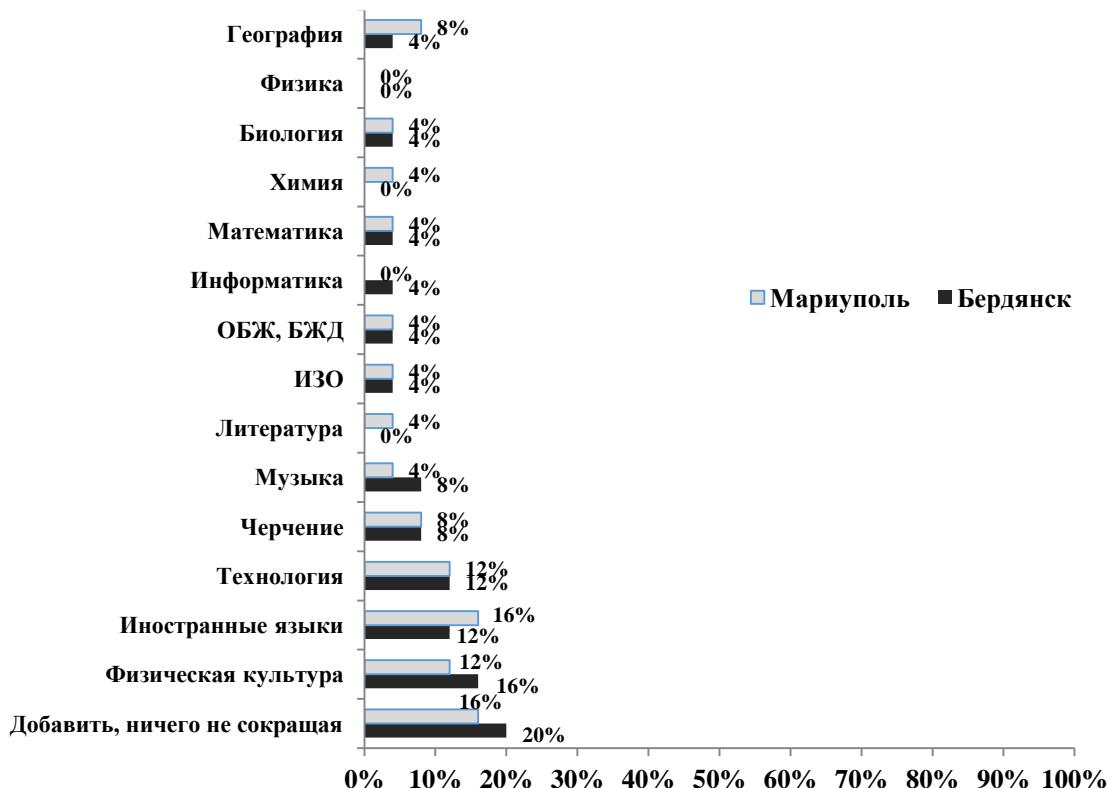

Рис. 3. Относительное распределение ответов респондентов на вопрос: «За счет сокращения каких предметов школьной программы, на Ваш взгляд, возможно ввести выбранные Вами дополнительные обязательные предмет(-ы)», %

Таблица 2

Абсолютное распределение ответов респондентов на вопрос: «За счет сокращения каких предметов школьной программы, на Ваш взгляд, возможно ввести выбранные Вами дополнительные обязательные предмет(-ы)?

Варианты	Опрошенные, чел.	
	Бердянск	Мариуполь
Ничего не сокращать не нужно, эти предметы просто добавить	5	4
Физическую культуру	4	3
Иностранные языки	3	4
Технология	3	3
Черчение	2	2
Музыка	2	1
Литература	-	1
ИЗО	1	1
ОБЖ, БЖД	1	1
Информатика	1	-
Математика	1	1

Химия	-	1
Биология	1	1
Физика	-	-
География	1	2
Всего респондентов	25	25

В качестве проверки и оценки усвоения полученных знаний учащимися был использован метод тестирования (16 вопросов) с последующим анализом полученных результатов (табл. 3).

Применялась следующая система оценивания знаний: за каждое правильно решённое тестовое задание –1 балл, максимальное количество набранных баллов – 16, с последующим переводом в пяти-балльную систему оценивания:

- <30 % правильных ответов (1–5 ответов) – оценка «не удовлетворительно»;
 - от 30 % до 59 % правильных ответов (6–11) – «удовлетворительно»;
 - от 60 % до 89 % правильных ответов (12–17) – «хорошо»;
 - ≥90 % правильных ответов (18–20) – «отлично».

Таблица 3

Методика проверки знаний учащихся по теме: «Система обязательного социального страхования населения. Пенсионное обеспечение»

Общие вопросы по системе социальной защиты в РФ	
1. Какого вида государственной помощи не существует в РФ:	
а) пособия на лечение, пособие одинокой матери, пособие по многодетности;	
б) социальной помощи малообеспеченным гражданам (инвалидам);	
в) пособия по безработице;	г) пособие по рождению ребенка.
2. Олег уволился с работы по собственному желанию (ст. 15 ТК РФ). В какое социальное государственное учреждение для назначения социальной помощи он имеет право обратиться:	
а) Центр занятости;	в) МФЦ;
б) СФР;	г) все ответы верны.
3. Страховые взносы – это...	
а) обязательные социальные выплаты государства;	
б) отчисления, которые делают граждане в пользу государства после выхода на пенсию;	
в) ежемесячные отчисления работодателей в систему обязательного социального страхования.	
4. Документ, подтверждающий участие человека в системе обязательного социального (пенсионного в том числе) страхования – это...(несколько правильных ответов)	
а) пенсионное удостоверение;	
б) страховое свидетельство;	
в) страховой договор с пенсионным фондом.	
5. Каким образом можно подать заявление на получение государственного пособия по рождению ребенка и на назначение субсидии на оплату жилищно-коммунальных услуг [3] (несколько правильных ответов):	
а) лично в МФЦ;	
б) в МФЦ могут подать родственники и другие лица с Вашими документами;	
в) он-лайн на портале Государственных услуг;	
г) в мобильном приложении «Госуслуги»	
6. В соответствии с законодательством РФ гражданин имеет право на социальную пенсию при достижении возраста:	
а) 55 лет для женщин и мужчин; в) 60 лет для женщин и мужчин;	
б) 65 лет для женщин и мужчин г) 65 лет и 70 лет – для женщин и мужчин соответственно.	
7. В системе обязательного пенсионного страхования страховщиками выступают:	
а) плательщики страховых взносов;	
б) управляющие компании или негосударственные пенсионные фонды;	
в) Социальный фонд России и негосударственные пенсионные фонды.	

Продолжение таблицы 3

Тестирование проводилось дважды (на первом и на третьем занятиях) с целью проверки динамики усвоения знаний, что было обусловлено следующим. Начиная с 2011 года, по всей стране регулярно один раз в год сотрудниками Пенсионного (с 2024 г. – Социального) фонда среди старшеклассников проводится факультативное занятие (одночасовая лекция) [14], посвящённое основам пенсионного обеспечения населения, для этого Социальным фондом России для молодежи ежегодно выпускается и распространяется буклет «Все о будущей пенсии» [15], содержащий актуальные данные об отечественной пенсионной системе. Однако сложность информации и недостаток времени, которое даётся на ознакомление с данной информацией, отсутствие педагогических навыков у специалистов СФР, не позволяют школьникам хорошо усвоить материал. Исходя из этого, было принято решение о проведении двойного тестирования учащихся, при котором первое проводилось после того, как учащимися уже была прослушана упомянутая одночасовая лекция (входной контроль) осень 2024 г., а повторное – на

заключительном занятии в рамках изучения 4-часового модуля «Система обязательного социального страхования населения. Пенсионное обеспечение».

Итак, учащимся было предложено пройти тест из 16 вопросов с одним или несколькими правильными ответами, которые включали 6 общих вопросов по системе социальной защиты в РФ и 10 – по пенсионной системе. Всего в 10-м классе обучается 25 человек, в тестировании приняли участие – 19. Как видно из таблицы 4, если в первом случае, на большую часть вопросов учащиеся ответили не верно (39 % правильных ответов), то при повторном тестировании – ответили верно (81 % правильных ответов).

Таким образом, результат данного опроса подтвердил гипотезу о недостаточности одн часовой лекции, проводимой специалистами СФР, и показал положительную динамику в усвоении знаний после изучения 4-часового модуля по теме «Система обязательного социального страхования населения. Пенсионное обеспечение» (рис. 4) (если в первом случае абсолютное число оценок было «не удовлетворительно» и «удовлетворительно», то во втором – «хорошо» и «отлично»). Показательно, что абсолютное большинство правильных ответов были даны на вопросы (№ 9, 10 и 14), которые разбирались на уроках с помощью интерактивных методов обучения (игрового метода) с использование мультимедийных технологий.

Таблица 4

Результаты тестирования учащихся 10-А класса по теме «Система обязательного социального страхования населения. Пенсионное обеспечение»

№ вопроса	Количество верных ответов учащихся				Количество неверных ответов учащихся			
	первый тест	уд. вес, % (оценка)	повторный тест	уд. вес, % (оценка)	первый тест	уд. вес, %	повторный тест	уд. вес, %
1	6	32 % (3)	16	84% (4)	13	68%	3	16%
2	11	58% (3)	14	74% (4)	8	42%	5	26%
3	4	21% (2)	16	84% (4)	15	79%	3	16%
4	5	26% (2)	15	79% (4)	14	74%	4	21%
5	10	53% (3)	11	58% (3)	9	47%	8	42%
6	9	47% (3)	13	68% (4)	10	53%	6	32%
7	4	21% (2)	15	79% (4)	15	79%	4	21%
8	12	63% (4)	15	79% (4)	7	37%	4	21%
9	9	47% (2)	19	100% (5)	10	53%	0	0
10	15	79% (4)	19	100% (5)	4	21%	0	0
11	12	63% (4)	15	79% (4)	7	37%	4	21%
12	11	58% (3)	15	79% (4)	8	42%	4	21%
13	3	16% (2)	14	74% (4)	16	84%	5	26%
14	1	5% (2)	19	100% (5)	18	95%	0	0
15	0	0 (2)	15	79% (4)	19	100%	4	21%
16	8	42% (3)	16	84% (4)	11	58%	3	16%
Общее кол-во учащихся	19		19		19		19	
Средний % ответов	39% (3)		81% (4)		61%		19%	
Средняя оценка	1 тест		«удовлетворительно»		2 тест		«хорошо»	

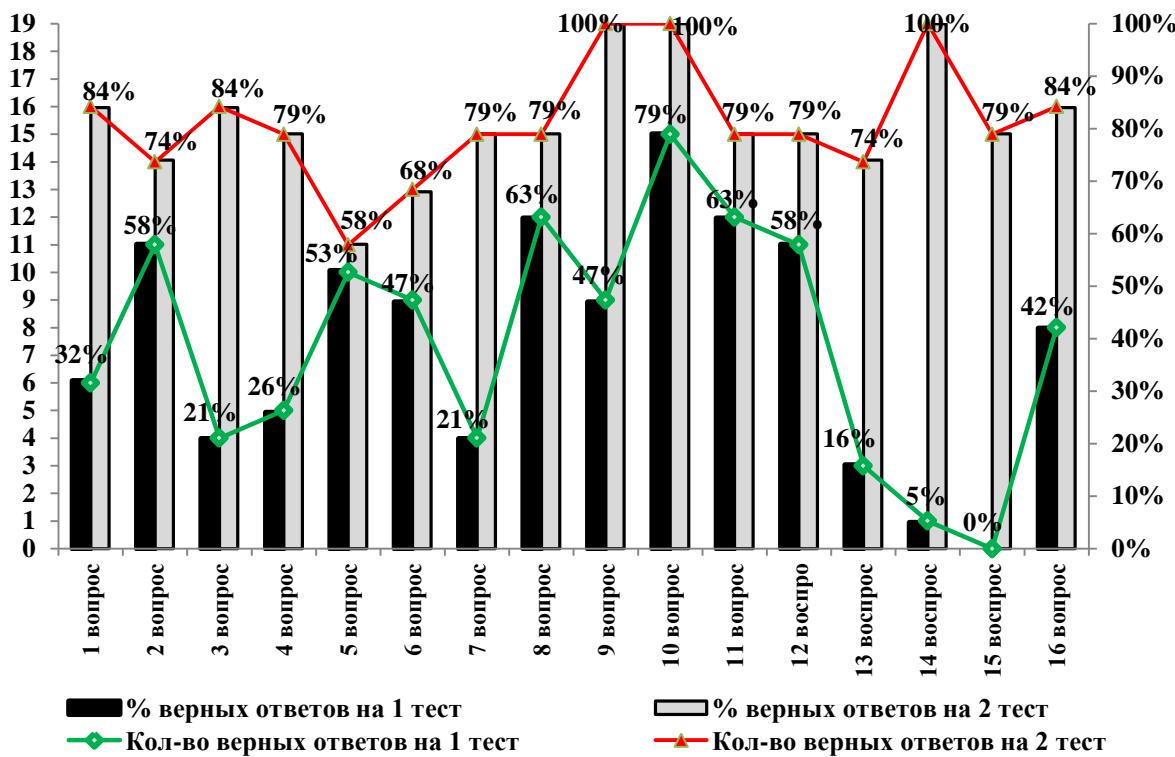

Рис. 4. Динамика усвоения знаний учащимися по теме «Система обязательного социального страхования населения. Пенсионное обеспечение»

Заключение. Таким образом, результаты проведенного исследования позволили сделать вывод об эффективности предлагаемой методики формирования социально-пensionционных знаний у учащихся старших классов и целесообразности их внедрения в учебный процесс в рамках курса обществознания для учащихся старших классов СОО и первого курса СПО или в качестве факультативных занятий.

Внедрение в программу обучения обществознания модуля по основам социальной защиты населения будет способствовать повышению уровня социальной и пенсионной грамотности молодежи, формированию у учащихся не только предпринимательских, финансовых и управлеченческих компетенций, но и формированию у них полезных для будущей самостоятельной взрослой жизни, становлению их как социально ответственных членов общества.

Предложенная методика проверки и оценки усвоения знаний учащимися может быть полезна как для учителей СОО и СПО при проведении уроков по обществознанию, экономике и финансовой грамотности и в качестве методических материалов для проведения факультативных занятий и классных часов, так для преподавателей высших учебных заведений при разработке рабочих учебных программ по спецкурсам для бакалавров направлений 39.03.02 Социальная работа и 38.03.04 Государственное и муниципальное управление при преподавании таких профессиональных дисциплин как «Социальная политика», «Теория социальной работы» и «Организация социальной защиты населения», что станет предметом последующих исследований автора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Теплова А. М. Актуальные проблемы современного школьного образования: взгляд изнутри: межд. пед. портал. – 2023. – URL: <https://solncesvet.ru/>

2. Jaganathan P. Methods of teaching social science / P. Jaganathan // International journal of creative research thoughts. – 2023. – № 11. – P. 514–520.
3. Kivarina M. Modern technologies of teaching economics in the context of the principles of sustainable development M. Kivarina // Web of Conferences. – 2021. – URL: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202129505010>
4. Лабутина М. А. Особенности методики преподавания экономических дисциплин в современных условиях: межд. пед. портал. – 2022. – URL: <https://solncesvet.ru/opublikovannye-materialyi/osobennosti-metodiki-prepodavaniya-ekono.1451787589/?ysclid=lxn330872901308539>
5. Шепталина А. В. Анализ учебных пособий по экономике для учащихся общеобразовательных организаций / А. В. Шепталина, О. М. Толмачёв // Экономика и социум: современные модели развития. – 2020. – Т.10. – № 4. – С. 391–398.
6. Ramaraj S. Methods and resources in teaching social studies / S. Ramaraj // Journal of contemporary educational research and innovations. – 2018. – № 8. – P. 207–216. – URL https://www.researchgate.net/publication/326356212_METHODS_AND_RESOURCES_IN_TEACHING_SOCIAL_STUDIES
7. Балюра М. Ю. Профессиональный стандарт педагога / М. Ю. Балюра // Мир науки, культуры и образования. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnyy-standart-pedagoga/viewer>
8. Иванова Ю. А. Инновационные технологии в процессе подготовки будущего учителя / Ю. А. Иванова, Т. Н. Покусаева, Н. И. Роговская // Известия ВГПУ. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-tehnologii-v-protsesse-podgotovki-buduscheogo-uchitelya/viewer> (дата обращения: 25.07.2025).
9. Евлопова Е. В. Методика обучения экономическим дисциплинам: учебно-методическое пособие / Е. В. Евлопова, Д. Н. Корнеев. – Челябинск: Изд-во Южно-Урал. гос. гуман.-пед. ун-та, 2023. – 108 с.
10. Воронина, А.В. Внедрение электронных образовательных ресурсов в обучение: проблемы и перспективы / А. В. Воронина //: матер. областной научно-практ. пед. конф.: сб. материалов, ГБПОУ «Южно-Уральский государственный технический колледж». – Челябинск: Научно-методический центр Южно-Уральского государственного технического колледжа, 2021. – С. 19–21.
11. Что мы знаем о накопительных пенсиях / ВЦИОМ: результаты исследований. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chto-my-znaem-o-nakopitelnykh-pensiakh?ysclid=m69glgdegk186297824>
12. Школа жизни. Время pragmatиков / ВЦИОМ: результаты исследований. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/shkola-zhizni-vremya-pragmatikov?ysclid=m69gqqzrm2356804636>
13. Сычёва К.В. Формирование пенсионной и социальной грамотности учащихся старших классов на уроках обществознания / К. В. Сычёва, Н. С. Иванова // Педагогическая перспектива: научное сетевое издание. 2024. № 3(15). С. 42–52. – URL: <https://journal-iro23.ru/wp-content/uploads/2024/07/%D0%A1%D1%8B%D1%87%D1%91%D0%B2%D0%90-%D0%98%D0%B2%D0%90%D0%BD%D0%BE%D0%92%D0%90.-2024.-3.-42-52.pdf>
14. По всей стране проходят уроки пенсионной грамотности. – URL: http://www.pfrf.ru/press_center~2017/09/19/142776
15. Все о будущей пенсии. Для учебы и жизни: информационно-образовательный буклете для старшеклассников и учащихся средних специальных заведений по социальной пенсионной тематике / СФР. – 2024. – 15 с.

Поступила в редакцию 29.08.2025 г.

ASSESSMENT OF STUDENTS' KNOWLEDGE ABOUT SOCIAL PROTECTION IN THE CONTEXT OF SECONDARY EDUCATION REFORM

K. V. Sicheva

The article is devoted to an urgent educational problem related to the effectiveness of students' learning in the context of solving the problem of low social and pension literacy of the Russian population. The purpose of the article is to assess awareness of social protection and pension provision of the population in the context of the reform of secondary education: the analysis of the essence of the problem and the search for its solution. The results of a sociological study among parents of high school students regarding the need to improve the school curriculum are presented. A methodology is proposed for verifying and evaluating the knowledge gained after studying the module proposed by the author, followed by an analysis of the results obtained.

Key words: social protection of the population, problem and solution, knowledge assessment, knowledge verification, testing, effectiveness, methodology.

Сычёва Ксения Владимировна

Соискатель,
ФГБОУ ВО «Азовский государственный
педагогический университет», г. Бердянск,
Запорожская обл., РФ.
E-mail: sicheva2604sycheva@yandex.ru.

Sicheva Kseniya Vladimirovna

Candidate of pedagogical sciences degree candidate,
FSBEI HE «Azov State Pedagogical University»,
Berdiansk, RF.
E-mail: sicheva2604sycheva@yandex.ru.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Гуманитарные науки» принимаются не опубликованные ранее научные работы, содержащие новые результаты исследований в области истории, философии, педагогики. Статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования, учитывая научную значимость и актуальность представленных материалов. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. Если рецензия положительна, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статьи авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редакция принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редакция не вступает в дискуссию с авторами отклоненных статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректура статей авторам не высылается.

2. Рукопись подается в одном экземпляре (на русском или английском языках), напечатанном с одной стороны листа бумаги формата А4 (экземпляр подписывается авторами). Объем рукописи, как правило, не должен превышать 15 000 – 20 000 знаков, включая рисунки, таблицы, список литературы. Страницы рукописи должны быть последовательно пронумерованы. Параллельно с рукописью на адрес редакции (emeljanova.n.n@bk.ru) высылается во вложении полный текст статьи (в формате WORD, Office 97-2010). В случае невозможности передачи в редакцию рукописи на электронную почту редакции высылается во вложении полный текст статьи в формате pdf.

Основной текст статьи – шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

Резюме, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи – шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

Текст набирается без автоматической расстановки переносов.

Поля зеркальные: верхнее – 20 мм, нижнее – 25 мм, слева – 30 мм, справа – 20 мм. Межстрочный интервал – одинарный.

Абзацный отступ – 1 см.

3. Текст рукописи должен быть построен по следующей структурной схеме:

- Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа).
- **НАЗВАНИЕ** статьи – полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов);
 - Через строчку: копирайт ©, год (без точки), (три пробела), инициалы и фамилия авторов: полужирный, курсив, выравнивание по левому краю без абзацного отступа (полужирный курсив).
 - На следующей строке: официальное название организации (курсивом).
 - Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объемом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи

проведенного исследования, а также его основные результаты. **Ключевые слова** (это словосочетание – курсивом) (3–5 слов).

Образец оформления начала статьи

УДК 14+1(091)

ПРИНЦИП ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИИ В ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ ХАЙДЕГГЕРА И СОЛОВЬЕВА

© 2025 **И.И. Иванов**

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

Статья посвящена сравнительному изучению онтологических идей Мартина Хайдеггера и Владимира Соловьева, которые старались преодолеть господствующую в их время философию позитивизма, поставив в центр своих философских учений принцип онтологической дифференции. Хайдеггер показывает, что бытие – это время, базовая характеристика субъекта сознания, присутствия в мире. Соловьев показывает, что бытие – это модус Сущего, каковым является только Бог. Таким образом, онтология Хайдеггера является философией бытийствующего субъекта, присутствия, человека в философско-антропологическом смысле. Онтология же Соловьева вырастает из Сущего (Бога). Имея общий полюс отталкивания, философы создают противоположные системы: в центре одной из них – человек, в центре другой – Бог. Так оба философа преодолели философию позитивизма, создав различные онтологические системы в немецком и русском культурном контексте.

Ключевые слова: Владимир Соловьев, Мартин Хайдеггер, онтология, русская философия, немецкая философия.

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение.

Введение: постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Основная часть: основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, метод решения, анализ результатов.

Заключение: констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (10 кегль без абзацного отступа). Перечень литературных источников (СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ) приводится общим списком в конце рукописи в порядке ссылок в тексте (а не в алфавитном порядке) на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник дается в квадратных скобках. Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех-четырехлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

Словосочетание **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** (Полужирный) выравнивается по левому краю.
Образец

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М. : Наука, 1990. – С. 5–33.
2. Белозерова Е. В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е. В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. – Волгоград : ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10–17.
3. Леонтьев А. А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А. А. Леонтьев. – Режим доступа: http://genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml (дата обращения: 25.10.2014).
4. Магера Т. С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т. С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.
5. Методология исследований политического дискурса : [сб. научн. тр. / под ред. Васюткина Е. С.] – М. : Мысль, 2000. – 347 с.

– Далее приводится текст на английском языке (10 кегль):

- название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),
- инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по ширине),
- аннотация, ключевые слова (словосочетание **Key words:** – полужирный курсив) – выравнивание по ширине.

Образец.

Поступила в редакцию 12.01.2025 г.

THE PRINCIPLE OF ONTOLOGICAL DIFFERENTIATION IN THE PHILOSOPHICAL CONCEPTS OF HEIDEGGER AND SOLOVIEV

I. I. Ivanov

The article is devoted to a comparative study of the ontological ideas of Martin Heidegger and Vladimir Solovyov, who tried to overcome the dominant philosophy of positivism in their time, placing the principle of ontological differentiation at the center of their philosophical teachings. Heidegger shows that being is time, the basic characteristic of the subject of consciousness, presence in the world. Soloviev shows that being is a mode of Being, which only God is. Thus, Heidegger's ontology is the philosophy of the being subject, presence, man in the philosophical and anthropological sense. Soloviev's ontology grows out of Being (God). Having a common pole of repulsion, philosophers are aware of opposing systems: in the center of one of them - man, in the center of the other - God. Thus, both philosophers overcame the philosophy of positivism, creating various ontological systems in the German and Russian cultural context.

Key words: Vladimir Soloviev, Martin Heidegger, ontology, presence, Russian philosophy, German philosophy

– В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание по ширине, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора отдельная таблица):

- Фамилия, имя, отчество всех авторов полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).
- Полное название организации – место работы каждого автора в именительном падеже, страна, город (без выделения).
- Должность (без выделения).
- Адрес электронной почты каждого автора.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

Иванов Иван Иванович Доктор философских наук, профессор. ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет» E-mail: i.ivanov@mail.ru	Ivanov Ivan Ivanovich Doctor of Philosophy, Professor. FSBEI HE “Donetsk State University” E-mail: i.ivanov@mail.ru.
---	--

4. Отдельным файлом подаются сведения об авторах (фамилия, имя, отчество, учёная степень, учёное звание, место работы, должность, почтовый адрес, телефон, E-mail) – для авторской картотеки «Вестника».

5. В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом фамилия и инициалы автора набираются через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт).

Образец:

Иванов И.И. Принцип онтологической дифференции в философских концепциях Хайдеггера и Соловьева.

Ivanov I.I. The principle of ontological differentiation in the philosophical concepts of Heidegger and Soloviev

6. Аспиранты и соисследователи вместе со статьей подают рецензию научного руководителя.

7. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений

8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

9. Контактная информация:

83001, г. Донецк, пр. Гурова, 14, Кафедра философии (ауд. 509, 510).

Ответственный редактор: Емельянова Наталия Николаевна, д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры философии Донецкого государственного университета (E-mail: emeljanova.n.n@bk.ru).

Ответственный секретарь: Разумный Виталий Витальевич, канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры всемирной истории ДонГУ (E-mail: razumnyi.vitalii@yandex.ru).

Научное издание

**Вестник Донецкого национального университета.
Серия Б. Гуманитарные науки**

Научный журнал

2025. – № 4

На русском и английском языках

Технический редактор: *M.B. Фоменко*

Свидетельство о регистрации СМИ № 000076 от 21.11.2016 г.